

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 4 (40) 2022

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Чечётин А.Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т.Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М.А., д-р юрид. наук, профессор
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент
Сорокин В.В., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Цуканов Н.Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю.П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А.Г., канд. юрид. наук
Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Заварькин И.Н., канд. юрид. наук
Киселёва М.А., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганян А.М., канд. юрид. наук, доцент
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 12.10.2022.
Выход в свет 14.10.2022.
Заказ № 483. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 23,3. Тираж 67 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2022

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (40) 2022

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief:

Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor
Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Davidov S.I., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia
Grjaznova T.Ye., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kozhevina M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor
Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor
Shkaplerov Ju.P., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Sorokin V.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Tsukanov N.N., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences
Bachurin A.G., Candidate of Juridical Sciences
Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Bragina A.G., Candidate of Juridical Sciences
Cherepanova O.S., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Ermakova O.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Kiseleva M.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shaganyan A.M., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shmidt A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Zavarykin I.N., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «ARZI»
Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 12.10.2022.
Issue date 14.10.2022.
Order 483. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 23,3.
Issue 67 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2022

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Антонов Я.А., Ханахмедова Л.В.</i> О некоторых вопросах ограничения прав человека в условиях противодействия террористической угрозе.....	7
<i>Кожевников О.А.</i> К вопросу о соблюдении юридической техники федеральным законодателем при закреплении нормативных особенностей осуществления местного самоуправления на отдельных территориях в РФ	12
<i>Коновалова Л.Г.</i> Демократия как процесс поиска народной воли	18
<i>Моисеев С.В.</i> Правовая охрана в советской государственно-правовой конструкции (на примере Конституции СССР 1977 г.)	25
<i>Никитчик А.А.</i> Принципы права как основа правовой системы: взгляд либеральных правоведов Российской империи второй половины XIX в. – начала XX в.	30
<i>Овчинникова О.Д., Шаганян А.М.</i> Особенности толкования некоторых видов норм права	37
<i>Чечётин А.Е., Шатохин И.Д.</i> Россия без ЕСПЧ: новая парадигма защиты прав личности	41
<i>Шаламова А.Н.</i> Социально ориентированное государство как механизм правовой реальности.....	48

Административное право и административный процесс

<i>Вагайцев В.М.</i> Вопросы совершенствования правовой регламентации участия в дорожном движении средств индивидуальной мобильности	53
<i>Курсакова Е.Н., Кузнецова Л.В., Варгасова Н.Ю., Соснина О.Н.</i> Отдельные особенности организации работы с несовершеннолетними, находящимися в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей	59
<i>Левенко А.О., Щеглов А.И.</i> О совершенствовании деятельности полиции по контролю за лицами, задержанными за совершение административных правонарушений, связанных с потреблением наркотиков	68
<i>Мирошниченко А.В.</i> Административно-правовое противодействие пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних в сети Интернет	72
<i>Павлюченко А.М.</i> Отдельные проблемы привлечения к административной ответственности за ложный вызов специализированных служб.....	78

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Акапьев В.Л., Дрога А.А., Савотченко С.Е.</i> Профилактика преступлений в сфере информационных технологий	84
<i>Виссаров В.А.</i> Квалификация посредственного исполнения преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ	90
<i>Жигалова Е.А.</i> Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования противодействия информации экстремистской направленности, распространяемой с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации	94
<i>Заварыкин И.Н.</i> К вопросу об эффективности частичной декриминализации побоев и осуществления противодействия данным правонарушениям участковыми уполномоченными полиции Алтайского края	98
<i>Калинин С.В., Левченко А.А., Федулов Б.А.</i> Особенности рецидивной преступности и факторы, влияющие на нее	102
<i>Маракулин Д.А.</i> Законодательные пробелы в вопросах оборота археологических предметов как фактор совершения правонарушений в сфере охраны объектов культурного наследия.....	106

**Уголовный процесс, криминалистика,
судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность**

<i>Климачков А.В.</i> О криминальной ситуации в сфере наркопреступности и мерах по противодействию ей на региональном уровне (по материалам правоохранительных органов Алтайского края)	111
<i>Кукарцев В.Н.</i> Особенности современной характеристики и противодействия хищениям, совершаемым с использованием средств коммуникации	116
<i>Кураков Д.В.</i> Некоторые аспекты деятельности сотрудников органов внутренних дел при раскрытии и расследовании убийств	120
<i>Кутуев Э.К., Гумерова Р.Р.</i> Совершенствование взаимодействия следователя и органа дознания в уголовном судопроизводстве России	124
<i>Лисицын А.Г.</i> Некоторые аспекты оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел	128
<i>Ляпичев В.Е., Глухова Д.А.</i> Значение экспертных исследований в установлении обстоятельств совершения мошенничества, связанного с использованием подложных документов	133
<i>Напханенко И.П., Попандопуло Д.В., Сергеев С.М.</i> К вопросу о разделении полномочий в процессе досудебного производства по уголовным делам	139
<i>Савченко А.Н.</i> Видео-конференц-связь при производстве следственных действий: о чем умолчал законодатель?	145
<i>Умярова Р.Р.</i> Проблемные аспекты реализации судебного контроля за помещением подозреваемых, обвиняемых в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы	152
<i>Шнейдерова Д.И.</i> Осмотр онлайн-криптокошелька заявителя / потерпевшего (по материалам и уголовным делам о хищениях в сфере оборота криптовалют): процессуальный и криминалистический аспекты	156

Гражданско-правовые отношения

<i>Белозерцева В.В.</i> Правосубъектность как предпосылка осуществления субъективного гражданского права	163
<i>Боржеева М.А.</i> Факторы деструкции имиджа правоохранительной системы	168
<i>Васильев А.А., Архипов В.В., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В.</i> Онтологический статус компьютерных игр в контексте правовых исследований	175
<i>Каргин К.В.</i> Пробелы в правовом регулировании требований к юридическим доводам в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве	183

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Antonov Ya.A., Hanahmedova L.V.</i> Some issues of restricting human rights in the conditions of countering the terrorism threat	7
<i>Kozhevnikov O.A.</i> Revisiting the compliance with legal technology by the federal legislator when fixing the regulatory features of the implementation of local self-government in certain territories in the Russian Federation	12
<i>Konovalova L.G.</i> Democracy as a process of searching for the people's will	18
<i>Moiseev S.V.</i> Legal protection in the legal structure of the soviet state (on the example of the USSR Constitution of 1977)	25
<i>Nikitchik A.A.</i> Principles of law as the basis of legal system: the view of liberal lawyers of the Russian empire of the second half of the 19 th – early 20 th centuries	30
<i>Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M.</i> Features of interpretation of some types of law	37
<i>Chechetin A.E., Shatokhin I.D.</i> Russia without European Court of Human Rights: a new paradigm for protection of individual rights	41
<i>Shalamova A.N.</i> Socially oriented state as a mechanism of legal reality	48

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Vagajtsev V.M.</i> Issues of improvement of legal regulation of participation in road traffic of personal mobility devices	53
<i>Kursakova E.N., Kuznetsova L.V., Vargasova N.Yu., Sosnina O.N.</i> Features of the organization of educational work with minors held in temporary detention centers for juvenile offenders	59
<i>Levenko A.O., Shcheglov A.I.</i> On improvement of police control activities for persons detained for administrative offenses related to drug use	68
<i>Miroshnichenko A.V.</i> Administrative and legal counteraction to propaganda of non-traditional sexual relations among minors on the Internet	72
<i>Pavlyuchenko A.M.</i> Some issues of bringing to administrative responsibility for a false alarm to specialized services	78

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Akapev V.L., Droga A.A., Savotchenko S.E.</i> Prevention of crimes in the field of information technology	84
<i>Vissarov V.A.</i> Qualification of the medious performance of the crime specified in art. 171.3 of the Criminal code of the Russian Federation	90
<i>Zhigalova E.A.</i> Some issues of criminal law regulation of countering extremist information disseminated using telecommunications and computer information	94
<i>Zavarykin I.N.</i> On the issue of efficiency of beating partial decriminalization and counteraction to these crimes by district police officers in the Altai region	98
<i>Kalinin S.V., Levchenko A.A., Fedulov B.A.</i> Features of recidivism and factors affecting it	102
<i>Marakulin D.A.</i> Legislative gaps in the issues of archaeological objects turnover as a factor of the commission of offenses in the field of cultural heritage objects protection	106

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Klimachkov A.V.</i> On the criminal situation in the sphere of drug crime and measures to counter it at the regional level (by the materials of the law enforcement authorities of the Altai Territory)	111
<i>Kukartsev V.N.</i> Features of modern characteristics and counteraction to theft committed with the use of communications	116
<i>Kurakov D.V.</i> Some aspects of the activities of internal affairs officers during the murder disclosure and investigation	120
<i>Kutuev E.K., Gumerova R.R.</i> Improving the interaction of the investigator and the body of inquiry in criminal proceedings in Russia	124

<i>Lisitsyn A.G.</i> Some aspects of operational-search support of criminal cases	128
<i>Lyapichev V.Ye., Glukhova D.A.</i> The importance of expert investigation in establishing the circumstances of fraud related to the use of forged documents.....	133
<i>Naphanenko I.P., Popandopulo D.V., Sergeyev S.M.</i> Revisiting the separation of powers in the process of pre-judicial proceedings in criminal cases.....	139
<i>Savchenko A.N.</i> Video conferencing during investigative actions: what did the legislator keep silent about?....	145
<i>Umyarova R.R.</i> Problem aspects of the implementation of judicial control over the placement of suspects accused in a medical organization for a forensic investigation	152
<i>Shneiderova D.I.</i> Inspection of online cryptocurrency wallet of the applicant / involved (on materials and criminal cases on theft in the sphere of cryptocurrency traffic): procedural and criminalistics aspects.....	156

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Belozertseva V.V.</i> Legal personality as a precondition for implementation subjective civil law	163
<i>Borzheeva M.A.</i> Factors of destruction of the image of the law enforcement system.....	168
<i>Vasiliev A.A., Arkhipov V.V., Andreev N.Yu., Pechatnova Y.V.</i> Ontological status of computer games in the context of legal research	175
<i>Kargin K.V.</i> Gaps in the legal regulation of requirements for juridical arguments in civil and arbitration procedural legislation.....	183

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

Научная статья
УДК 341.231.14

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЕ

Ян Анатольевич Антонов¹, Людмила Викторовна Ханахмедова²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, antonovyan9089@mail.ru

² Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия

Аннотация. В статье исследуются и рассматриваются теоретико-правовые аспекты и проблемы ограничения и обеспечения прав человека, правозащитного направления деятельности государственных органов в условиях особых правовых режимов в Российской Федерации.

Отражены особенности статуса субъектов в сфере противодействия терроризму, обозначены основные проблемные аспекты реализации правозащитной функции государственных органов в условиях введения особого правового режима.

Ключевые слова: условия особых правовых режимов, правовое регулирование, обеспечение и ограничение прав человека, терроризм, субъекты противодействия, правозащитная функция государства, защита прав человека

Для цитирования: Антонов Я.А., Ханахмедова Л.В. О некоторых вопросах ограничения прав человека в условиях противодействия террористической угрозе // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 7-11.

Original article

SOME ISSUES OF RESTRICTING HUMAN RIGHTS IN THE CONDITIONS OF COUNTERING THE TERRORISM THREAT

Yan A. Antonov¹, Ljudmila V. Hanahmedova²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, antonovyan9089@mail.ru

² Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan branch, Ryazan, Russia

Abstract. The article explores and examines the theoretical and legal aspects and problems of ensuring human rights and human rights activities of state bodies in the conditions of special legal regimes in the Russian Federation.

The peculiarities of the status of subjects in the sphere of countering terrorism are reflected, the main problematic aspects of the implementation of the human rights function of state bodies in the conditions of the introduction of a special legal regime are outlined.

Keywords: conditions of special legal regimes, legal regulation, provision and restriction of human rights, terrorism, subjects of counteraction, human rights function of the state, protection of human rights

For citation: Antonov Ya.A. Some issues of restricting human rights in the conditions of countering the terrorism threat. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:7-11 (In Russ.).

Общественное регулирование социальных отношений, как и обеспечение прав человека в условиях особых правовых режимов, связано с особенностями правового регулирования и осуществляется посредством различного рода социальных велений и предписаний, среди которых основополагающая роль традиционно отводится преимущественно нормативным запретам или ограничениям. В настоящее время возрастание роли различного рода дозволений или прав не приводит сколько бы то ни было к значительному снижению базовой роли ограничений, находящих свое выражение в форме запретов или обязанностей.

При проведении научных исследований прав и их правового регулирования наибольшее внимание уделяется анализу как в объективном, так и субъективном ракурсе дозволений и прав.

Анализу же запретов и ограничений в праве, особенно чрезвычайном, исследователи уделяют значительно меньше внимания, при этом указывая, что данные актуальные вопросы требуют порой не меньшего, а в некотором смысле даже большего, усиленного внимания исследователей юридической науки и правоприменительной практики [1, с. 23-32].

В рамках проводимого исследования постараемся отразить некоторые вопросы ограничения прав человека в условиях противодействия террористической угрозе. При этом в качестве ключевого будет использоваться понятие «ограничение в праве», т.к. именно оно прежде всего выступает в качестве универсального регулятора общественных отношений в условиях правовых режимов в целом и особого правового режима, связанного с противодействием террористической угрозе, в частности.

В этом смысле ограничения в праве несколько схожи с правовыми нормами. В современной научной доктрине существует одно из положений, в соответствии с которым ограничения в праве необходимо понимать как сдерживание противозаконного поведения или криминального поведения [2, с. 33]. Такой точки зрения придерживается А.В. Малько [3, с. 20; 4, с. 105]. В то время как, например, А.А. Подмарев по поводу ограничений в праве отмечает, что «это пределы реализации человеком своих прав. Такие пределы заключаются в запретах и ограничениях» [5, с. 68].

Ограничение в праве в России имеет достаточно долгую историю, считаем необходимым в рамках нашего исследования коротко остановиться на некоторых его аспектах, нашедших свое отражение в историографии российского законодательства. Так, ограничение права собственности одного субъекта в интересах права пользования других впервые рассматривалось в Соборном уложении 1649 г. Это ограничение заключалось в запрете дарения родовых

и выслуженных вотчин, если у дарителей есть дети и внуки. В этом же году появилось дополнительное ограничение, которое предусматривало запрет завещания родовых и выслуженных вотчин посторонним лицам при наличии у завещателя детей и других родственников.

В современном тексте Конституции РФ термин «ограничение права» используется семь раз (ст. 19, 23, 55, 56, 74, 79, 133), также в некоторых статьях речь фактически идет об ограничениях, хотя сам этот термин не употребляется (ст. 13, 20, 22, 24, 25, 29, 31 и др.). Кроме того, в ряде статей использован близкий по значению термин «умаление» (ст. 21, 55, 62) [6, с. 21].

Анализ указанных конституционных норм отраслевого законодательства, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод, что в них фактически речь идет о тех или иных формах ограничения прав и свобод человека и гражданина как внешнем проявлении его содержания или конкретном способе реализации.

Формами ограничений в зависимости от обстоятельств могут быть обязанности, запреты, приостановления, меры защиты, наказание, ответственность, меры пресечения, опека, попечительство, ограничение дееспособности, необходимая оборона, крайняя необходимость и др.

Так, любое установление нормативным актом юридических обязанностей или юридической ответственности индивидов является прямым или косвенным ограничением прав и свобод человека и гражданина. Например, юридическая ответственность всегда несет в себе ограничение права на свободу и личную неприкосновенность либо права собственности, обязанность проходить срочную военную или альтернативную службу ограничивает право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Конституция РФ (ч. 3 ст. 55) закрепляет, что закон – единственное основание ограничений основных прав и свобод человека и гражданина, данная норма предусматривает ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в отдельных случаях и только федеральным законом, но лишь в тех целях, которые перечислены в данной статье, однако отсутствует толкование о применении ограничений в праве как в условиях нормального конституционного правопорядка, так и в условиях особых правовых режимов.

В международно-правовых документах возможность ограничения прав и свобод впервые была провозглашена во Всеобщей декларации прав человека, а реализована в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [7, с. 33]. Между тем в международно-правовых документах нет еди-

ного толкования понятия «ограничение права». Так, во Всеобщей декларации прав человека (п. 2 ст. 29), Пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4), Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ (ст. 24) используется термин «ограничения», в Пакте о гражданских и политических правах (ст. 4) – «отступление государств от своих обязательств»; в Американской конвенции о правах человека (ст. 27) – «приостановление гарантий», а в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод используются на равных основаниях два термина – «ограничения» (ст. 9-11, 18) и «отступление от своих обязательств» (ст. 15).

В рассматриваемом контексте важное теоретическое и практическое значение имеет не только проблема целей ограничений в праве – найти разумный компромисс между общественной необходимостью и интересами носителя и обладателя права, но и определение пределов и степени ограничения прав и свобод человека и гражданина. Особое значение, на наш взгляд, это приобретает в условиях противодействия террористической угрозе. Поскольку ограничение права возможно до тех пределов, при которых оно не вступает в противоречие с истинным назначением самого права. Четкая фиксация оснований, объема и содержания ограничений права позволяет установить пределы его ограничений. Конституционные положения, санкционирующие ограничения прав личности, должны быть понятными любому гражданину и должностному лицу. В то время как отсутствие определенности в этих вопросах может привести к правонарушениям со стороны должностного либо обязанного лица или к неполному использованию предоставленных правомочий.

Ограничения в праве можно разделить на различные виды. В научной доктрине выделяются различные основания для классификации ограничений в праве. Так, по времени действия они могут быть временными и постоянными. В пример можно привести ограничения, о которых говорится в статье 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», – на территориях (объектах), в пределах которых (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, на период проведения контртеррористической операции. К мерам и временным ограничениям общего характера можно отнести:

1) проверку у физических лиц документов, удостоверяющих их личность, а в случае отсутствия таких документов – доставление указанных лиц в органы внутренних дел Российской Федерации (иные компетентные органы) для установления личности;

2) удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов, а также отбуксировка транспортных средств;

3) усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, а также объектов, имеющих особую материальную, историческую, научную, художественную или культурную ценность;

4) ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших и совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов;

5) использование транспортных средств, принадлежащих организациям независимо от форм собственности (за исключением транспортных средств дипломатических представительств, консульских и иных учреждений иностранных государств и международных организаций), а в неотложных случаях и транспортных средств, принадлежащих физическим лицам, для доставления лиц, нуждающихся в срочной медицинской помощи, в лечебные учреждения, а также для преследования лиц, подозреваемых в совершении террористического акта, если промедление может создать реальную угрозу жизни или здоровью людей;

6) приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества;

7) приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи;

8) временное отселение физических лиц, проживающих в пределах территории, на которой введен правовой режим контртеррористической операции, в безопасные районы с обязательным предоставлением таким лицам стационарных или временных жилых помещений;

9) введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других карантинных мероприятий;

10) ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и объектах;

11) беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо

от форм собственности для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом;

12) проведение при проходе (проезде) на территорию, в пределах которой введен правовой режим контртеррористической операции, и при выходе (выезде) с указанной территории досмотра физических лиц и находящихся при них вещей, а также досмотра транспортных средств и провозимых в них вещей, в т.ч. с применением технических средств;

13) ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств и ядовитых веществ, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные или сильнодействующие вещества, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

14) ограничение или приостановление частной детективной и охранной деятельности.

На отдельных участках территории (объектах), в пределах которой (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции, могут устанавливаться (вводиться) как весь комплекс мер и временных ограничений, так и отдельные меры и временные ограничения.

Так, например, при пресечении и раскрытии террористического акта, минимизации его последствий и защите жизненно важных интересов личности, общества и государства может вводиться проверка у физических лиц документов, удостоверяющих их личность, а в случае отсутствия таких документов – доставление указанных лиц в органы внутренних дел Российской Федерации (иные компетентные органы) для установления личности; удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов, а также отбуксировка транспортных средств; временное отселение физических лиц, проживающих в пределах территории, на которой введен правовой режим контртеррористической операции, в безопасные районы с обязательным предоставлением таким лицам стационарных или временных жилых помещений; ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и объектах [8].

Постоянные же ограничения в праве – это такие, которые действуют всегда, независимо от ситуации. К ограничениям такого рода также необходимо относить ограничение свободы слова или ограничение раскрытия информации, которая содержит государственную, коммерческую тайну.

Постоянные ограничения могут затрагивать и широкий круг лиц. Такие ограничения можно встретить, например, в ЗК РФ [9], законодательстве о недрах и др. Они непосредственно касаются земельных правоотношений, на которые распростра-

няются нормы о специальных правовых режимах – чрезвычайном положении, контртеррористической операции и др.

Необходимо отметить, что ограничения в праве следует соотносить с правовыми запретами. Здесь есть и общие, и отличительные черты. Запрет представляет собой полное отсутствие права, в то время как ограничение – это всего лишь частичное пресечение, которое не есть полное отсутствие права [10, с. 29].

Ограничения в праве в условиях особых правовых режимов обладают своей спецификой и базируются на определенных принципах, к которым можно отнести следующие:

1. Сформированность разделения в технологическом и объектном отношении.

2. Соразмерность ограничений с затратами и степенью потенциальной опасности, степенью интегрированности.

3. Актуализация проблем, с целью которых вводится ограничение.

4. Рациональность использования ресурсов для обеспечения механизма ограничения в праве.

5. Соответствие ограничений международным и национальным тенденциям.

6. Учет интересов граждан, экономической, социальной безопасности государства, граждан.

7. Контроль рисков и угроз, в т.ч. при использовании ресурсов.

8. Соотносимость и учет различных отраслей права.

Ограничение прав в условиях особого правового режима при противодействии терроризму выступает как обязательный элемент правового механизма управления государственными органами в целях обеспечения и защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина.

Благодаря ограничениям в праве сотрудникам органов внутренних дел удается не только пресечь противоправную деятельность, направленную на совершение актов террористического характера, но и предотвратить реальную угрозу их совершения. При этом не допустить совершения многих сопутствующих преступлений против личности, её прав и законных интересов и склонить неустойчивых криминально активных лиц к правомерному типу поведения и отказу от реализации криминальных замыслов.

В некоторых случаях ограничение личных прав и свобод является правомерным независимо от того, имеются ли правонарушения. Это делается в целях предотвращения правонарушений либо обеспечения безопасности людей и ликвидации негативных ситуаций. В правоприменительной практике возможность применения сотрудниками органов внутренних дел

тех или иных форм ограничений при противодействии терроризму гарантирует достижение законных целей чаще всего одной потенциальной возможностью своего применения. Применение ограничений допускается лишь в строгом соответствии с правовой нормой, причем оно должно быть не только законным, но и целесообразным и строго индивидуальным, кроме того, не должно преследовать цели причинить лицу физическое или духовное страдание.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что возможность ограничения прав и свобод на территории функционирования особых правовых режимов вытекает из их предназначения и оправдано

необходимостью защиты правового статуса граждан. Ограничивая некоторые права человека в условиях режима контртеррористической операции, государственные субъекты берут на себя обязательство гарантировать реализацию остальных прав и свобод, не менее важных для нормального существования.

Таким образом, можно констатировать, что основная цель ограничения прав человека в условиях противодействия террористической угрозе состоит в защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечении обороны страны и безопасности государства.

Список источников

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. Л.А. Плеханова. М.: Юридическая литература, 1989. 288 с.
2. Книс Д.А. К вопросу о понятии криминального поведения в теории оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. С. 33-38.
3. Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5. С. 19-22.
4. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: монография. М.: Юристъ, 2004. 250 с.
5. Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 185 с.
6. Смирнов А.В. К вопросу о критериях ограничения конституционных прав и свобод: принцип компенсации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 1. С. 15-22.
7. Лисов В.В. Конституционно-правовая природа ограничений основных прав // Современное право. 2014. № 5. С. 30-35.
8. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Головкин Р.Б. Некоторые аспекты ограничения ограничений в праве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 127-132.

Информация об авторе

Л.В. Ханахмедова – кандидат юридических наук.

Information about the author

L.V. Hanahmedova – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 342.52+340.11

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЕМ ПРИ ЗАКРЕПЛЕНИИ НОРМАТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В РФ

Олег Александрович Кожевников

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева;

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, jktu1976@yandex.ru

Аннотация. В рамках настоящей работы автор акцентирует внимание на правовом регулировании особенностей организации местного самоуправления на отдельных территориях в РФ. Анализ отдельных норм федерального законодательства в части регулирования обозначенных правоотношений показывает пренебрежение федеральным законодателем правил юридической техники при формировании текста нормативных актов. Несоблюдение в рамках федерального законотворчества норм юридической техники не только осложняет правоприменительную практику, но и существенным образом снижает уровень системности, координированности норм муниципального права.

Ключевые слова: конституция, юридическая техника, федеральное законотворчество, местное самоуправление на отдельных территориях, муниципальное право, законодательство о местном самоуправлении, единая система публичной власти, отсылочные нормы

Для цитирования: Кожевников О.А. К вопросу о соблюдении юридической техники федеральным законодателем при закреплении нормативных особенностей осуществления местного самоуправления на отдельных территориях в РФ // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 12-17.

Original article

REVISITING THE COMPLIANCE WITH LEGAL TECHNOLOGY BY THE FEDERAL LEGISLATOR WHEN FIXING THE REGULATORY FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN CERTAIN TERRITORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Oleg A. Kozhevnikov

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, jktu1976@yandex.ru

Abstract. In the framework of this work, the author focuses on a topic on the legal regulation of the peculiarities of the organization of local self-government in certain territories in the Russian Federation. The analysis of individual norms of federal legislation regarding the regulation of the designated legal relations clearly shows the «disregard» of the rules of legal technique by the federal legislator when forming the text of normative acts. Non-compliance with the norms of legal technology within the framework of federal lawmaking not only complicates law enforcement practice, but also significantly reduces the level of consistency and coordination of municipal law norms.

Keywords: constitution, legal technique, federal lawmaking, local self-government in certain territories, municipal law, legislation on local self-government, unified system of public authority, reference norms

For citation: Kozhevnikov O.A. Revisiting the compliance with legal technology by the federal legislator when fixing the regulatory features of the implementation of local self-government in certain territories in the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:12-17 (In Russ.).

© Кожевников О.А., 2022

Согласно ст. 12 Конституции РФ местное самоуправление как одна из форм народовластия признается и гарантируется в Российской Федерации. Закрепляя самостоятельность местного самоуправления в качестве его основного свойства и принципа взаимоотношений с органами государственной власти, Конституция Российской Федерации вместе с тем исходит из того, что эта самостоятельность не является абсолютной, а должна определяться пределами, устанавливаемыми действующим законодательством. Действующий ныне Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – Закон № 131-ФЗ) содержит два источника нормативных границ осуществления местного самоуправления в РФ. Первый источник – это нормативные положения ч. 2 ст. 1 названного закона, устанавливающие, что местное самоуправление в Российской Федерации как форма осуществления народом своей власти функционирует в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации. Таким образом, законодатель за основу законодательных ограничений осуществления местного самоуправления взял прежде всего уровень федерального законодательства, поскольку именно такой подход позволяет государству в лице его органов власти обеспечить равным образом гарантированность данной формы народовластия на всей территории РФ. Другой источник – это положения ст. 4 упомянутого ранее закона, содержащей в себе весь перечень нормативных актов федерального, регионального и местного уровней, составляющий правовую основу местного самоуправления. Таким образом, местное самоуправление как форма решения уполномоченными субъектами права вопросов местного значения и иных делегированных им государственных полномочий находится в прямой связи с установленными в нашем государстве нормативными основами местного самоуправления, которые в научной литературе, как правило, обозначаются широким термином – законодательство о местном самоуправлении.

Указанная взаимосвязь, очевидно, позволяет сделать вывод о том, что о качестве и эффективности местного самоуправления в России можно говорить только в непрерывной связи с качеством законодательства о местном самоуправлении, поскольку последнее и определяет «нормативные» правила осуществления народом своей власти – местного самоуправления на территории муниципальных образований. Многие исследователи на протяжении уже длительного периода времени отмечают различные негативные аспекты качества российского законодательства о местном самоуправлении [1, 2,

3]. Кроме того, нормативное регулирование в сфере местного самоуправления отличается крайней степенью неустойчивости и склонностью федерального законодателя к постоянному внесению изменений и дополнений в положения федеральных законов. Так, с момента принятия ныне действующего Закона № 131-ФЗ в него федеральный законодатель уже внес изменения и дополнения более 190 раз, т.е. как минимум в течение года базовая правовая основа местного самоуправления в среднем корректировалась на федеральном законодательном уровне минимум 10 раз. О недостаточности внимания федерального законодателя к качеству нормативной регламентации местного самоуправления говорит и тот факт, что перед рассмотрением во втором чтении в Государственной Думе РФ законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от различных субъектов права поступило более 700 поправок в различные статьи и главы [5]. Все эти негативные аспекты деятельности федерального законодателя, с одной стороны, имеют прямое воздействие на затрудненность формирования законодательной основы в части системного, поступательного развития местного самоуправления в территориях, с другой стороны, дают постоянную пищу для научных исследований и полемики.

В рамках настоящего исследования хотелось бы обратиться к обозначению проблематики, которая изредка становится предметом научных исследований и обсуждений, хотя при внимательном изучении нельзя не отметить в ней очередную долю непоследовательности и формализма федерального законодателя к вопросам правового регулирования местного самоуправления. Речь идет о юридической технике закрепления особенностей осуществления местного самоуправления на отдельных территориях, которые в действующем федеральном законодательстве определены прежде всего в главе 11 Закона № 131-ФЗ. На первый взгляд «юридического обывателя», никаких особых проблем в нормативных положениях указанной главы не имеется, поскольку законодателем применен отсылочный подход к формированию особенностей осуществления местного самоуправления на отдельных территориях, настраивая исследователей и правоприменителей на тот факт, что указанные особенности мы сможем обнаружить, переходя к указанным в законе ссылкам.

Не видит никакой проблемы и угрозы в применении такого подхода в дальнейшем и федеральный законодатель, предлагая к рассмотрению уже во втором чтении законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – законопроект № 40361-8), поскольку текст норм законо-

проекта практически дублирует имеющиеся положения главы 11 Закона № 131-ФЗ. Вместе с тем представляется, что такой поверхностный, несистемный подход к формированию особенностей организации местного самоуправления на отдельных территориях не только не способствует формированию системной основы местного самоуправления на данных территориях, но и во многом является разрушительным для и без того болезненного, постоянно меняющегося законодательства о местном самоуправлении в целом. Поскольку упомянутая глава 11 Закона № 131-ФЗ содержит 11 статей, каждая из которых особым образом определяет отличительные правовые аспекты осуществления местного самоуправления на отдельных территориях и нуждается в отдельном исследовании. Остановимся кратко лишь на отдельных положениях вышеназванной главы.

Так, статья 82.1 Закона № 131-ФЗ ожидаемо настраивает нас на определение нормативных особенностей организации местного самоуправления в муниципальных образованиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции). Внимательное изучение текста нормативных положений названной статьи не только не вносит какой-либо существенной ясности, но и направляет не только исследователя, но и прежде всего правоприменителя на дальнейший поиск ответов в части реализации особенностей организации местного самоуправления на соответствующей территории. В частности, часть 1 вышеназванной статьи закрепляет, что органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации определяют поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в целях осуществления закупок товаров и связанных с такими закупками услуг для обеспечения муниципальных нужд в случае утверждения законом этого же субъекта РФ перечня товаров и услуг, централизованные поставки и оказание которых необходимы для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований.

Поистине круговорот воды в природе, т.е. федеральный законодатель, определяя особенности осуществления местного самоуправления в муниципальных образованиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции), говорит: «а посмотрите законодательство субъектов РФ? Есть ли там закон об утверждении перечня товаров и услуг, централизованные поставки и оказание которых необходимы для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований?», однако и это еще не завершение «похода к поиску истины», поскольку в соответствии с ч. 4 статьи 82.1 Закона № 131-ФЗ перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными

сроками завоза грузов (продукции) утверждается Правительством Российской Федерации.

Таким образом, для того чтобы заинтересованный правоприменитель или пытливым исследователь смог использовать или применить к конкретной ситуации (правоотношению) нормы ст. 82.1 Закона № 131-ФЗ, он должен сначала найти акт Правительства РФ, определяющий перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов (продукции), затем определить, присутствует ли в субъекте РФ, к которому относится район, указанный в вышеназванном перечне Правительства РФ, закон, определяющий уже перечень товаров и услуг, централизованные поставки и оказание которых необходимы для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований, убедиться, что в указанный перечень законодатель субъекта РФ внес только те товары и услуги, которые указаны в ч. 2 ст. 82.1 Закона № 131-ФЗ, и только после этого у правоприменителя или исследователя есть шанс определить такую особенность местного самоуправления в муниципальном образовании, относящемся к территории районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов (продукции), как наличие определенного субъекта права, осуществляющего закупку товаров и связанных с такими закупками услуг для обеспечения муниципальных нужд.

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно обращал внимание нормотворческих органов на критерий определенности правовой нормы и отмечал, что «критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями»¹. Представляется, что примененная федеральным законодателем юридическая техника изложения особенностей осуществления местного самоуправления в муниципальных образованиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции), не только не вносит ясности, но и губительна для правоприменителя, не обладающего специальными познаниями в области юриспруденции, поскольку очевидно вносит больше трудностей и неопределенности, чем облегчает правовое регулирование.

Другой пример – статья 82.3 Закона № 131-ФЗ, которая должна, исходя из ее названия, определять

¹ См.: постановления от 20 декабря 2011 г. № 29-П, от 2 июня 2015 г. № 12-П, от 19 июля 2017 г. № 22-П.

особенности организации местного самоуправления на территориях опережающего социально-экономического развития. Однако сама статья никаких особенностей не определяет, а отсылает искать таковые в Федеральном законе от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее – Закон № 473-ФЗ). Внимательное изучение названного закона и поиск особенностей организации местного самоуправления на территориях опережающего социально-экономического развития не только не проясняет ситуации, но и дополнительно вызывает вопросы и запутывает правоприменителей и исследователей. Во-первых, ст. 1 Закона № 473-ФЗ, определяющая предмет его правового регулирования, не содержит никакого упоминания о правоотношениях, связанных с местным самоуправлением и особенностями его осуществления в данных территориях. Из всего содержания закона особенностям осуществления не местного самоуправления, как ожидалось, а лишь осуществлению полномочий органов местного самоуправления на территории опережающего социально-экономического развития посвящены две статьи главы 6 названного закона. Часть 2 статьи 23 Закона № 473-ФЗ устанавливает, что полномочия органов местного самоуправления на территории опережающего социально-экономического развития осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом исключены полномочия, отнесенные названным законом к компетенции уполномоченного федерального органа или управляющей компании, включая организацию и проведение мероприятий, предусмотренных законодательством Российской Федерации об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности. И здесь возникает очевидный вопрос о соответствии названного положения статьи требованиям Конституции РФ. Во-первых, часть 2 ст. 130 Конституции РФ императивно определяет, что местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Таким образом, ни Конституция РФ, ни неоднократно изложенные позиции Конституционного Суда РФ не допускают осуществления местного самоуправления никакими федеральными органами власти или управляющими компаниями в статусе акционерного общества. Во-вторых, законодательство о местном самоуправлении не допускает изъятия полномочий органов местного самоуправления в пользу каких-либо субъектов права на постоянной основе.

Статья 75 Закона № 131-ФЗ определяет исчерпывающий перечень обстоятельств, при наличии которых отдельные полномочия органов местного

самоуправления могут временно осуществляться только органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а ч. 1.2 ст. 17 этого же закона предусматривает лишь возможность временного перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации законами этого субъекта Российской Федерации. Таким образом, решение вопросов местного значения и реализация полномочий органами местного самоуправления в РФ по решению названных вопросов – это исключительная конституционная компетенция населения и органов местного самоуправления, поэтому изъятие на постоянной основе и передача полномочий по решению вопросов местного значения от органов местного самоуправления иным субъектам права даже на уровне отдельно изданного федерального закона, с нашей точки зрения, является прямым нарушением Конституции РФ в силу ч. 1 ст. 15 ее положений. Нормативные основы особенностей осуществления местного самоуправления на территории опережающего социально-экономического развития в этой части не могут применяться и должны быть скорейшим образом приведены в соответствие с Основным Законом нашей страны.

Наконец, третий пример подхода федерального законодателя к правовой регламентации особенностей организации местного самоуправления на отдельных территориях – это положения статьи 82.5 Закона № 131-ФЗ, которые, очевидно, должны определять особенности организации местного самоуправления на территории свободного порта Владивосток. Как и на территориях опережающего социально-экономического развития, вышеназванная статья определяет, что она устанавливает особенности осуществления отдельных полномочий органов местного самоуправления на территории свободного порта Владивосток. Таким образом, снова название статьи не соответствует содержанию норм, которые она включает, поскольку совершенно очевидно, что организация местного самоуправления и осуществление отдельных полномочий органов местного самоуправления не являются идентичными и тождественными категориями. Кроме того, очередной раз федеральный законодатель в тексте ст. 82.5 Закона № 131-ФЗ делает отсылку правоприменителей в поиске особенностей к другому нормативному акту – Федеральному закону от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» (далее – Закон № 212-ФЗ).

Уже традиционно для данной модели федерального регулирования особенностей организации местного самоуправления на отдельных территориях можно отметить, что предмет и цели регулирования специального закона не соотносятся с положениями базового (основного) закона. Так, ст. 1 Закона № 212-ФЗ

в качестве предмета регулирования указывает лишь «отношения, связанные с созданием и функционированием свободного порта Владивосток». Никакого местного самоуправления или его особенностей организации в предмете закона даже не просматривается. Такая же ситуация с целями вышеназванного закона, которые определены в ч. 2 ст. 1 Закона № 212-ФЗ. На местное самоуправление ориентируется лишь п. 1 ч. 2 ст. 1 Закона № 212-ФЗ, к тому же только в части того, что данный закон направлен «на обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, органов местного самоуправления, общественности, предпринимателей и инвесторов в целях развития свободного порта Владивосток». Окончательно сбивают с толку положения ст. 2 разбираемого нами закона, которые императивно говорят о том, что свободный порт Владивосток с входящими в него территориями создан по смыслу закона для установления мер государственной поддержки предпринимательской деятельности.

Можно ли говорить о каком-то качестве юридической техники законодательной работы федерального законодателя при таком халатном разбросе норм и отношений по разным нормативным актам, которые между собой не только не связаны, но и посвящены в общем-то другим группам правоотношений? Думается, что очевидный ответ находится на поверхности. Подтверждение названного вывода можно увидеть и в остальных положениях Закона № 212-ФЗ.

Так, первое, что бросается в глаза при прочтении норм закона, – в нем не содержится отдельных глав или статей ни в отношении особенностей организации местного самоуправления, ни особенностей осуществления отдельных полномочий органов местного самоуправления, все приходится искать «вручную», погружаясь в нишу всего объема текста. Первое упоминание, которое можно встретить в Законе № 212-ФЗ о местном самоуправлении, – это положения ст. 4 названного нормативного акта, которая определяет территории муниципальных образований, входящие в свободный порт Владивосток.

И тут опять возникает вопрос, эти положения относятся к особенностям организации местного самоуправления, к особенностям осуществления отдельных полномочий органов местного самоуправления, а может, к обеспечению взаимодействия между субъектами, указанными в п. 1 ч. 2 ст. 1 Закона № 212-ФЗ? Представляется, что ни одна из указанных версий на 100% быть правильным ответом не может.

Далее статья 5 названного закона определяет источники финансового обеспечения создания (модернизации) объектов инфраструктуры на территории свободного порта Владивосток, среди них упомяну-

ты бюджеты муниципальных образований, которые используются в порядке, установленном бюджетным законодательством. Остается загадкой не только для обыденного правоприменителя, но и для профессионального исследователя, а что в этом нового и особенного. Во-первых, правоотношения в области местного бюджета строго императивно и так подчинены положениям бюджетного законодательства, а во-вторых, вопросы организации на территории муниципальных образований электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения уже длительное время относятся к вопросам местного значения и целевым образом обеспечиваются за счет средств местного бюджета.

Статья 7 Закона № 212-ФЗ устанавливает полномочие Наблюдательного совета свободного порта Владивосток как коллегиального органа управления осуществлять координацию деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по вопросам развития и функционирования свободного порта Владивосток. Традиционно под координацией (от лат. *co* – совместно и *ordinatio* – упорядочение) понимается взаимосвязь, согласование, приведение в соответствие [5]. Относительно местного самоуправления как формы народовластия вопросы координации между уровнями власти императивно закреплены в ст. 5 и 6 Закона № 131-ФЗ, в соответствии с которыми «осуществление исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий органами федеральной и региональной государственной власти в отношении муниципальных образований и органов местного самоуправления допускается только в случаях и порядке, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, названным Федеральным законом, другими федеральными законами».

Поскольку содержание и порядок координации Наблюдательным советом деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по вопросам развития и функционирования свободного порта Владивосток Законом № 212-ФЗ не определены, представляется, что простое упоминание о данном полномочии одного из органов управления свободного порта Владивосток в части органов местного самоуправления подчиняется общим требованиям Конституции и Закона № 131-ФЗ и не несет какой-то дополнительной юридической нагрузки. Единственной особенностью реализации полномочий органами местного самоуправления, которые отчетливо закреплены Законом № 212-ФЗ, являются положения ст. 28, в которых отражены особенности правового регулирования градостроительной деятельности на территории свободного порта Владивосток. На наш взгляд, это единственная статья закона,

которая реализует в полной мере текст нормы ст. 82.5 Закона № 131-ФЗ.

Подводя итоги, следует отметить, что общественные отношения в области местного самоуправления составляют предмет одной из самых молодых, динамично меняющихся отраслей российского права – муниципального права, которую абсолютное большинство исследователей (С.А. Авакьян, Н.С. Бондарь, И.В. Выдрин, А.Т. Карасев, В.В. Комарова, А.Н. Кокотов, О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев, Е.С. Шугрина и др.) однозначно определяют как комплексную отрасль российского права. Развитие данной отрасли и муниципально-правовых отношений базируется на комплексной нормативно-правовой основе, базовую часть которой составляют федеральные законы. Приведенные примеры и в целом законодательная и правоприменительная практика показывают, что качество законов напрямую зависит от уровня восприятия и применения юридической техники нормотворческими органами на этапе формирования текста нормативного правового акта, а пренебрежение элементарными правилами юридической техники в дальнейшем приводит ко многим проблемам как в части толкования и применения смежных нормативных актов, так и в части правоприменительной практики. Возникают очевидные и скрытые коллизии, необоснованное дублирование норм, отсутствие логики и др., которые нормотворческие органы могут и должны избежать с помощью соблюдения правил юридической техники, представляющих собой определенные процедурные правила, логические, языковые, структурные, содержательные правила, опреде-

ленные формальные требования [6]. Приведенные в настоящем исследовании примеры федерального регулирования особенностей организации местного самоуправления на отдельных территориях очевидно показывают, что пренебрежение элементарными правилами юридической техники, формализм законодателя в соблюдении правил юридической техники приводят к печальным последствиям, в результате чего страдают не только правоприменительные органы, но и население как основной «выгодоприобретатель» осуществления местного самоуправления в муниципальных образованиях.

Как уже было отмечено выше, муниципальное право регулирует одну из важных составляющих современной единой системы публичной власти – местное самоуправление. В настоящее время в стенах Государственной Думы РФ находится на рассмотрении законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который также изобилует спорными положениями, в т.ч. и в части соблюдения правил юридической техники. Оптимизма мало, но все же хочется верить, что, вскрывая в рамках подобных научных исследований и публикаций недочеты федерального законодателя, исследователи дадут ему возможность ознакомиться с ними и сделать выводы. В результате этого последует повышение уровня разработки текстов федеральных законов на основе соблюдения достижений юридической науки во благо обеспечения устойчивости, системности, комплексности нормативной основы формирования и развития местного самоуправления в России в будущем.

Список источников

1. Бялкина Т.М. Проблемы качества законодательства в сфере местного самоуправления // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-kachestva-zakonodatelstva-v-sfere-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 02.08.2022).
2. Зюзина Т.Е. Законодательство о местном самоуправлении: проблемы правового регулирования // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-o-mestnom-samoupravlenii-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 02.08.2022).
3. Шугрина Е.С. Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития // Муниципальное право. 2014. № 4 (68). С. 2-19.
4. Соколова М. К законопроекту о местном самоуправлении поступило более 700 поправок. URL: <https://www.pnp.ru/politics/k-zakonoproektu-o-mestnom-samoupravlenii-postupilo-bolee-700-popravok.html> (дата обращения: 03.08.2022).
5. Значение слова «координация» в 10 словарях. URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 03.08.2022).
6. Маторин А.М. Роль юридической техники в правотворчестве // Вестник НИИ. 2020. № 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskoy-tehniki-v-pravotvorchestve> (дата обращения: 03.08.2022).

Информация об авторе

О.А. Кожевников – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O.A. Kozhevnikov – Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 342.34

ДЕМОКРАТИЯ КАК ПРОЦЕСС ПОИСКА НАРОДНОЙ ВОЛИ

Людмила Геннадьевна Коновалова

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные смысловые значения термина «демократия», которая в основном представлена как определенная форма государства, обусловленная признанием народного суверенитета и действительностью осуществления народовластия. Проводится анализ достоинств и недостатков демократии. Рассматриваются ее различные виды и оценки. При этом особое внимание в статье уделяется современной трактовке народного суверенитета как правового явления, проявляющегося в ходе сложного дискурса, процесса поиска компромисса. Необходимость обращения к подобному обновленному восприятию народного суверенитета обусловлена несоответствием формально-юридических установлений о принятии в условиях демократического правления государственно-властных решений «большинством с учетом интересов меньшинства» фактическому математическому анализу результатов выборов и иных форм осуществления народовластия. В статье затрагиваются такие альтернативные теории демократии, как социалистическая демократия, элитарная демократия, суверенная демократия, электронная демократия. Делается вывод о непреходящей ценности демократических приемов властвования, несмотря на их критические стороны, процессы глобализации и наличие серьезных мировых вызовов.

Ключевые слова: демократия, народный суверенитет, форма государства, большинство, права человека

Для цитирования: Коновалова Л.Г. Демократия как процесс поиска народной воли // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 18-24.

Original article

DEMOCRACY AS A PROCESS OF SEARCHING FOR THE PEOPLE'S WILL

Ljudmila G. Konovalova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul, Russian, vaskova82@yandex.ru

Abstract. The article discusses various semantic meanings of the term «democracy», but basically it is presented as a certain form of the state, due to the recognition of popular sovereignty and the effectiveness of the implementation of democracy. An analysis of the advantages and disadvantages of democracy is carried out. Its various types and evaluations are considered. At the same time, special attention is paid to the modern interpretation of popular sovereignty as a legal phenomenon that manifests itself in the course of a complex discourse, the process of finding a compromise. The need to turn to such a renewed perception of popular sovereignty is due to the inconsistency of formal legal regulations on the adoption of state-power decisions «by the majority, taking into account the interests of the minority» under democratic rule, with the actual mathematical analysis of election results and other forms of democracy. The article touches upon such alternative theories of democracy as socialist democracy, elitist democracy, sovereign democracy, e-democracy. The conclusion is made about the enduring value of democratic methods of ruling, despite their critical aspects, the processes of globalization and the presence of serious global challenges.

Keywords: democracy, popular sovereignty, state form, majority, human rights

For citation: Konovalova L.G. Democracy as a process of searching for the people's will. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:18-24 (In Russ.).

© Коновалова Л.Г., 2022

В настоящее время популярной является идея признания ценности демократической государственности. Эта концепция активно поддерживается международным сообществом и является одной из основ конституционализма во многих странах.

Например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. при закреплении прав человека упоминает демократическое общество [1]. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. говорит о демократическом обществе, в котором должны защищаться права детей [2]. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. закрепляет задачу развития уважения к правам человека как к элементу содействия углублению демократических преобразований [3]. Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» 1998 г. подчеркивает свою направленность на поддержание демократических институтов [4]. Европейский Суд по правам человека в своих решениях неоднократно подчеркивал, что «демократия – это единственная политическая модель, которая предусмотрена Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и не противоречит ей» [5, 6]. Во многих конституциях современных государств нашли закрепление принципы демократии, а некоторые небольшие страны даже в своих названиях подчеркивают ориентированность на демократизм (Демократическая Республика Конго, Алжирская Народная Демократическая Республика, Федеративная Демократическая Республика Непал и др.). Наблюдается устойчивая тенденция к расширению географии демократических стран. По подсчетам Р. Даля в 1900-1909 гг. в мире существовало всего 8 демократических государств, в 1940-1949 гг. – 25, в 1994-1997 гг. – 86, к настоящему времени это число неуклонно растет [7]. В 2022 году британский новостной журнал The Economist по разработанному им индексу демократии оценивал 149 стран, хотя эта методика и критикуется за субъективность критериев [8].

Демократия в переводе с древнегреческого *demos* и *kratos* буквально означает «власть народа» [9, с. 160]. В юриспруденции это понятие связывается с неким устройством государства, обеспечивающим каким-либо образом народовластие. При этом уже в античности народовластие было предметом философских размышлений. Но в термин «демократия» вкладывался смысл, отличный от современного значения этого слова. Так, по Платону, демократия – это власть завистливых бедняков, которая неминуемо влечет за собой тиранию [10, с. 45]. Аристотель называл демократией правление большинства неимущих граждан в интересах исключительно данного большинства. Он считал такое правление искажением идеальной формы народовластия – политии [11, с. 56].

В современности демократизм – это сложная юридическая категория, которая рассматривается в контексте научных теорий, ценностных ориентиров, политико-правовых институтов, мировоззренческих установок, управленческих процессов и принципов устройства государства [12, с. 5-70; 13, с. 14-24]. По подсчетам некоторых авторов в настоящее время насчитывается более двухсот подходов к определению демократии [14, с. 53]. Предлагается выводить ее из узких представлений о государственности и анализировать демократические приемы общения между социальными группами, выделять демократические формы мышления и взаимоотношений между людьми [13, с. 16]. Одновременно подчеркивается сильная эмоциональная нагрузка этого термина, которая при придании демократии различных смысловых оттенков позволяет манипулировать общественным сознанием и осуществлять различные ее оценки [15, с. 24]. Поэтому в юридической и философской литературе можно встретить эпитеты о «взлете» демократии, с одной стороны, и о ее «дискредитации», «кризисе», «ущербности» или «агрессивности», с другой стороны [16, с. 20; 17, с. 124; 18, с. 23]. На фоне подобной дискуссионности понимания демократии Б.С. Эбзев замечает: «...сегодня, пожалуй, нет слова, которое бы столь часто присутствовало в политическом лексиконе и которое при этом было в понятийном отношении столь неопределенным, как "демократия"» [19, с. 3].

Американские авторы воспринимают демократию в контексте страны, имеющей демократическое правительство; в смысле прямого или косвенного управления страной самими людьми; в аспекте правления большинства при уважении прав меньшинства; в значении реализации принципа равенства прав, свобод и возможностей граждан [20, с. 483].

Государственно-правовая теория и практика в ФРГ, исходя из общефилософского представления о демократии как «правлении народа», подразумевают под ней форму «рационализации политического процесса», достигаемую «путем формирования политического волеизъявления и гласности этого процесса» [21, с. 78]. Основополагающее значение для раскрытия содержания демократии в этой стране имеет понятие индивидуальной свободы человека и суверенитета народа, который должен выражаться непосредственно на выборах депутатов и опосредованно через формируемое парламентом правительство [22, с. 82].

В рамках отечественной конституционно-правовой науки демократию чаще всего рассматривают как определенную форму государства, обусловленную признанием народного суверенитета и действительностью осуществления народовластия [23, с. 9]. Демократическое государство характеризуется как не

имеющее «монополии» на политическую власть, где наблюдается своего рода «распыление власти, т.е. ее относительно равномерное распределение между различными политическими силами: партиями, объединениями, группами. Эти силы, участвуя в политической жизни, оказывают в той или иной степени давление на властные структуры (парламент, правительство), которые в силу этого не могут не проводить политику с учетом интересов различных социальных слоев общества» [24 с. 234].

Обобщенно в юридической литературе применительно к демократии обычно называются такие признаки, как: признание народа источником власти, равноправие и свобода граждан, подчинение меньшинства большинству при принятии государственных решений, выборность представительных органов власти, политический плюрализм, разделение властей [12, с. 8; 25, с. 7-29].

В целом достоинствами демократии считается ее открытость и терпимость к инакомыслию, плюралистичность; принятие политических решений в условиях конкурентной борьбы за голоса избирателей; возможность мирной смены правительств; создание условий для раскрытия творческого потенциала отдельных личностей; признание равенства и свободы граждан; противодействие бюрократизации государственного управления [26, с. 19; 27, с. 45; 28, с. 150; 29, с. 55; 30, с. 79]. Зачастую демократия ассоциируется с правовой защитой человеческого достоинства, с сопротивлением чиновничьему произволу, с экономическим процветанием и правовым государством [31, с. 18].

Демократия критикуется за то, что не гарантирует принятия справедливых решений; за создание у широких слоев населения иллюзии участия в управлении; за произвольность трактовки воли большинства; за мифичность конструкции правления большинства; за то, что не обеспечивает выбор «достойных» правителей; за популизм и потенциальную угрозу разрушения демократических ценностей самими же демократическими приемами; за опасность «психологии толпы», подверженной влиянию и способной к разрушению [32, с. 7; 33, с. 215; 13, с. 14; 31, с. 22]. Демократия может вызывать негативные эмоции в связи с имеющейся практикой вмешательства отдельных держав (особенно США) в политику иных стран в целях отстаивания своих экономических интересов под предлогами демократизации их управленческих процедур [34, с. 9].

Формально-юридические ориентиры на принятие решений «большинством с учетом интересов меньшинства» не в полной мере согласуются с реалиями. Например, если в математическом плане анализировать выборы или референдум, то с учетом избирательных цензов, низких порогов явки, абсентеизма

избирателей, вариативности голосов можно прийти к заключению о принятии решений меньшинством граждан. Некоторые иностранные авторы в связи с этим даже выводят «закон малого числа», предполагающий управление в любой демократии небольшим кругом руководящих деятелей [33, с. 207]. Выборы и народное представительство в условиях демократии не гарантируют правление «лучших» и принятие оптимальных государственно-правовых решений, но приоритетны по отношению к другим способам легитимации власти (сословным, мифическим, теологическим, насильственным обоснованиям) в связи с некоторой «современностью» теории представительства и созданием чувства ответственности у избираемых и избирающих [35, с. 21].

Недостатки демократии порождают формирование альтернативных теорий. Самым значимым на начало XX в. в этом плане можно считать проект «социалистической демократии», предложенный советской доктриной. Построение «полной демократии» связывалось с необходимостью устранения засилия капитала [33, с. 203]. Социалистическая демократия должна была предполагать «подлинную свободу личности», партийное руководство, демократический централизм всевластия советов и социалистическую законность, основанную на ленинских нормах государственной и партийной жизни [36, с. 54]. Однако практика показала нереалистичность подобных конструкций.

Иные теории демократии демонстрируют ее отдельные реальные механизмы властвования без излишней идеализации значения народного суверенитета. Так, концепции «элитарной демократии», «управляемой демократии», «демократии партий» подчеркивают значение демократических институтов как инструмента для манипулирования общественным мнением со стороны правящих элит; теория «плебисцитарной демократии» раскрывает механизмы управления массовым государством; «плюралистическая демократия» акцентирует внимание на значении «групп давления»; концепция «либеральной демократии» оправдывает невмешательство государства в экономическую сферу, популярным является узкий подход к демократии как к процедуре принятия управленческих решений [37, с. 36; 38, с. 12; 12, с. 52; 39, с. 45; 40, с. 14].

Кроме этого, активной разработке подлежат теории глобальной (космополитической), суверенной демократии и электронной демократии. Теории глобальной и суверенной демократии являются реакцией на происходящие в мире интеграционные процессы, но вступают между собой в некоторое противоречие. Концепция глобальной демократии акцентирует внимание на общемировых демократических ценностях, на появлении международно-правового инстру-

ментария защиты прав граждан, свободы, на необходимости глобального взаимодействия государств с применением демократических приемов сотрудничества [41, с. 16]. Доктрина суверенной демократии подчеркивает экономическое, политическое, военное неравенство стран и наличие у них национальных интересов, вступающих в противоречие с интересами других стран или мирового сообщества. Суверенная демократия предполагает приоритет защиты национальных интересов при реализации принципов демократии, она исходит из необходимости реализации полновластия народа конкретного государства вне зависимости от попыток вмешательства в процессы внутригосударственного управления других стран [42, с. 16; 43, с. 59]. Концепция суверенной демократии активно используется в политико-правовой практике многих стран, включая Германию, Тайвань, Армению, Индию, Македонию [44, с. 107-116]. Российское использование доктрины суверенной демократии зачастую критикуется за неразработанность ориентиров, а также за стремление подменить ее консервацией «многого конституционализма» под видом рационализации базовых русских ценностей, формирования «русской национальной идеи» [45, с. 19].

Доктрина электронной демократии в настоящее время является, пожалуй, самым масштабным проектом по преобразованию традиционных представлений о демократии. Ее появление вызвано стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и необходимостью вовлеченности государства в информационную сферу. Однако до сих пор не выработано даже общее представление об электронной демократии. Под ней понимают взаимодействие ветвей государственной власти, использующих в своей деятельности современные информационно-коммуникационные технологии; средство коммуникации между обществом и государством; модель деятельности государства в условиях модернизации государственного аппарата; систему управления государственным аппаратом, которая осуществляется в электронной форме [46, с. 10; 47, с. 47; 48, с. 3]. Большинство исследователей подчеркивают, что электронная демократия все же не является какой-то новой формой государства, а, скорее, отражает способ взаимодействия государства и населения и в практическом плане связывается с работой специальных информационных систем, обслуживающих выборы, работу парламента и других органов власти, электронным приемом обращений граждан [49, с. 206; 50, с. 5].

Крайним выражением подобного подхода можно считать чрезмерно футуристическую теорию «диджитальной демократии», представители которой предвещают появление в мире особого субъекта пра-

ва – «народа-избирателя» («диджитальной публики», от англ. digital – интернет-публики). Такой «народ-избиратель» будет представлять собой рассредоточенную массу избирателей (читателей, телезрителей, слушателей), находящихся дома, но ведущих между собой постоянный диалог. Взаимодействие и самоорганизация интернет-публики будет переходом от сообщества «управляемых» к сообществу «управляющих», которые составят альтернативу правительствам и парламентам [51, с. 253].

Теория электронной демократии получила различное восприятие в национальных правовых системах, обнаружив массу проблем своего практического воплощения: отсутствие заинтересованности государства в реальном раскрытии информации, внутренние и внешние угрозы цифровой безопасности, глобализация информационных потоков, коммерциализация информационных систем, «цифровое неравенство» среди граждан и т.д. [52, с. 14; 53, с. 17]. В то же время очевидным является неотвратимость дальнейшего развития этой теории в условиях продолжающейся масштабной современной трансформации информационных технологий.

Однако при использовании любой теории демократии не теряет своей актуальности вопрос о том, возможно ли в условиях демократического правления обеспечить реализацию воли народа и его суверенитета? В этом плане несколько «осовременил» конструкцию народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо западный философ Ю. Хабермас, по мысли которого выявление «общей воли» не должно сводиться собственно к процедурам голосования избирателей за представителей, а депутатов – за законопроекты. «Общая воля» должна быть результатом демократического дискурса, последствием широкого демократического взаимодействия между парламентом и обществом и проходить через многие ступени и процедуры демократического обсуждения. Народный суверенитет, ставший в восприятии Ю. Хабермаса бессубъектным и анонимным, может проявляться только в условиях дискурса – процесса образования мнений и воли, процесса, который сам себя дифференцирует [54, с. 65]. Этот процедурный подход к пониманию народного суверенитета становится очень популярным с учетом современной сложности решаемых государственно-правовых вопросов и необходимости тонкого маневрирования между интересами большинства и меньшинства.

В развитие этой мысли И.А. Алебастрова называет представительную демократию в современном мире «механизмом компромиссов». По ее мнению, «тенденция принятия решений на основе всестороннего учета и согласования множества социальных интересов в наибольшей степени затрагивает представительные органы публичной власти. Именно в этом

(а не в выражении единой мифической воли народа) должна заключаться задача представительных органов в современных условиях». Многие отечественные и зарубежные исследователи обращают внимание на нереалистичность традиционных представлений о народном суверенитете как о единой, неотчуждаемой и неделимой воли и власти народа; указывают на своевременность внедрения умеренной концепции народного суверенитета, учитывающей сложную структурированность современного общества, трудности поиска общего мнения по тем или иным вопросам государственной политики и необходимость ограничения правом даже власти абсолютного суверена – народа [55, с. 19; 56, с. 75; 57, с. 133].

Признанный в конституциях многих стран принцип народного суверенитета часто критикуется за свою абстрактность и за сложность разграничения «народа» или «нации» с самим государством [58, с. 21]. Еще Г. Гегель причислял его к «путаным мыслям» [59, с. 320]. Российские авторы традиционалистского направления называли его «юридически невысказанным» и имеющим силу «политического оружия» для народной психики [60, с. 39; 61, с. 132]. Безусловно, история продемонстрировала политическое использование лозунга народного суверенитета для революционных преобразований или свержения правящих режимов во многих странах. Однако юридическое закрепление народного суверенитета в конституциях означает презумпцию, что народу принадлежит учредительная власть в государстве, которую он осуществляет непосредственно или через своих представителей. Этот принцип требует легитимации полномочий органов власти [62, с. 47]. Поэтому не следует преуменьшать, а тем более отрицать юридическое значение принципа народного суверенитета в организации и развитии демократических начал

современного общества. «Современные конституция и доктрина имеют тенденцию к более реальному определению народного суверенитета как суверенитета ограниченного, но при этом не отказываются от использования данного термина, который стал символом предотвращения узурпации власти посредством использования механизмов подконтрольности элиты и бюрократии населению» [63, с. 278].

В целом глубокие научные исследования демократии, как привило, заканчиваются фразами, созвучными известному изречению У. Черчилля, о том, что лучшей формы управления государством пока не придумали [32, с. 7]. В этой связи уместно процитировать Л.А. Нудненко: «Демократия не гарантирует эффективности, хорошего правительства, высокой организованности, решения социальных, экономических проблем, но расширяет возможности для их решения гуманными способами» [12, с. 5].

Таким образом, демократизм является одним из системообразующих принципов современной государственности и значимой теоретической конструкцией. Народовластие перестало восприниматься как процесс определения «общей воли» исключительно через выборы и голосование в парламенте. Сегодня признается, что «общая воля» формируется через дискурс в парламенте, в обществе, между органами власти и что судебная власть имеет возможности скорректировать представления парламентариев об интересах населения. Ценность демократических приемов властвования является непреходящей и не умаляется абстрактностью взаимоотношений между народом и органами власти, практикой популизма, трудностями решения экономических вопросов, глобализацией, появлением новых информационных технологий и мировых вызовов.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апреля.
2. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
3. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. // Российская газета. 1995. 23 июня.
4. Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» от 18 июня 1998 г. // Российская газета. 1998. 16 декабря.
5. Постановление Европейского суда по правам человека от 5 октября 2006 г. «Дело "Московское отделение Армии Спасения (Moscow Branch of the Salvation Army) против РФ"» (жалоба № 72881/01) // Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 2.
6. Информация о Решении Европейского суда по правам человека от 10 июля 2012 г. по делу «"Статкундиг гереформерде партей" (Staatkundig Gereformeerde Partij) против Нидерландов» (жалоба № 58369/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 1.
7. Даль Р. Смещающиеся границы демократических правлений // Русский журнал. 2000. 18 октября. URL: http://old.russ.ru/politics/meta/20001018_dahl.html.
8. Шувалов Н. Список стран по уровню демократии в 2021-2022 гг. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/spisok-stran-po-urovnyu-demokratii.html>.
9. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М., 1998.

10. Платон. Государство // Соч.: в 4 т. М., 1994. Т. 3.
11. Аристотель. Политика / под общ. ред. А.И. Доватура. М., 2019.
12. Нудненко Л.А. Теория демократии. М., 2001.
13. Марченко М.Н. Демократия как атрибут правового государства и ее изъяны // Государство и право. 2014. № 5.
14. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992. Т. 1.
15. Румянцев А. Минимальная теория демократии: смысл и пределы возможного // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100).
16. Румянцев А. Конституционно-политические события в арабском мире в 2011-2013 годах: хроника и первые уроки // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3 (94).
17. Медушевский А. Свобода или подозрительность: как защитить либеральный конституционализм от его противников? Рецензия: Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, 2007 // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3 (124).
18. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.
19. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014.
20. Webster's New Universal Unabridged Dictionary. N.Y., 1993.
21. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.
22. Невинский В.В. Немецкие граждане в зеркале основополагающих принципов конституции ФРГ. Барнаул, 1994.
23. Петришин А.В. Народовластие как фундамент демократического, правового, социального государства // Правоведение. 2010. № 3.
24. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003.
25. Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, 2007.
26. Токвиль А. де Демократия в Америке / пер. с фр. Г.Д. Ласки. М., 2000.
27. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. / под общ. ред. В.С. Автономова. М., 1995.
28. Дорошенко А. Качество демократии: проблема контроля над бюрократией // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60).
29. Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10.
30. Heady F. Public Administration: A Comparative Perspective. N.Y., 1991.
31. Краснов М. Избиратель как «должность» // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119).
32. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М., 2008.
33. Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений. М., 1960.
34. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1.
35. Князев С.Д., Арановский К.В. Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16.
36. Теоретические основы советской конституции. М., 1981.
37. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов. М., 2008.
38. Глушаренко С.Б., Золин В.А. Глобализация: новые теории демократии, федерализма и парламентаризма // История государства и права. 2007. № 15.
39. Шмиттер Ф., Карл Т. Что такое демократия... и чем она не является // Диалог. 1993. № 2.
40. Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy. Belmont, 1972.
41. Пименова О.И. Федерализм и субсидиарность в системе внутригосударственных отношений: некоторые теоретико-практические аспекты их взаимодействия (на примере Российской Федерации) // Государство и право. 2017. № 4.
42. Лебедев В.А., Киреев В.В. Суверенная демократия или суверенитет демократии // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 5.
43. Ремингтон Т.Ф. Суверенитет, конституционная демократия и плюрализм // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63).

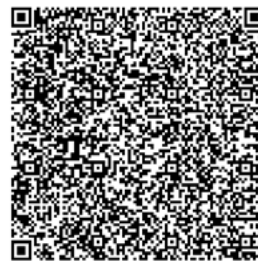
44. Джагарян А. Суверенная демократия – исторический императив развития российской государственности // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60).
45. Кочетков В.В. К вопросу о национальной русской идее: философско-правовой подход // Государство и право. 2013. № 4.
46. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М., 2017.
47. Васькова М.Г. Проблемы становления и реализации электронной демократии в электронном государстве // Российский юридический журнал. 2010. № 4.
48. Антонов Я.В. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования электронной демократии в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 7.
49. Маловская Т.С. Электронные формы участия граждан в осуществлении власти: опыт зарубежных стран // Вопросы становления электронной демократии в России / под ред. Е.А. Казьминой. Барнаул, 2016.
50. Кобзева С.В. Демократизация государственного управления и электронное правительство // Информационное право. 2018. № 2.
51. Московичи С. Век толп. М., 1998.
52. Лопатин В.Н. Информационная безопасность в электронном государстве // Информационное право. 2018. № 2.
53. Федотова Ю.Г. Электронная демократия как средство обеспечения информационной безопасности государства // Информационное право. 2016. № 3.
54. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.
55. Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. О некоторых дискуссионных теоретико-методологических вопросах курса конституционного права // Государство и право. 2001. № 1.
56. Васильева С.В. Содержание отношений народного представительства: от идеализма к реальности, поддержанной правовым регулированием // Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. Ученые записки юридического факультета. Санкт-Петербург, 2011. Вып. 21 (31).
57. Bellamy R. Political Constitutionalism. Cambridge, 2007.
58. Беше-Головко К. Неуловимое понятие «нация» и его стратегическое значение // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 2 (93).
59. Гегель Г. Философия права. М., 1990.
60. Корф С.А. Русское государственное право. СПб., 1915. Ч. 1.
61. Градовский А. Политика, история и администрация. Критические и политические статьи. СПб., 1871.
62. Фадеев В.И. Народное представительство. Ч. 1: Историко-теоретические корни. М., 2015.
63. Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Высшая школа экономики, 2016.

Информация об авторе

Л.Г. Коновалова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L.G. Konovalova – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 342.4

ПРАВОВАЯ ОХРАНА В СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 Г.)

Сергей Владимирович Моисеев

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, moiseev-tpg@rambler.ru

Аннотация. Конституция СССР 1977 г. определила систему государственной власти и управления в соответствующий исторический период. Организация и целенаправленное ориентирование управленческой деятельности на разных уровнях функционирования государственной власти в социалистическом государстве привлекают внимание специалистов и исследователей в настоящее время возможностью ретроспективного изучения этих процессов. Выявление и анализ общих и специфических черт государственных органов, обозначенных в положениях Конституции СССР 1977 г., создают необходимую базу для нового осмысления процесса генезиса системы власти в нашей стране в новейший период истории. Использование элементов исторического опыта государственно-управленческого развития объективно может обеспечить развитие более эффективных форм деятельности государственных органов.

Ключевые слова: Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1977 г., правовая охрана конституции, юридические средства, конституционные положения, государственно-правовые отношения, конституционная законность, социализм, социалистическая демократия, правовые нормы

Для цитирования: Моисеев С.В. Правовая охрана в советской государственно-правовой конструкции (на примере Конституции СССР 1977 г.) // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 25-29.

Original article

LEGAL PROTECTION IN THE LEGAL STRUCTURE OF THE SOVIET STATE (ON THE EXAMPLE OF THE USSR CONSTITUTION OF 1977)

Sergey V. Moiseev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, moiseev-tpg@rambler.ru

Abstract. The Constitution of the USSR of 1977 determined the system of state power and administration in the corresponding historical period. The organization and purposeful orientation of managerial activity at different levels of the functioning of state power in a socialist state attract the attention of specialists and researchers at the present time, with the possibility of a retrospective study of these processes. This contributes to the development of optimal forms of public administration in modern conditions, in which the process of execution, use, observance and application of the norms of the Constitution of the Russian Federation can take place. The identification and analysis of common and specific features of state bodies, indicated in the provisions of the Constitution of the USSR of 1977, creates the necessary basis for a new understanding of the process of the genesis of the system of power in our country in the recent period of history. The use of elements of the historical experience of state-administrative development can objectively ensure the development of more effective forms of activity of state bodies at the present time.

Keywords: Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics of 1977, legal protection of the constitution, legal means, constitutional provisions, state-legal relations, constitutional legality, socialism, socialist democracy, legal norms

For citation: Moiseev S.V. Legal protection in the legal structure of the soviet state on the example of the USSR Constitution of 1977. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:25-29 (In Russ.).

Конституционная законность СССР, являвшаяся одним из главных элементов структуры социалистического государства, определила процесс противостояния империалистической системе конституционализма [1]. В результате идея о развитии демократии в странах социалистического блока была реализована в процессе правотворчества, основанного на новой идеологии. Необходимость специального выделения конституционной законности определялась содержанием и высшей юридической силой конституции, регулирующей важнейшие стороны государственной организации общественной жизни, устанавливающие порядок и принципы законодательства, экономических и политических основ власти, правового статуса граждан СССР. Конституционная законность рассматривалась в Советском Союзе как составляющая часть социалистической законности, при этом существовали специфика ее содержания и правовые гарантии ее реализации [2]. Разрешение задачи обеспечения правовой охраны социалистической конституции происходило в процессе реализации государственно-правовых отношений и одновременного принятия целого ряда мер, направленных на укрепление конституционной законности как базового принципа социалистического конституционного законодательства.

Действие Конституции СССР в широком формате применительно к различным сторонам жизни необходимо было обеспечить функционирующей системой социальных, экономических и идеологических гарантий.

Основной социальной гарантией, обеспечивающей реализацию конституционных положений в социалистическом обществе, по мнению создателей Конституции СССР 1977 г., являлось ее соответствие реальным социальным отношениям, закрепленным в Основном Законе [3]. Считалось, что по мере развития этих отношений в рамках движения Советского государства к коммунизму и в связи с изменениями социально-экономических и политических условий будет происходить внесение соответствующих дополнений и изменений в статьи конституции.

В качестве важнейшей экономической гарантии определялась социалистическая система хозяйствования и социалистическая собственность на средства производства. Предполагалось, что экономическое развитие СССР и достижения государства в решении народно-хозяйственных задач обусловят выполнение конституционных норм в зависимости от увеличения материальных затрат на их реализацию.

Идеологическая гарантия заключалась в максимальном использовании положений марксистско-ленинской теории, которая составляла теоретическую основу советской конституции. Конституция СССР

1977 г. рассматривалась не только как главный правовой и общественно-политический акт, но и как результат реального воплощения теории марксистско-ленинизма. Таким образом, предполагалось, что эффективность действия Конституции будет выше, если в ней будут отражены объективные закономерности общественного развития, социально-экономические и политические условия, соответствующие данному этапу развития Советского государства и общества.

Теория и практика конституционного развития социалистических стран базировались на приоритете конституции перед остальными законами, т.к. конституция определяла важнейшие положения для всех отраслей права и обладала высшей юридической силой по отношению ко всем другим актам социалистического государства [4, с. 178]. Таким образом, текущее законодательство не могло противоречить конституции. Статья 173 Конституции СССР 1977 г. гласила: «Конституция СССР обладает высшей юридической силой. Все законы и иные государственные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией СССР» [4, с. 178]. Само несоблюдение требований конституции при создании иных правовых актов рассматривалось как посягательство на основы советского государственного и общественного устройства. При этом конституционное законодательство СССР находилось в рамках системы социалистического права. Основываясь на этом положении, советские государственные деятели делали вывод о том, что конституция являлась основным средством государства для закрепления и стимулирования развития социально-экономической и общественно-политической организации. При этом задачи правовой охраны советской конституции предполагалось решать как в процессе реализации государственно-правовых отношений, так и ее отдельных норм и положений.

В самом тексте Конституции СССР 1977 г. был предусмотрен порядок ее принятия и изменения. Сам законодательный акт содержал возможности своего изменения, что считалось одной из форм обеспечения правовой охраны конституции. Советская теория и практика исходили из того, что принятие и изменение конституции являлись исключительной прерогативой высших органов государственной власти и осуществлялись через сложную процедуру, связанную с требованием квалифицированного участия большинства. Все советские конституции принимались представительными органами – съездами Советов или Верховными Советами – с предварительным обсуждением их проектов населением. Последующие изменения вносились с соблюдением закрепленного в основном законе порядка с сохранением общей конструкции конституции.

Организационно-правовым средством, способствующим реализации положений Конституции 1977 г., являлось перспективное планирование развития и совершенствования текущего законодательства. Это планирование осуществлялось на научной основе с учетом результатов юридической практики. Планы утверждались как на уровне СССР, так и по аналогии на уровне союзных и автономных республик и были рассчитаны на несколько лет. Кроме того, существовало стратегическое планирование нормотворческой деятельности на долгосрочную перспективу. Цель планирования заключалась в устранении пробелов в текущем законодательстве, отмене недействующих норм, приведении всего блока текущего законодательства в соответствие с действующей конституцией. Результатом должно было стать дальнейшее укрепление конституционной законности. Этому же должно было способствовать развитие законодательной деятельности высших органов власти, массовое обсуждение законопроектов, увеличение круга субъектов законодательной инициативы, реализация мер по актуализации законодательного процесса.

Отдельно рассматривался вопрос конституционной ответственности [5]. В случае возникновения инцидента соответствующие государственные структуры должны были дать отрицательную политическую оценку для восстановления нарушенной конституционной законности и обеспечения эффективности работы всего государственного аппарата [4, с. 183]. Применение других видов ответственности не исключало применения конституционной ответственности. В случае вступления в законную силу судебного приговора в отношении депутата следовало решение Совета о досрочном прекращении депутатских полномочий осужденного. Субъектами такого вида ответственности являлись граждане СССР, органы государственной власти в случае принятия ими акта, имеющего неконституционный характер, избирательные комиссии, объединения рабочих, должностные лица исполнительно-распорядительных органов, избираемые или утверждаемые Советом депутатов, а также сами депутаты. Особенностью конституционной ответственности в данный период являлся ее общий вид, т.к. многообразие политической и общественной жизни во многом не предоставляло возможности для перспективной выработки в законодательном порядке рамочных условий ответственности за те или иные нарушения, как это существовало применительно к уголовной ответственности. В итоге конституционная ответственность приняла форму ответственности Советов и их депутатов перед избирателями, а также ответственности исполнительных и распорядительных органов и их должностных лиц перед Советами. В узком смысле конституционная ответственность

понималась как отрицательная реакция Советского государства в целом на случаи нарушения конституции с последующими мерами воздействия на нарушителя. В числе таких мер значились лишение гражданства, досрочный отзыв депутата. Таким образом, конституционная ответственность входила в общую систему государственно-правового регулирования общественных отношений в СССР.

Эффективными организационно-правовыми средствами, которые в состоянии обеспечить конституционную законность, являлись конституционный закон и надзор. В 70-80-х годах XX в. в условиях активной деятельности КПСС осуществление контрольно-надзорной деятельности воспринималось в качестве необходимого условия строительства коммунизма [6]. Этот блок мер формировал определенный правовой механизм, позволявший выявлять и отменять противоречащие конституции правовые акты и отдельные нормы, предупреждать неконституционность новых актов и обеспечивать точное соответствие республиканских конституций Конституции СССР, разрешать споры о компетенции государственных органов. При этом деятельность контрольно-надзорных органов не должна была ограничивать полномочия высшего представительного органа государственной власти.

В рассматриваемый исторический период в среде советских ученых возникла дискуссия, касавшаяся содержания конституционного надзора и контроля. Так, одни ученые определяли эти понятия как идентичные [4, с. 186], другие считали, что каждое из этих определений имело собственное содержание и самостоятельно характеризовало различные формы деятельности государства по правовой охране конституции [7, с. 107]. Третья группа полагала, что разграничение функций надзора и контроля имело условный характер, и деятельность по самому конституционному надзору оставалась одним из видов конституционного контроля [4, с. 186]. В итоге был сделан вывод о том, что в данном формате рассматривался не контроль со стороны государственных органов за деятельностью других структур по выполнению положений отдельных правовых актов, а контроль за реализацией конституционных норм и установлений и их строгим соблюдением [4, с. 186]. Таким образом, контроль и надзор выступали в Советском Союзе в качестве особой правовой гарантии конституционной законности с целью точного соблюдения Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик и полного обеспечения ими соответствия текущему законодательству.

Предложения о расширении рамок контроля со стороны Президиума Верховного Совета за деятельностью Совета министров, министерств, ведомств,

судебных органов по укреплению законности в итоге не были поддержаны, как не имевшие основания [4, с. 187]. Кроме этого, уточнялось, что советские государственные органы, выполнявшие надзорные функции (прокуратура), не имели права на отмену незаконного акта, на наказание нарушителя, а также возможности для дачи оперативных указаний об устранении выявленных недостатков. Контроль, напротив, заключался в непосредственном и активном вмешательстве контролирующих органов с правом отмены незаконных актов, наложения административных взысканий, а также в праве на обязательные указания.

Предполагалось, что вся конструкция СССР может обеспечить разрешение проблемы соотношения компетенции Советского государства в целом и союзных республик эффективным способом. При этом обозначалась необходимость установления правовых гарантий, направленных на охрану прав союзных республик. Наличие расхождения между актами союзного значения и союзных республик и наличие вопросов по согласованию компетенций между отдельными республиками предполагали осуществление конституционного контроля для обеспечения правовой охраны Конституции СССР. Функции решения вопроса о конституционности того или иного закона возлагались на Верховный Совет СССР либо на Верховный Совет союзной республики [8].

Конституция СССР 1977 г. предусматривала положения, касавшиеся осуществления конституционного контроля. Согласно п. 11 ст. 73 советской Конституции к ведению СССР в лице его высших органов государственной власти и государственного управления относился контроль за соблюдением Конституции СССР и обеспечением соответствия ей конституций союзных республик [3]. Этот контроль осуществлялся Верховным Советом СССР прямо или через Президиум Верховного Совета СССР, постоянно действующего и подотчетного Совету в своей деятельности [9]. Статья 121 Конституции СССР 1977 г. определяла, что Президиум Верховного Совета СССР осуществляет контроль за соблюдением Конституции СССР и обеспечивает соответствие конституций и законов союзных республик законам Советского государства, дает толкование законов СССР и отменяет постановления и распоряжения Советов министров союзных республик в случае их несоответствия закону [3].

Из вышеизложенного следует, что советское конституционное законодательство исходило из необходимости осуществления правовой охраны в виде совокупности юридических средств, при использовании которых реализовался процесс выполнения норм, установленных Конституцией СССР 1977 г., на союзном и республиканском уровнях с учетом специфики государственно-правовой конструкции Советского государства.

Список источников

1. Тюрин С.Е. Теория конституционализма в советский период // Актуальные проблемы права: мат-лы II Международной научной конф-ции (г. Москва, октябрь 2013 г.). М.: Буки-Веди, 2013. С. 14-20. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/112/4178/> (дата обращения: 13.08.2022).
2. Ильинский И.П., Щетинин Б.В. Конституционный контроль и охрана конституционной законности в социалистических странах // Советское государство и право. 1969. № 9. С. 42.
3. Конституция (Основной Закон) СССР 1977 года. 4-я редакция (действовала с 31 декабря 1989 г. по 6 января 1990 г.). URL: <https://k.ssr.ru/1977/4/> (дата обращения: 10.07.2022).
4. Теоретические основы советской конституции / под ред. Б.Н. Топорнина. М., 1981. 205 с.
5. Шаталов С.К. Проблема ответственности в советском государственном праве. URL: <https://center-yf.ru/data/Yuristu/problema-otvetstvennosti-v-sovetskom-gosudarstvennom-prave.php> (дата обращения: 13.09.2022).
6. Коммунистическая партия Советского Союза. URL: https://kommunist.ru/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%B0?ysclid=17zzdds8b197973989 (дата обращения: 19.07.2022).
7. Еременко Ю.П. Контроль за конституционностью законов в СССР // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград, 1969. Вып. 1. С. 107.
8. Верховный Совет СССР. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%A5%D0%9E%D0%92%D0%9D%D0%AB%D0%99_%D0%A1%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A2_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0?ysclid=17zyzb5cdf461765140 (дата обращения: 10.08.2022).
9. Президиум Верховного Совета СССР. URL: https://kommunist.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%83%D0%BC_%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0?ysclid=17zz6vyo75375270936 (дата обращения: 23.07.2022).

10. Овсебян Ж.И. Социалистическая законность – конституционная основа деятельности Советского государства по охране основных прав и свобод граждан СССР. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/socialisticheskaja-zakonnost-konstitucionnaja-osnova-dejatelnosti-sovetskogo.html?ysclid=l7zvm13mt8418635337> (дата обращения: 23.08.2022).

Информация об авторе

S.V. Moiseev – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

S.V. Moiseev – Candidate of Science (History), Associate Professor.

Научная статья
УДК 340.12

ПРИНЦИПЫ ПРАВА КАК ОСНОВА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: ВЗГЛЯД ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРАВОВЕДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. – НАЧАЛА XX В.

Алина Александровна Никитчик

Омская академия МВД России, Омск, Россия, mamontova-97@mail.ru

Аннотация. Принципы права либеральные дореволюционные юристы независимо от типа правопонимания трактуют как фундаментальные начала, отражающие сущность и ценностные ориентиры права, которые, оказывая влияние на всех субъектов правоотношений, выступают руководством правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности. Учредительный характер, общеобязательность, прямое действие, устойчивость содержания и формальная определенность, выделяемые авторами в качестве категориальных признаков, позволяют представить перечень общеправовых принципов в виде взаимосвязанных императивов, направленных на прогрессивное развитие всех сторон правовой действительности. Приоритет тех или иных принципов определяется их функциональным назначением в рамках компонента правовой системы, на которую проецируется их действие.

Ключевые слова: Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, В.М. Гессен, С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский, Г.Ф. Шершеневич, С.В. Пахман, Н.К. Ренненкампф, принципы права, правопонимание

Для цитирования: Никитчик А.А. Принципы права как основа правовой системы: взгляд либеральных правоведов Российской империи второй половины XIX в. – начала XX в. // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 30-36.

Original article

PRINCIPLES OF LAW AS THE BASIS OF LEGAL SYSTEM: THE VIEW OF LIBERAL LAWYERS OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Alina A. Nikitchik

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, mamontova-97@mail.ru

Abstract. The principles of law are interpreted by liberal pre-revolutionary lawyers, regardless of the type of legal understanding, as fundamental principles that reflect the essence and value orientations of law, which, influencing all subjects of legal relations, act as a guide for law-making, law enforcement and law enforcement activities. Constituent character, obligatory nature, direct action, stability of content and formal certainty, singled out by the authors as categorical features, make it possible to present the list of general legal principles in the form of interrelated imperatives aimed at the progressive development of all aspects of legal reality. The priority of certain principles is determined by their functional purpose within the framework of the component of the legal system on which their action is projected.

Keywords: B.N. Chicherin, P.I. Novgorodtsev, V.M. Gessen, S.A. Muromtsev, B.A. Kistyakovsky, G.F. Shershenevich, S.V. Pakhman, N.K. Rennenkampf, principles of law, legal understanding

For citation: Nikitchik A.A. Principles of law as the basis of legal system: the view of liberal lawyers of the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:30-36 (In Russ.).

Идеи и ценности правового государства как идеологический фундамент политического развития требуют постоянного и последовательного совершенствования российской правовой системы. В связи с этим большое внимание современных юристов сосредоточено на исследовании сущности и назначения принципов права – основополагающих начал, определяющих приоритетные направления правового регулирования. Однако разрешение дискуссионных вопросов осложняется склонностью многих правоведов ограничиваться достижениями советской юриспруденции, которая, находясь под существенным влиянием идеологии, отвергала идею правового государства [1, с. 63-64]. Актуализация либеральных ценностей, свойственная современной правовой политике, требует обращения к правовым идеалам отечественных юристов второй половины XIX в. – начала XX в.

Необходимость исследования принципов права в контексте дореволюционной политико-правовой мысли вызывает не только теоретический, но и практический интерес. Отсутствие единого подхода к пониманию данной категории затрудняет дальнейшее осмысление места общеправовых принципов в правовой действительности, что существенно искажает представление о их преобразовательном потенциале. Поскольку постановка проблемы принципов права в трудах отечественных правоведов второй половины XIX в. – начала XX в. связана с разработкой основ формирования в России правового государства, значительная часть рассуждений посвящена функциональному аспекту характеристики отправных начал, который раскрывает их практическое предназначение.

Представители либеральной политико-правовой мысли Российской империи второй половины XIX в. – начала XX в. стремились наполнить принципы права нравственным содержанием, обозначая в качестве отправной точки их становления определенную нравственную идею. В зависимости от избранного подхода к пониманию права – в рамках естественно-правовой, нормативной и социологической теорий – под системообразующими началами подразумевались гуманизм, законность и справедливость.

Рассмотрение философских оснований гуманизма в качестве фундамента преобразований правовой действительности характерно для Б.Н. Чичерина, убежденного в прогрессивности естественно-правовых идеалов. Автор утверждает, что «свобода в государстве подчиняется высшему нравственному порядку», в центре которого находится человек как «существо разумно-нравственное, носящее в себе сознание высших начал» [2, с. 11]. П.И. Новгородцев, признавая нравственные требования «могущественной си-

лой, определяющей характер формальных конструкций» [3, с. 537], вслед за Б.Н. Чичериным выделяет так называемый «принцип личности». «Содержание общественного идеала, – пишет он, – должно быть установлено в связи с основной нормой, каковой является понятие личности в её безусловном значении и бесконечном призвании» [4, с. 67]. Основополагающую роль принципа гуманизма усматривал и С.А. Котляревский, отмечая, что в основе всех государственно-правовых процессов «лежит представление о достоинстве человеческой личности, которое должно быть отражено в действующем праве и в известных пределах является его молчаливой предпосылкой» [5, с. 394].

Предписывая праву роль юридически оформленного воплощения справедливости, авторы выступают за закрепление принципов права в виде высших общеобязательных положений в основных законах государства. В частности, Б.Н. Чичерин утверждает, что законотворческая политика государства должна быть направлена на создание «общих норм права», закрепляющих права и интересы личности и устанавливающих то, «что каждый может делать, не посягая на чужую свободу» [2, с. 90]. Позитивизация общеправовых идей, наряду с их нравственным содержанием, формирует устойчивое представление о правовых идеалах, которые в процессе совершенствования правового регулирования выступают «руководящим началом для законодателей и юристов» [2, с. 93].

О формальной определенности принципов права активно высказывались представители юридического позитивизма, наделяющие системообразующим значением идею законности. Приоритет законности продиктован представлением о принципах права как о системе особых норм, санкционируемых государством в целях закрепления важнейших ценностей социально-правовой политики. Так, по мнению Г.Ф. Шершеневича, государство, выделяя значимость определенных нравственных норм, может взять их под свою охрану посредством закрепления в положениях законодательства. При таком подходе становление принципов права, в первую очередь, требует неукоснительного соблюдения всеми субъектами правоотношений нравственных императивов, воплощенных в законе [6, с. 326-327].

Разработку самой системы основополагающих начал права Г.Ф. Шершеневич возлагает на юридическую науку. «В ряде законов наука может подметить общую мысль, хотя и не высказанную законодателем, но проглядывающую сквозь его повеления. Если эту мысль уловить и выразить в виде общего правила, так называемого юридического принципа, то можно найти исходную точку зрения для разрешения многих вопросов, на которые прямого ответа в законодательстве нет», – рассуждает автор [7, с. 152], подчер-

квивая, что господство законности определяет прямое действие принципов права, устойчивое содержание которых позволяет обеспечить упорядоченность общественных отношений при отсутствии необходимой юридической нормы.

Схожие идеи в своих трудах выражает С.В. Пахман, связывая устойчивость и универсальность принципов права с их использованием в качестве ценностных ориентиров для преобразования положительно-го законодательства. Выступая за «раздвоение юридической науки» на практическую и теоретическую, задачу последней ученый усматривает в разработке «юридических принципов», которые «применимы к объяснению всякого положительного права и сохраняют свою силу при всех возможных изменениях в последнем». Согласно С.В. Пахману, начала права, выводимые из теоретической науки на основе анализа государственно-правовых процессов, не должны отождествляться с остальными нормами позитивного законодательства, поскольку представляют собой «не правила деятельности, а правила юридического мышления», которые должны быть положены в основу развития правовой системы [8, с. 40-41].

Иерархия нормативных актов как один из императивов законности, по мнению мыслителей, гарантирует единство законодательных приоритетов на всей территории государства. Центральной идеей законотворческого процесса является представление о незыблемой ценности и достоинстве человека, «так как личность есть исходный пункт и цель государства», – указывает Н.К. Ренненкампф [9, с. 151].

В связи с учредительным характером принципов права их позитивизация, по убеждению правоведа, должна осуществляться в нормативных актах, обладающих высшей юридической силой. «Нормы права служат основанием прав, а потому различие в природе норм оказывает существенное влияние на различие свойств самих прав», – пишет Н.К. Ренненкампф, заключая, что при создании норм, регламентирующих общественные отношения, законодателю необходимо учитывать, «чтобы в своем развитии и логических последствиях они не выходили за границы, указанные законами, и особенно основными» [9, с. 150].

Сторонники социологической юриспруденции в поиске ценностного фундамента позитивного законодательства призывают обращаться к тем нравственным идеалам, которые формируются в процессе человеческого взаимодействия. С.А. Муромцев связывает природу общеправовых принципов с общественным правосознанием, где основополагающим значением обладает принцип справедливости как «выражение чувств всего народа». Право, представленное в форме законодательных предписаний и судебных решений, соотносится с требованиями

справедливости, поскольку именно из них проистекают гуманистические начала правового регулирования: «...право остается в согласии с основными требованиями данного государства и общественного строя – справедливость внимает человеческим слабостям и судит по-человечески; право подчас охраняет требования эгоистичные – справедливость проникнута тенденцией альтруизма...», – пишет он [10, с. 9]. По мнению автора, общественное сознание, проводя границу между действующим правом и желаемой справедливостью, вырабатывает систему отправных начал, следование которым приводит законодательство в соответствие с нравственными ценностями, устоявшимися в конкретном социуме: «...право все знают и его действие испытывают на себе как реальный факт – к справедливости стремятся как к идеалу» [10, с. 9].

Убежденный в социальной природе права Б.А. Кистяковский считает, что разработка основных начал без изучения общественного правосознания препятствует развитию правовой системы, поскольку ставит протекание правовых процессов в противоречие с реальными интересами личности и общества [11, с. 117]. По мнению мыслителя, анализ человеческих ценностей позволяет выделить наиболее значимые, востребованные обществом идеи, на фундаменте которых следует выстраивать регламентацию общественных отношений. Основу такого анализа составляет принцип справедливости, т.к., согласно Б.А. Кистяковскому, именно его осмысление способствует объединению и гармонизации интересов всех социальных групп [12, с. 314].

Установление справедливого правопорядка автор связывает с позитивизацией общеправовых принципов. С позиции Б.А. Кистяковского, через отражение отправных начал права в нормах действующего законодательства достигается всеобщность и единство нравственных пределов солидарной деятельности всех субъектов правоотношений. «То право, которое государство установило, обязательно не только для граждан и для всех живущих на территории государства, но и для самого государства. Государство не может нарушать норм действующего права и должно им подчиняться», – указывает мыслитель [13, с. 448].

Изложенное позволяет заключить, что начала гуманизма, законности и справедливости признаются мыслителями независимо от типа правопонимания. Приоритетное значение той или иной нравственной нормы (или применительно к сторонникам естественно-правовой теории нравственной идеи) как основы общеправовых принципов зависит от того, какой из компонентов правовой сферы лежит в основе избранного авторами подхода к пониманию права.

Несмотря на различные типы правопонимания, российские правоведа второй половины XIX в. – на-

чала XX в. демонстрируют общность взглядов при осмыслении взаимодействия компонентов правовой системы, единогласно относя к признакам принципов права их учредительный характер, общеобязательность, прямое действие и устойчивость содержания [3, с. 514; 2, с. 93-93; 14, с. 10; 6, с. 310-311; 15, с. 114]. Характерное для всех авторов стремление к позитивизации общеправовых начал указывает на признак формальной определенности, которым, по мнению мыслителей, также должны обладать принципы права [3, с. 517; 2, с. 90; 16, с. 476; 6, с. 310-311; 9, с. 151]. Отсюда вызывает сомнение апеллирование к плюрализму правопонимания как к оправданию различных, нередко взаимоисключающих трактовок рассматриваемой категории.

На сегодняшний момент отсутствие единого подхода к признакам принципов права, позволяющих определить рассматриваемую категорию как таковую, привело к излишнему расширению перечня общеправовых начал и их внутренней конкуренции [17, с. 5]. Юристы дореволюционной России, наряду с идеями гуманизма, законности и справедливости, выделяли принципы формального равенства и демократизма, направляя их на достижение наиболее полного воплощения отправных начал права в процессе регулирования общественных отношений. Представленный перечень обладает устойчивостью, а преимущественное положение того или иного принципа права обуславливается лишь элементом правовой системы, на которую проецируется их действие.

Так, например, формирование системы права – формальной основы правопорядка – подчиняется принципу законности, пронизывающему в первую очередь деятельность законодательных органов: «...мы не можем считать издание законов свободным по своему содержанию актом, а, наоборот, должны признать его актом, подчиненным правовой идее, – пишет Б.А. Кистяковский, – всё это заставляет нас признать, что вся деятельность органов государственной власти без всякого исключения и остатка, безусловно, подчинена праву» [18, с. 446-447].

Кроме того, мыслители разрабатывают определенные требования к юридической технике законодателя, усматривая зависимость эффективности правового регулирования от качества нормативных актов. Начало законности, по справедливому замечанию В.М. Гессена, «предполагает, прежде всего, существование правовых норм, ясных и определенных по своей форме, юридически-содержательных и практически-возможных по своей сущности» [19, с. 69].

Безусловность содержательной части юридических норм, подлежащих неукоснительному соблюдению, достигается посредством регламентации самой законодательной процедуры. С.А. Котляревский в особом порядке принятия нормативных актов

видит не только гарантию качественной разработки документа, но и защиту от произвола со стороны органов законодательной власти: «верховенство закона есть одно из условий воплощения правового государства: смысл это верховенство получает лишь в том предположении, что закон справедлив, и способ его создания есть в то же время возможное при недостатках человеческой природы обеспечение этой справедливости» [5, с. 392].

Принимаемый закон должен быть гарантирован государственным принуждением, которое, согласно Г.Ф. Шершеневичу, обеспечивает правовой характер юридических норм и позволяет отличить их от иных социальных регуляторов [6, с. 310]. Помимо чисто формального подхода, принудительная сила законодательных установлений имеет гуманистическое обоснование, поскольку складывание российской системы права, наряду с принципом законности, рассматривается в контексте возвышающегося приоритета личности. «Государство и право построены на принуждении, которое многим кажется несимпатичным, ...но оно необходимо для защиты интересов всех членов общества», – заключает Ф.Г. Шершеневич [6, с. 333-337].

Принцип гуманизма оказал существенное влияние на формирование отраслей российского законодательства. В частности, С.В. Пахман обращал внимание на принципы права в связи с разработкой гражданского уложения, отмечая, что для данной отрасли и для всего законодательства в целом необходимо установление фундаментальных основ, на которых будут базироваться и совершенствоваться нормы позитивного права [20, с. 4-5]. По мнению ученого, общеправовые принципы определяют вектор развития отраслевого законодательства, расставляя приоритеты в правовом регулировании общественных отношений. С.В. Пахман отмечает, что преимущественное влияние принципа гуманизма в отрасли российского гражданского права сместило центр тяжести с имущественных отношений в сторону интересов личности и привело к признанию за личными правами «самостоятельной формы гражданских прав» [21, с. 13].

Очевидно, подобные изменения требуют качественной переработки действующего законодательства. Вводимая С.В. Пахманом ранее несвойственная для России пандектная система изложения правового материала предусматривала сосредоточение в общей части нормативного акта основных начал права, освещающих по большей мере правовой статус личности. Определяя иерархию норм основного текста документа, на первый план мыслитель выносит нормы, затрагивающие личные права граждан, подчеркивая тем самым приоритет их юридической защиты [22, с. 30-31].

Гуманизация нормативно-правовой базы, по убеждению российских юристов рассматриваемого периода, требует демократизации законотворческого процесса. Так, например, возможность отражения реальных интересов личности в законе Б.А. Кистяковский связывает с обязательным участием граждан и других лиц, проживающих на территории государства, в разработке и принятии нормативного акта [13, с. 550-553]. При признании демократических прав граждан законным будет являться такой правовой порядок, при котором каждой личности обеспечивается их беспрепятственная реализация. На основе этой идеи мыслители формулируют принцип формального равенства, который с юридической стороны гарантирует закрепление за каждым «равного человеческого достоинства и свободы» [2, с. 99], а с практической – предоставляет доступ любой без исключения личности к осуществлению и защите своих прав в процессе формирования условий для своего достойного существования [3, с. 534].

При проецировании принципов права на сферу правоприменительной деятельности центром научной полемики представителей различных правовых концепций стало соотношение начал законности и справедливости. Наиболее ярко данный вопрос освещается в контексте проблемы правовой пробельности, ставящей под угрозу защищенность прав и свобод личности.

Безусловный приоритет принципа справедливости в процессе отправления правосудия усматривает С.А. Муромцев. Мыслитель утверждает, что нормы права допустимо «отодвинуть на второй план», если судья при разрешении юридического дела выявит несовершенства в действующем законодательстве [23, с. 157]. То же самое, по мнению автора, применимо и к деятельности правительственных органов, поскольку «в каждом развитом обществе существует такое же мерило справедливости их решений» [23, с. 159]. В связи с этим С.А. Муромцев не только возлагает на правоприменителей функцию по преодолению законодательных пробелов, но и наделяет правом их восполнения. «Положительное право ограничивается, изменяется и дополняется под влиянием нравственных воззрений и чувства справедливости, руководящих лицами, применяющими право», – пишет он [23, с. 156].

О гармоничном сочетании законности и справедливости высказывается Б.Н. Чичерин: «...суд должен быть один для всех, ибо все равны перед законом. Это опять требование правосудия, которое не взирает на лица и держит весы одинаковые для всех» [24, с. 326]. При этом, по объективному замечанию мыслителя, закон «не может обнять бесконечного разнообразия частных случаев», и потому судья, сталкиваясь с пробелом в законодательстве, должен разре-

шать ситуацию самостоятельно, обращаясь к «естественной справедливости», которая исключает предвзятость и произвол со стороны судебной власти.

Несколько иной позиции относительно принципа справедливости придерживается Н.К. Ренненкамф, однако его взгляды менее категоричны, чем это принято считать в отношении представителей юридического позитивизма. Правовед заключает, что «на основании справедливости судья не может ни пополнять пропуски закона, ни исключать приложение известного закона к известному случаю» [9, с. 119]. Тем не менее полностью судебское усмотрение автор не исключает и допускает его реализацию в рамках рассмотрения особой категории дел при соблюдении пределов, установленных законодателем. «Только тогда, когда сам закон уполномочивает судью решать известные дела по справедливости, он может действовать более самостоятельно; это бывает в отношениях, отличающихся особенной тонкостью и деликатностью, например в некоторых отношениях родителей к детям, дарителей к получившим дар, в некоторых вопросах о вознаграждениях и т.п.», – разъясняет Н.К. Ренненкамф [9, с. 119-120].

Законность правоприменительной деятельности должностных лиц и гарантированность юридической защиты каждой личности в ситуации правовой пробельности достигаются посредством реализации принципов формального равенства и демократизма. Так, например, исключить предвзятое отношение к спорящим сторонам, по мнению Б.Н. Чичерина, возможно посредством установления судебных гарантий, модифицирующих принцип формального равенства в требования независимости, несменяемости и неприкосновенности судей [2, с. 101]. Обеспечить подзаконный характер всей деятельности властвующих органов, включая реализацию судебного усмотрения, согласно Б.А. Кистяковскому, позволяет контроль со стороны общественных объединений, вовлеченных во все внутригосударственные процессы [13, с. 445-446].

Согласно оценке дореволюционных юристов, существенным препятствием для развития отечественной правовой системы выступал низкий уровень правовой культуры российского общества, приводящий к нигилистическим реакциям на любые изменения в сфере права. Разрешение данной проблемы мыслители связывают с аксиологической функцией общеправовых принципов, способных как самостоятельно, так и во взаимосвязи с другими видами социальных норм оказывать ориентирующее воздействие на участников общественных отношений.

Значительное внимание в формировании общественного правосознания уделяется реализации принципа законности, поскольку, как пишет В.М. Гессен, «только твердое и неукоснительное ис-

полнение закона может воспитать в населении уважение к нему и уважение к лицам, призванным его применять» [19, с. 46].

Близкую позицию высказывает Ф.Г. Шершеневич, обращая требования законности в первую очередь к деятельности государственных органов и должностных лиц. «Для воспитания законности необходим пример сверху, сама власть должна считать для себя смертным грехом нарушать законы, ею же созданные», – пишет он [6, с. 74]. В этих условиях, по мнению мыслителя, в гражданах воспитывается «чувство законности», которое воздерживает их от нарушения действующего законодательства и располагает их к принятию изменений в существующей системе права.

На рубеже XIX–XX вв. значительное влияние на развитие отечественной социологической юриспруденции оказали достижения психологической науки, позволяющей проанализировать действие общеправовых начал в контексте чувственно-волевого аспекта понимания права. Так, например, по мнению Н.М. Коркунова, установление принципа законности ещё не гарантирует безусловное побуждение к соблюдению норм положительного законодательства, поскольку большее воздействие на правосознание оказывает принцип формального равенства. «Я обязан уважать права другого, если он сам уважает мои. Если же я подвергаюсь неправомерному нападению, я не обязан уже стесняться уважением к правам нападающего. Потому добросовестное исполнение юридических обязанностей предполагает уверенность в том, что они будут соблюдаемы всеми. Точно так же разумность или полезность правовых норм только и мыслима под условием их общего соблюдения всеми», – пишет он [25, с. 72].

С позиции ученого, значение права заключается в том, что оно осознается отдельными личностями как должный порядок общественных отношений, устанавливающий общие принципы разграничения интересов. Являясь частью согласованного общественного союза, люди склонны к тому, чтобы следовать в первую очередь тем правовым ориентирам, ко-

торые характеризуют правовое положение личности среди других представителей социума. Только тогда, когда человек будет убежден, что степень защищенности его интересов, как и объем возложенных обязанностей, ничем не отличается от остальных субъектов права, он признает существующий правовой порядок законным и станет соблюдать требования, необходимые для его сохранения.

Итак, принципы права в интерпретации либеральных правоведов Российской империи второй половины XIX в. – начала XX в. представляют собой фундаментальные начала, отражающие сущность и ценностные ориентиры права, которые, оказывая влияние на всех субъектов правоотношений, выступают руководством для правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности в государстве. Независимо от того, что лежит в основе их возникновения – идеи, нормы или правоотношения, представители естественно-правовой, нормативной и социологической теории в качестве признаков принципов права выделяли учредительный характер, общеобязательность, прямое действие и устойчивость содержания. Исходя из указанных признаков, мыслители не просто разрабатывают перечень общеправовых принципов, но и представляют их в виде определенной совокупности взаимосвязанных императивов, направленных на прогрессивное развитие всех сторон правовой действительности. Предъявляемое авторами требование о наделении принципов права признаком формальной определенности подчеркивает осознание их ключевой роли в процессе правового регулирования. Осмысление их функционального назначения определяет приоритет тех или иных принципов права в соответствии с проблемой, на решение которой проецируется их воздействие.

Обращение к сформулированным дореволюционными юристами идеям о преобразовательном потенциале принципов права в процессе совершенствования современной российской правовой системы будет способствовать объективному представлению о их роли, а также упорядоченности и согласованности государственной правовой политики.

Список источников

1. Вестов Ф.А. Политико-правовые представления о правовом государстве в советский период // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Т. 9.
2. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990.
3. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. V.
4. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. 2-е изд. 1919. Вып. 1.
5. Котляревский С.А. Власть и право: проблема правового государства. М., 1915.
6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912.
7. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1911.
8. Пахман С.В. О современном движении в науке права. 1882.
9. Ренненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд. Киев–СПб., 1880.

10. Муромцев С.А. Право и справедливость (Отрывок из публичной лекции) // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 2.
11. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление // Вопросы права: журнал научной юриспруденции. М., 1911. Гл. 2. Кн. 8 (4).
12. Борисова П.А. Право и социальная справедливость в научном наследии Б.А. Кистяковского // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1.
13. Кистяковский Б.А. Лекции по государственному праву. М., 1909.
14. Гессен В.М. Возрождение естественного права. М., 1902.
15. Муромцев С.А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. Т. 1. № 9.
16. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. М., 1906. Кн. V.
17. Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Основные принципы права: понятие и классификация // Legal Concept. 2013. № 1 (18).
18. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1999.
19. Гессен В.М. На рубеже: сборник статей. СПб., 1906.
20. Пахман С.В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения. М., 1882.
21. Пахман С.В. О значении личности в области гражданского права. М., 1883.
22. Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. Статья третья // Законодательство. 2015. № 3.
23. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879.
24. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1.
25. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 1897.

Информация об авторе

А.А. Никитчик – адъюнкт Омской академии МВД России.

Information about the author

A.A. Nikitchik – postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Научная статья
УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ НОРМ ПРАВА

Олеся Дмитриевна Овчинникова¹, Аннета Михайловна Шаганян²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ olesya901@mail.ru

² sha-anneta@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности толкования специализированных норм права. Обращается внимание на повышение роли в правовом регулировании норм-принципов и норм-оговорок. Формулируется вывод, что толкование норм-оговорок должно производиться посредством использования комплексного подхода путем применения логических, функциональных, грамматических правил толкования. Изложение материала сопровождается иллюстрацией примеров из законодательства.

Ключевые слова: толкование норм права, интерпретационная деятельность, норма права, коллизионная норма, норма-оговорка, долг, нормы-принципы, логическое толкование, грамматическое толкование, систематическое толкование

Для цитирования: Овчинникова О.Д., Шаганян А.М. Особенности толкования некоторых видов норм права // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 37-40.

Original article

FEATURES OF INTERPRETATION OF SOME TYPES OF LAW

Olesya D. Ovchinnikova¹, Anneta M. Shaganyan²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ olesya901@mail.ru;

² sha-anneta@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of interpretation of specialized rules of law. Attention is drawn to the increasing role of norms-principles and norms-reservations in the legal regulation. The conclusion is formulated that the interpretation of norms-reservations should be made using a set of proposals for the application of functional, grammatical rules of interpretation. The presentation of the material is accompanied by illustrations of cases from the legislation.

Keywords: interpretation of rules of law, interpretive activity, rules of law, conflict norm, norm-clause, duty, norms-principles, logical interpretation, grammatical interpretation, systemic interpretation

For citation: Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M. Features of interpretation of some types of law. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:37-40 (In Russ.).

© Овчинникова О.Д., Шаганян А.М., 2022

Сложно переоценить значение толкования норм права, особенно в современных реалиях трансформации нормативных правовых предписаний, в связи с активным преобразованием общественных отношений, подлежащих правовому регулированию. Толкование как процесс познания сути и воли законодателя предполагает применение разнообразного сочетания арсенала способов, приемов и средств, используемых интерпретатором. Однако надлежащее раскрытие смыслового содержания норм права зависит не только от той или иной комбинации приемов и средств толкования, но и нередко от вида самой правовой нормы, что диктует необходимость пристального внимания к определению принадлежности предписаний российского права к какой-либо классификации.

Среди значительного количества критериев дифференциации норм права наиболее важное место, по нашему мнению, принадлежит именно функциональному признаку. По указанному критерию выделяют регулятивные, охранительные и специализированные нормы права. Функционал специализированных норм сводится к созданию фундамента (основы) для конкретных предписаний регулятивных и охранительных норм права, выступая совместно с ними единым регулятором общественных отношений. Особенности данных норм заключаются в том, что они не персонифицированы и не обращены к конкретным субъектам; опосредованно регулируют общественные отношения посредством воздействия на охранительные и регулятивные нормы, выступают базой для формирования первичных (классических) норм права.

Изложенное выше обосновывает наличие некоторых особенностей толкования специализированных норм права. Среди специализированных норм права выделяют следующие их разновидности: общеакрепительные нормы, дефинитивные нормы, декларативные, оперативные, коллизионные нормы-цели и нормы задачи.

Среди подобных норм заметно повышается роль норм-принципов и норм-оговорок в качестве специальных нормативных правовых предписаний, поскольку именно с их помощью осуществляется учет в правовом регулировании особых исключительных случаев и ситуаций, требующих индивидуальной юридической регламентации. Оговорки достаточно широко используются законодателем в различных отраслях российского права. Однако их наличие в системе законодательства создает ряд дополнительных трудностей в толковании и применении права.

Следует отметить, что в настоящее время проблемное толкование норм-оговорок уделяется недостаточное внимание отечественными учеными и практиками. Процесс толкования норм-оговорок подчиняется общим правилам грамматического толкования, на

которые накладываются определенные особенности. Так, Р.С. Кашанский указывает, что нормы-оговорки не подлежат расширительному толкованию, что следует из самой сущности оговорки. Кроме того, норма-оговорка должна быть четко сформулирована в нормативных правовых актах, доступна для понимания гражданами, которые подстраивают под нее свое поведение и не обладают специальными познаниями в праве. Данное требование находит свое закрепление в п. 17 Сиракузских принципах толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах: «Правовые нормы, ограничивающие пользование правами человека, должны быть четко изложены и доступны каждому» [1]. Помимо этого, надо помнить, что данные нормы должны содержать в полном объеме имеющиеся исключения из общего правила. Связано это с тем, что не все субъекты интерпретационной деятельности имеют юридические познания для оценки возможных последствий.

Поскольку норма-оговорка представляет собой предписание, содержащее в себе исключение из общего правила, то и толковаться она должна посредством установления места рассматриваемой нормы в системе права в целом. В данном случае содержание нормы-оговорки определяется через определение функциональных связей с различными правовыми институтами, отраслями, отдельными нормативными правовыми актами и другими нормами.

Считаем, что толкование норм-оговорок должно производиться посредством использования комплексного подхода путем использования логических, функциональных, грамматических правил толкования.

Уяснение смысла и содержания воли законодателя, как правило, начинается с применения языкового (грамматического) способа интерпретации, традиционно основанного на грамматическом, лексическом, семантическом анализе текста предписания. Рассматриваемые нормы в данном случае не являются исключением, поскольку соответствуют всем требованиям, предъявляемым для иных норм права. Тем не менее сущность и содержание данных норм позволяют выделить некоторые особенности их толкования [2, с. 52]. Бесспорно, что любое нормативное правовое предписание должно быть максимально ясным и доступным для понимания. Так, норма не может выступать в качестве предписания акта высшей юридической силы, если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение. Каждый субъект толкования, даже не обладающий специальными познаниями в области права, должен иметь возможность предвидеть последствия, которые может повлечь за собой неправомерное соблюдение или исполнение нормативных велений.

На требование правовой определенности норм права указывают постановления Конституционного Суда РФ [3]. Кроме того, запрет расширительного толкования норм российского права касается в том числе данного вида норм. Интерпретатор, как правило, приступает к толкованию норм при помощи грамматического анализа текста, определяя грамматическую основу предложения, его главные и второстепенные члены. Так, помимо грамматического способа интерпретации норм-принципов и норм-оговорок, следует применять приемы систематического толкования в связке норм-принципов с регулятивными или охранительными нормами права и нормы-оговорки с исходной нормой права, логического анализа текста общего и частного предписания, ограничение значения слов и предложений [3]. Толкование текста исследуемых норм невозможно без использования историко-политического способа интерпретации, продиктованного необходимостью установления причин и условий, в которых происходило создание этого текста.

Специализированные нормы права в целом представляют собой квинтэссенцию интерпретационной деятельности, требующей применения различных видов, приемов и способов толкования права. Целесообразность использования толкователем широкого арсенала средств зависит от множества различных причин, среди которых наибольшее распространение, по нашему мнению, имеют широкие лексические значения слов по сравнению с обозначаемыми ими юридическими понятиями. В этом случае, например, для единообразного понимания нормы-оговорки необходимо сузить смысл соответствующего слова и применить ограничительное толкование. Применение ограничительного вида толкования обусловлено информационной избыточностью текста нормы-оговорки, связанной с воспроизводством в норме повторяющейся информации, не обладающей самостоятельной смысловой нагрузкой. В силу этого она исключается из правоинтерпретационного процесса без потери заложенного в оговорку смыслового содержания. В литературе обращается внимание на то обстоятельство, что, как правило, информационная избыточность текста связана с повторяющейся информацией. Несомненно, такой текст в ходе толкования подвергается сокращению в целях его доступного восприятия и адекватного понимания.

Коллизионные нормы представляют собой особый вид правового регулирования, основное предназначение которых заключается в разрешении возникающих коллизий.

Особенность формулирования коллизионных норм состоит в отсутствии в структуре такого элемента, как санкция. Считаем, что интерпретация

данных норм, как и ее разрешение, возможна лишь при использовании в данном процессе всей совокупности регулятивных, охранительных норм-принципов.

Приведенные приемы толкования указывают, что очень часто их применение требует определенных специальных юридических знаний, позволяющих интерпретировать волю законодателя максимально точно и однозначно.

Поскольку исследуемые нормы обладают признаками нормативных правовых предписаний, при уяснении их смысла и содержания применимы приемы различных способов толкования права по тем же самым правилам, что и при толковании иных норм права. Однако следует отметить, что приемы логического толкования применяются при интерпретации специализированных норм права в обязательном порядке.

Систематическое и функциональное толкование позволяет уяснить действительное содержание норм-принципов и норм-оговорок посредством установления их места в системе права, т.е. за счет определения связей оговорок с другими нормами права, правовыми институтами, отраслями права. Поэтому, если сравнивать логический и систематический способы толкования, можно отметить, что логическое толкование есть средство установления связи содержания различных норм, а систематическое толкование – средство определения содержания связей нормативных правовых предписаний. Необходимость уяснения связей норм права обусловлена федеративной природой Российского государства и особенностями системы действующего законодательства. В данном случае речь идет о связях специализированных норм права с иными нормами, находящимися в нормативных актах органов власти различного уровня и юридической силы. Кроме того, следует помнить об интерпретации связи специализированных норм с нормами одной или нескольких отраслей права.

Характер содержания функциональных связей и влияния одной нормы права на другую может быть выражен отношениями субординации, координации и управления. При всем этом в каждой из подсистем выделяются прямые и косвенные, непосредственные и опосредованные, близкие и отдаленные, конкретные и абстрагированные, вспомогательные и другие связи.

Применение различных видов, приемов и способов толкования специализированных норм права необходимо для достижения максимально полного результата правового регулирования, является условием точного соблюдения законности, правильного понимания и применения нормативного правового акта.

С учетом вышеизложенного необходимо отметить, что специализированные нормативные предписания подлежат интерпретации посредством комплексного использования языкового, логического и системно-функционального способов. Игнорирование хотя бы одного из них с неизбежностью вызывает нарушение требований и правил правоинтерпретаци-

онной техники и, как следствие, искажение истинного смысла нормативного правового предписания. Для более полного уяснения содержания трактуемой нормы права интерпретатору также необходимо установить, для чего, в каких условиях и что способствовало появлению текста, а также что будет являться следствием ее принятия.

Список источников

1. Европейский опыт защиты прав человека: URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/id/14623> (дата обращения: 11.09.2022).
2. Кашанский Р.С. Техника толкования оговорок в праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (138). С. 50-55.
3. Афанасьев С., Гаврилова О., Рудт Ю., Урошлева А. Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1. С. 169-197.
4. Аджиев А.Х. Оговорки и толковательные заявления к международным договорам о правах человека: проблемы разграничения и потенциал влияния на толкование договоров // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 2. С. 42-47.
5. Арзамасов Ю.Г. Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки – нормографии // Государство и право. 2017. № 10. С. 104-110.
6. Бошно С.В. Толкование норм права // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 17-25.
7. Вершинина С.И. К вопросу о толковании норм права // Вектор науки. 2015. № 2 (2). С. 36-45.
8. Липкина Н.Н. Состояние необходимости в общем международном праве и дерогация в международном праве прав человека: соотношение правовых институтов // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 53-59.

Информация об авторах

О.Д. Овчинникова – кандидат юридических наук, доцент;
А.М. Шаганян – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O.D. Ovchinnikova – Candidate of Science (Law), Associate Professor;
A.M. Shaganyan – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 341.231.14+342.7

РОССИЯ БЕЗ ЕСПЧ: НОВАЯ ПАРАДИГМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Андрей Евгеньевич Чечётин¹, Иван Дмитриевич Шатохин²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ achechetin@mail.ru

² sha_to_hin@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема защиты прав и свобод человека после выхода России из юрисдикции Европейского Суда по правам человека. Анализируется роль Страсбургского суда в механизме обеспечения права на судебную защиту и предложения по созданию компенсаторных механизмов защиты прав личности в новых правовых реалиях. В работе исследуется и дается оценка некоторых результатов принятых решений Европейским Судом по правам человека, а также дальнейшее их использование в правоприменительной практике.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека, обеспечение прав граждан

Для цитирования: Чечётин А.Е., Шатохин И.Д. Россия без ЕСПЧ: новая парадигма защиты прав личности // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 41-47.

Original article

RUSSIA WITHOUT EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: A NEW PARADIGM FOR PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS

Andrey E. Chechetin¹, Ivan D. Shatokhin²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ achechetin@mail.ru

² sha_to_hin@mail.ru

Abstract. The article raises the problem of protecting human rights and freedoms after Russia's withdrawal from the jurisdiction of the European Court of Human Rights. The role of the Strasbourg Court in the mechanism of ensuring the right to judicial protection and proposals for the creation of compensatory mechanisms for the protection of individual rights in the new legal realities are analyzed. The paper examines and evaluates some of the results of the decisions made by the European Court of Human Rights, as well as their further use in law enforcement practice.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights, ensuring the rights of citizens

For citation: Chechetin A.E., Shatokhin I.D. Russia without European Court of Human Rights: a new paradigm for protection of individual rights. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:41-47 (In Russ.).

© Чечётин А.Е., Шатохин И.Д., 2022

11 июня 2022 г. Президентом нашей страны подписаны федеральные законы № 180-ФЗ и № 183-ФЗ, согласно которым постановления Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), вступившие в силу после 15 марта 2022 г. – дня выхода страны из Совета Европы, не подлежат исполнению в Российской Федерации [1]. Без преувеличения это событие носит глобальный характер для истории российского права последней четверти века.

Указанными законами в уголовный, гражданский, административный и арбитражный процессуальные кодексы, а также некоторые другие законодательные акты внесены изменения, в соответствии с которыми постановления ЕСПЧ перестали быть основанием для пересмотра решений российских судов, а само упоминание об ЕСПЧ удалено из законодательной материи.

Законодательные новеллы по существу означают изменение парадигмы судебной защиты прав личности, которая основывалась на положениях ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право каждого обращаться в международные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Юристам понятно, что реализация этого права невозможна без участия государства в международных соглашениях и договорах, что было обеспечено вступлением России в Совет Европы, ратификацией в 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) и признанием юрисдикции ЕСПЧ [2]. Таким образом, был создан механизм реализации ч. 3 ст. 46 Конституции России, работавший на протяжении двух с лишним десятков лет, эффективность которого получала официальное признание и высокие оценки.

Так, в Постановлении Конституционного Суда от 5 февраля 2007 г. № 2-П был сформулирован принципиальный вывод о том, что Европейская конвенция и решения ЕСПЧ, в которых дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, являются составной частью российской правовой системы [3]. Признавая Конвенцию «огромным достижением в защите прав человека в Европе и огромной ценностью» [4], Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин отмечал, что «...ограничить право граждан на обращение в Европейский Суд – абсурдная и нереализуемая идея», поскольку такое право находится под защитой Конституции, а Конвенция по вопросам защиты прав человека и основных свобод во многом определяет направления развития российской правовой системы [5]. По убеждению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.И. Москальковой, «ЕСПЧ... – один из важных звеньев правозащитных

лифтов, когда человек может... выйти на уровень международной защиты... выход из-под юрисдикции ЕСПЧ... был бы, наверное, шагом назад на сегодняшний день» [6].

Авторами Комментария к Конституции Российской Федерации отмечалось, что обязательный характер постановлений ЕСПЧ, принятых в отношении России, «непосредственно влияет на уровень судебной защиты, осуществляемой российскими судами» [7, с. 453]. В фундаментальном учебнике «Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел», рекомендованном МВД России для ведомственных образовательных учреждений, подчеркивалось, что «механизм, созданный Европейской конвенцией, является наиболее действенным в области защиты прав человека по сравнению с другими процедурами, предусмотренными международными договорами...» [8, с. 251]. Цитирование подобных оценок можно продолжать еще долго.

Такова была общепризнанная доктринальная модель роли решений ЕСПЧ в механизме судебной защиты прав личности, которая получила закрепление в российском законодательстве. В частности, ч. 4 ст. 413 УПК РФ к основаниям возобновления производства по уголовному делу относил установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации этого уголовного дела. Аналогичные нормы содержались и в иных процессуальных кодексах Российской Федерации.

Данная модель прочно укоренилась и в судебной практике. Так, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.» разъяснялось, что правовые позиции ЕСПЧ, содержащиеся в его постановлениях, принятых в отношении России, являются обязательными для судов, а иные постановления учитываются, если обстоятельства дела являются аналогичными обстоятельствам, рассматриваемым ЕСПЧ. Далее в п. 3 этого документа судам предписывается определять содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством России, с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом [9]. Таким образом, гарантированное ч. 3 ст. 46 Конституции РФ право на обращение в международные органы по защите прав и свобод человека получило адекватный механизм его реализации.

Объективно оценивая результаты работы этого механизма, нельзя не отметить его позитивный вклад в развитие российской правовой системы на ряде конкретных примерах. Так, специалистам хорошо известны постановления ЕСПЧ по жалобам участника ликвидации Чернобыльской аварии гражданина А.Т. Бурдова [10], которые способствовали разреше-

нию проблемы несвоевременности исполнения решений российских судов в пользу заявителей. В результате реагирования на эти решения был принят закон о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок [11].

Благодаря делу «Ананьев и другие против России» [12] Федеральным Собранием Российской Федерации было принято девять законов, предусматривающих порядок выплаты компенсаций за нарушения, связанные с необеспечением надлежащих условий содержания в следственных изоляторах и местах лишения свободы, и существенно усовершенствовавших национальные средства правовой защиты от такого рода нарушений [13].

Решения ЕСПЧ стали поводом для изменения уголовно-исполнительного законодательства, благодаря которым осужденные получили возможность отбывать наказание в регионах проживания близких родственников.

В ЕСПЧ часто жаловались на незаконное заключение под стражу и его многократное продление. Его постановления по этому вопросу сыграли не последнюю роль в появлении новой меры пресечения в виде запрета определенных действий. И этот список можно продолжать еще долго. По состоянию на конец 2021 г. на рассмотрении Государственной Думы находилось еще семь законопроектов, разработанных с учетом выводов Европейского Суда. Отсюда видно, что позиции ЕСПЧ серьезно повлияли на гуманизацию и совершенствование российского законодательства.

Отдельно хотелось бы остановиться на решениях Европейского Суда, касающихся сферы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Особое место среди них занимают дела о пытках и насилии полицейских с целью получения признательных показаний, по которым вынесено более шести десятков постановлений ЕСПЧ, а в очередь на рассмотрение поставлено еще более трехсот аналогичных жалоб. Первым в этой серии было постановление ЕСПЧ по делу гражданина Михеева, который, не выдержав пыток, выбросился из окна 3-го этажа и, получив перелом позвоночника, остался инвалидом. На его требование о привлечении виновных к ответственности следственный орган 23 раза выносил постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые впоследствии отменялись судом. И только после принятия его жалобы к рассмотрению ЕСПЧ следственный орган через 7 лет после случившегося был вынужден довести расследование до конца, и виновные были осуждены [14]. Уникальность этого дела обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, пытка была применена в отношении сотрудника милиции, заподозренного в совершении убийства пропавшей без вести девушки. То есть пытали

не закоренелого садиста, для которого нет ничего святого, а своего коллегу, прошедшего строгий отбор при поступлении на службу. Во-вторых, в этом деле отсутствовало объективное подтверждение наличия события преступления, поскольку проверялось лишь заявление о без вести пропавшей, которая, как потом выяснилось, никакому преступному посягательству не подвергалась, а загостилась у своих знакомых, не поставив в известность родителей.

Среди рассмотренных ЕСПЧ так называемых «пыточных» дел против России нельзя не вспомнить Постановление «Новоселов против России». Заявитель по этому делу стал объектом пыток, проводимых в рамках так называемого оперативного эксперимента, в ходе которого он был похищен оперативными сотрудниками полиции, переодетыми в частных охранников, вывезен в лес и подвергнут избиению с целью получения признательных показаний. На его обращение в следственный орган о похищении и применении насилия, как и в деле Михеева, неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела до тех пор, пока его жалоба не поступила в ЕСПЧ [15]. Нам представляется очевидным, что без вмешательства ЕСПЧ в приведенных примерах зло осталось бы безнаказанным.

Широкий резонанс среди специалистов получили постановления ЕСПЧ, посвященные полицейским провокациям. Первым в этом ряду стало дело «Ваньян против Российской Федерации». История заявителя по этому делу весьма показательна с точки зрения оценки уровня профессионализма участвовавших в ней правоохранителей. В 1999 году Ваньян был приговорен к семи годам лишения свободы за приобретение с целью сбыта героина массой 0,318 грамма (в особо крупном размере) и сбыт части этого наркотика массой 0,08 грамма участнице проверочной закупки, действующей по заданию сотрудников уголовного розыска. Получив уведомление ЕСПЧ о принятии к рассмотрению жалобы Ваньяна, в ноябре 2000 г. надзорная инстанция пересмотрела приговор и квалифицировала те же самые действия осужденного по иному – как приобретение и хранение наркотика без цели сбыта, а размер наказания снизила до двух лет. Кроме того, на основании изданного ранее акта об амнистии суд освободил его от наказания. Однако, несмотря на эти меры по исправлению допущенных судебных ошибок, ЕСПЧ продолжил рассмотрение дела и в итоге признал нарушения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод вследствие провокации со стороны сотрудников милиции.

Дело Ваньяна получило поучительное завершение при пересмотре в Президиуме Верховного Суда ввиду новых обстоятельств. В его постановлении от 28 июля 2010 г. было установлено, что проверочная

закупка наркотиков, послужившая поводом и основанием возбуждения уголовного дела, изначально была незаконной, поскольку в материалах уголовного дела отсутствовало обязательное для таких случаев постановление, разрешающее ее проведение. На основании этого был сделан вывод о незаконности и необоснованности осуждения заявителя за приобретение наркотика для «закупщицы», а обвинительный приговор был отменен [16]. Таким образом, благодаря решению ЕСПЧ заявитель через одиннадцать с лишним лет после вынесения приговора был полностью реабилитирован.

Постановление ЕСПЧ по делу Ваньяна, вскрывшее серьезные ошибки правоприменителей, повлекло за собой принятие Пленумом Верховного Суда России постановления № 14 от 15 июня 2006 г. [17], в котором наряду с другими вопросами были разъяснены условия законности проведения проверочной закупки наркотиков и критерии отграничения ее от провокации. Эти разъяснения дают ориентир для тактики действий оперативных сотрудников в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

26 октября 2006 г., т.е. менее чем через год после завершения дела Ваньяна, Европейский Суд принял постановление по аналогичному делу «Худобин против России», в котором проведение проверочной закупки вновь было признано провокацией и сделан вывод о нарушении права заявителя. На это решение ЕСПЧ отреагировал уже законодатель, который в 2007 г. дополнил ст. 5 Закона об ОРД положением, запретившим провокацию в ОРД [18]. Иными словами, провокация в ОРД была официально признана незаконной.

Постановления ЕСПЧ по жалобам на применение полицейскими насилия и пыток обусловили принятие руководством МВД ряда организационных решений, которые были изложены в письме заместителя Министра внутренних дел «О мерах реагирования на нарушения в действиях сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, выявляемых Европейским Судом по правам человека» от 01.10.2019. В этом документе образовательным учреждениям МВД России предписано использовать в учебном процессе постановления ЕСПЧ, в которых действия сотрудников полиции признавались неправомерными.

Результаты принимаемых органами внутренних дел мер реагирования на решения ЕСПЧ изложены в информационно-аналитическом обзоре «О поступивших в 2020 г. в МВД России запросах Уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ и постановлениях ЕСПЧ». В нем, в частности, отмечалось, что по поступающим от Уполномоченного запросам проводятся проверки, и в случае обнаружения нарушений сотрудниками полиции прав граждан ви-

новые привлекаются к ответственности. Из этого обзора видно, что с целью реализации требований ЕСПЧ по соблюдению прав личности и минимизации поводов для новых жалоб МВД России принимается немало мер превентивного характера. Отсюда следует, что деятельность ЕСПЧ по рассмотрению поступивших жалоб играет важную роль в укреплении законности и прав граждан в деятельности органов внутренних дел.

Небезынтересным в затронутой теме представляется вопрос о том, завершился ли с принятием упомянутых законов «бракоразводный процесс» по выходу России из ЕСПЧ? По этому поводу российский законодатель достаточно жестко определил свою позицию, взяв на себя обязательство исполнять лишь те решения, которые вступили в силу до 15 марта 2022 г. По подсчетам специалистов это касается порядка 16-17 постановлений ЕСПЧ, принятых после середины декабря 2021 г.

В свою очередь, ЕСПЧ не торопится «сжигать мосты» и завершать «бракоразводный процесс» с Россией, поскольку планирует рассматривать все поступившие до 16 сентября жалобы российских граждан исходя из обязательности выполнения всех принятых по ним решений. По имеющимся данным на начало 2022 г. в суде находилось более 17 тыс. жалоб от граждан России, уже признанных первоначально приемлемыми. А за девять месяцев этого года данная цифра, надо полагать, претерпела изменения в сторону увеличения. Так, в последний день приема жалоб – 15 сентября 2022 г. – ЕСПЧ опубликовал сразу 50 постановлений не в пользу России [19]. Учитывая, что наш законодатель отказал в их выполнении, возникает не только политическая, но и юридическая проблема разрешения возникшего конфликта.

Сложившаяся ситуация даст повод заинтересованным лицам оспаривать в Конституционном Суде Российской Федерации конституционность положений федеральных законов № 180-ФЗ и № 183-ФЗ, которые, как полагают представители адвокатского сообщества, противоречат ч. 4 ст. 15, ч. 3 ст. 46 и ч. 2 ст. 55. Конституции России [20]. Сколько будет таких обращений, пока сказать трудно, но теоретически можно предположить, что каждый заявитель, выигравший дело в ЕСПЧ и получивший отказ в выполнении его решения в России, может обратиться с жалобой в Конституционный Суд. Таким образом, «бракоразводный процесс» с ЕСПЧ пока рано считать завершенным, по крайней мере в сфере конституционного правосудия.

Еще один немаловажный вопрос, который будоражит умы юристов в связи с выходом России из ЕСПЧ, связан с тем, каким образом можно компенсировать конституционную гарантию судебной защиты прав граждан?

Варианты ответов на него в средствах массовой информации высказываются различные. Так, Председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству А. Клишас заявил, что вместо ЕСПЧ граждане России смогут обращаться по аналогичным вопросам в Конституционный Суд РФ [21]. Это заявление было поддержано рядом известных юристов, в т.ч. экс-судьей Конституционного Суда РФ В. Ярославцевым, который оценивает потенциал органа конституционного контроля не ниже уровня судей ЕСПЧ [22].

Однако такой вариант представляется достаточно дискуссионным, поскольку компетенция Конституционного Суда не предусматривает проверки фактов нарушения прав граждан. Изменение же его полномочий потребует проведения еще одной конституционной реформы в стране. Кроме того, «производственные мощности» КС пока не в состоянии заменить ЕСПЧ, который за 2021 г. вынес 232 постановления по 741 жалобе. В то же время КС подготовил только 50, что почти в пять раз меньше.

Не осталась в стороне от разрешения проблемы Ассоциация юристов России, председатель которой С. Степашин сообщил, что юридическое сообщество уже предпринимает шаги по созданию альтернативного суда по правам человека, для чего создана рабочая группа. Он полагает, что новый суд может быть организован в формате БРИКС, СНГ или ЕАЭС [23]. Однако следует признать, что создание нового международного суда потребует немалого времени, а также дипломатических усилий, поскольку для этого как минимум следует заручиться волеизъявлением государств-партнеров. Поэтому на быстрый результат здесь рассчитывать не стоит.

В свою очередь, адвокатское сообщество советует реализовывать конституционное право на международный суд путем обращения в Комитет ООН по правам человека. Там, по их утверждению, и порядок проще, и сроки обращений больше, и гарантии успеха надежней [20]. Однако такое заявление не подтверждается его авторами какими-либо конкретными фактами. Изучение же судебной практики, наоборот, показывает прозрачность перспективы использования этого международного института защиты прав человека. Об этом, в частности, свидетельствует конкретный пример из судебной практики. Так, отбывающий пожизненное лишение свободы гр-н Х. обратился в указанный выше Комитет ООН, который в 2011 г. принял решение, констатирующее нарушение его прав Российской Федерацией и обязывающее

пересмотреть его дело. Однако Верховный Суд отказался это делать, поскольку ст. 413 УПК не предусматривает в качестве оснований пересмотра приговора решение Комитета ООН по правам человека. После этого последовала жалоба Х. в Конституционный Суд РФ, который с доводами заявителя отчасти согласился в своем определении № 1248-О. В этом решении было указано, что положения ст. 413 УПК «не исключают возможности» возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств на основании решения Комитета по правам человека. Формально оспоренная норма была истолкована в пользу заявителя, но применить такое истолкование Верховный Суд тем не менее отказался. Причиной этому послужило то, что согласно ст. 413 УПК РФ основанием пересмотра приговора может выступать только постановление, но не определение Конституционного Суда РФ, которое было вынесено по жалобе Х. Этот пример наглядно демонстрирует, что право на обращение в Комитет ООН пока никак не гарантирует реальной возможности защиты нарушенных прав.

Таким образом, конституционная гарантия права на судебную защиту в международных судах, закрепленная в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, после выхода России из ЕСПЧ утрачивает свой основной механизм реализации, приобретая в большей степени декларационный характер. В создавшихся условиях необходимо создание компенсаторного механизма судебной защиты прав граждан за счет мобилизации внутренних ресурсов. Если мы считаем, что нам не нужен внешний арбитр, то следует гармонизировать внутреннюю правовую систему защиты нарушенных прав. О необходимости переноса основного бремени защиты прав наших граждан на национальные судебные органы неоднократно писал и говорил Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин [24, с. 403].

В сложившейся реальности судебная система и все правоохранительные органы не должны вслед за законодателем вычеркивать отовсюду упоминание о ЕСПЧ. Выработанные на основе его решений стандарты обеспечения прав личности, которые были признаны обязательными для российского правосудия, следует не только сохранять, но и последовательно придерживаться их в решении задач борьбы с преступностью. Необходимо помнить, что Конституция защищает те же общечеловеческие ценности, что и Конвенция, от участия в которой мы отказались.

Список источников

1. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/68648> (дата обращения: 27.06.2022).

2. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12111157/paragraph/19:0> (дата обращения: 28.06.2022).

3. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П. URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 28.06.2022).

4. Зорькин В.Д. Проблемы реализации Конвенции о правах человека. URL: <http://www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72> (дата обращения: 28.06.2022).

5. Зорькин В.Д. Конституция и проблемы совершенствования правосудия. Доклад на VII Всероссийском Съезде судей. Москва, 2 декабря 2008 г. URL: <http://www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=28> (дата обращения: 28.06.2022).

6. Москалькова считает, что выход РФ из-под юрисдикции ЕСПЧ был бы шагом назад. URL: <https://tass.ru/politika/4999099?ysclid=l5hslqbgfr258222289> (дата обращения: 28.06.2022).

7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.

8. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел: учебник / под общ. ред. Ю.В. Анохина, В.Я. Кикотя. М.: ЦОКР МВД России, 2010.

9. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановления ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. «Бурдов против Российской Федерации» (жалоба № 59498/00) и от 15 января 2009 г. (№ 2) (жалоба № 33509/04) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие против России» (жалобы № 42525/07 и 60800/08) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2015 год [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление ЕСПЧ по делу «Михеев против Российской Федерации» от 26 января 2006 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Постановление ЕСПЧ по делу «Новоселов против Российской Федерации» от 28 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Чечетин А.Е. Проверочная закупка наркотиков в решениях Европейского Суда по правам человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. Вып. 2 (62), С. 137-142.

17. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда России от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Царева М. Конвенция по правам человека стала исключительно европейской. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5560896> (дата обращения: 17.09.2022).

20. Охотин С. Замена ЕСПЧ: альтернативные средства защиты прав россиян. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/zamena-espch-alternativnye-sredstva-zashchity-prav-rossiyan/?ysclid=l8ikrgtodq158084501> (дата обращения: 15.06.2022).

21. Клишас: россияне вместо ЕСПЧ смогут обращаться в Конституционный суд. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/03/16/klisshas-rossiyane-vmesto-espch-smogut-obrashhatsya-v-verkhovnyy-sud.html?ysclid=l8ipfrsrzi886070720> (дата обращения: 17.03.2022).

22. Царева М. В это сложное время нельзя перессориться с судьями. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2022/05/25/923469-nelzya-peressoritsya-s-sudyami?ysclid=l8iqmekxvb15148596> (дата обращения: 26.05.2022).

23. В России создают свой суд по правам человека на замену ЕСПЧ. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/06/02/71379866/?ysclid=18ipatltdf31873413> (дата обращения: 05.06.2022).

24. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010.

Информация об авторах

А.Е. Чечетин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

И.Д. Шатохин – кандидат юридических наук.

Information about the authors

A.E. Chechetin – Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

I.D. Shatokhin – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 342

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК МЕХАНИЗМ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Алиса Наильевна Шаламова

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, alisa.shalamova@yandex.ru

Аннотация. В статье автор анализирует проблематику социально ориентированного государства в рамках национального правопорядка, а также его нормативного опосредования сквозь призму международного права. Социально ориентированное государство раскрывается в русле его телеологических качеств, а также ключевых гуманитарных свойств. В своей работе автор осуществляет анализ дрейфа текущей экономики к такой экономической модели, в которой государство учреждает лишь институциональный базис и правовое регулирование экономической деятельности. Кроме того, исследование затрагивает вопрос о поэтапном формировании общества, функционирующего на принципах справедливости и социальной солидарности.

Ключевые слова: социальное государство, государственный патернализм, гражданское общество, политическая система, социальная функция, социальное партнерство

Для цитирования: Шаламова А.Н. Социально ориентированное государство как механизм правовой реальности // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 48-52.

Original article

SOCIALLY ORIENTED STATE AS A MECHANISM OF LEGAL REALITY

Alisa N. Shalamova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
alisa.shalamova@yandex.ru

Abstract. The problems of a socially oriented state within the framework of the national legal order, as well as its normative mediation through the prism of international law are analyzed in the article. The socially oriented state is revealed in the article in line with its teleological qualities, as well as key humanitarian properties. The author analyzes the drift of the current economy to an economic model in which the state establishes only an institutional basis and legal regulation of economic activity. In addition, the study raises the question of the gradual formation of a society functioning on the principles of justice and social solidarity.

Keywords: welfare state, state paternalism, civil society, political system, social function, social partnership

For citation: Shalamova A.N. Socially oriented state as a mechanism of legal reality. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2022;4:48-52 (In Russ.).

Анализ древнейшей истории человечества наглядно демонстрирует социально значимую активность государства в делах общества. Социальная роль государства посредством изучения ее отдельных элементов исследовалась многими философами, учеными и богословами Средневековья, утопистами Нового времени, лидерами демократических движений, сторонниками социалистического пути развития и представителями коммунистической концепции развития общества. В частности, германские и австрийские ученые государствоведы и экономисты отстаивали нормативное закрепление принципов социально ориентированного государства в конституциях своих государств [1, с. 56-59].

В этой связи стоит подчеркнуть, что государство как правовая реальность в жизни людей отображается прежде всего в социальной ориентированности и реализации на практике принципов социального государства, проблематика которого расположена в русле сочетания принципов социальной солидарности и социального партнерства. Ведя речь о самом термине «социальное государство», следует отметить, что впервые его нормативное закрепление находим в Конституции ФРГ 1949 г., в последующем успешно реализовавшись в социально ориентированной экономике послевоенной Германии, идейным вдохновителем которой был Л. Эрхард [2, с. 173].

Ожидаемо, что в качестве концептуальной основы трудов Л. Эрхарда выступили идеи М. Вебера, А. Смита, Ф. Хаека и других видных экономистов. Тем не менее примечательна здесь именно концепция Ф. Хайека, который видел в частной собственности свойства общественной полезности и ограничений субъективных прав ее владельца [3].

Концептуально же учение Л. Эрхарда зиждется на неолиберальной концепции Фрайбургской школы экономики, основанной в середине 1930-х гг. В его учении воплотились и воззрения В. Ойкена, Ф. Бема, В. Репке, А. Рюстова и др. с параллельным развитием собственного взгляда на сущность социальной государственности [4].

Стоит отметить, что центральной идеей программы Л. Эрхарда стала идея свободной конкурентной среды. Воплощение в жизнь идей указанного экономиста повлекло институциональную реорганизацию промышленности и создание нормативной базы, существенно ограничивающей монополизацию экономики. Для малого и среднего бизнеса были выстроены механизмы их поощрения, что активно повлияло на создание масштабной конкурентной среды. В сфере экспорта также были заметные сдвиги, а его стимулирование увеличило объем вывозимой за рубеж готовой продукции до 80% [2, с. 319].

Посредством закрепления в конституциях социальной ориентированности государства параллельно

с введением ряда гарантий социально-экономических прав и свобод личности по существу инициировалась правовая работа в направлении развития социального государства как правовой и экономической реальности. Юридические дефиниции социально-экономических прав и свобод личности из национального законодательства начинают дрейфовать в международное право, трансформировавшись, в частности, в Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и Европейскую социальную хартию 1996 г.

Иные тенденции в направлении нормативного закрепления социальной ориентированности государства демонстрирует англосаксонская правовая семья. По общему правилу в государствах, где господствует судебный прецедент, правами человека, в т.ч. и социально-экономическими, считаются лишь такие, которые можно защитить в суде через подачу конкретного иска. Однако ни один суд в мире не обладает возможностями дать, например, работу безработному, увеличить пособие социально незащищенному, поднять заработную плату работающему и т.п. [5, с. 50-57].

Сущность социального государства в современном его понимании заключается не только в социальной поддержке и стремлении к выравниванию доходов населения, но прежде всего в государственном регулировании свободного рынка и социально-арбитражном процессе под эгидой государства. Сам феномен государственного регулирования споров о праве присущ государству с древнейших времен, т.к. курирование социальной расстановки сил в обществе способствует пресечению безвластия и социального распада. Во времена кризиса в обществе указанная регулятивная деятельность государства приобретает особую актуальность, и провозглашение государства социальным детерминирует выполнение четырех важнейших функций в экономической и социальной сферах общества. Эти направления деятельности государства отображаются в организационной, регулятивной, контрольной и социально-арбитражной сферах в различных специфических формах [6, с. 249-259].

Ведя речь о государстве, провозгласившем себя социальным, необходимо понимать, что таковым может стать лишь экономически развитое государство с социально ориентированной экономикой, самодостаточное и обладающее механизмами социальной регуляции, направленной на борьбу с правовым неравенством в различных сферах, в т.ч. в аспекте гендерного неравенства. Простого механизма перераспределения доходов для достижения социально ориентированных целей недостаточно. В частности, эффект социальной ориентированности не будет достигнут, если нормативно закрепить высокие пособия безработным при низкой в целом производитель-

ности труда либо обязывать родителя обеспечить ребенка, с которым он не проживает после развода, жильем. В этих случаях ситуация только усугубится, и социальный кризис будет лишь вопросом времени [7, с. 45-48].

В плоскости практической реализации идей социальной ориентированности располагается проблематика имплементации такой политико-экономической и этико-правовой парадигмы, которая позволила бы четко совместить все лучшее, что есть в политике государственного патернализма и принципе социальной солидарности, которая не исключает социальную конкуренцию как экономический принцип. По нашему мнению, излишняя забота государства о благосостоянии граждан может привести к социально-экономическому паразитизму. Такую ситуацию в настоящее время демонстрируют развитые страны Европы (ФРГ, Швеция и др.) в связи с миграционным кризисом. В то же время политика перераспределения в рамках социальной ориентированной государственности может привести к тому, что «общественного пирога» будет недостаточно для всех желающих.

Стоит отметить, что социально ориентированная государственность – лишь один из признаков современного демократического и правового государства [8, с. 17-19]. Существование социального правового государства демонстрирует эволюционно новый тип государственности. Деятельность такого государства направлена на поддержание господства правовых, а не силовых форм управления, что в конечном итоге позволяет обеспечить достижение принципа формального равенства. Такой тип государства не антипод, но конкурент государству классического либерализма, где государство играет роль «ночного сторожа», не вмешиваясь в процессы свободного взаимодействия субъектов правоотношений. Стоит подчеркнуть, что если государство классического либерализма соответствует развитому индустриальному обществу, то социальное правовое государство – обществу постиндустриальному [9, с. 637].

Примечательно, что стремление обеспечить социальную государственность ориентирует государственные структуры на патерналистские начала в государственном управлении. С другой стороны, государственный патернализм инициирует социальное иждивенчество и пассивность гражданского общества. При патернализме государства индивид перестает опираться на собственные ресурсы, занимает выжидательную позицию в ситуации экономического кризиса, теряет инициативу, ожидая опеки государства. Все эти процессы, сопровождающие политику государственного патернализма, ослабляют государственность и лишают ресурсов наиболее деятельную часть налогоплательщиков. В этой связи В.А. Тишков отмечает, что «сильное и уверенное

в себе государство вызывает, поддерживает и охраняет частную инициативу граждан. Слабое государство и неуверенная в себе власть стараются выглядеть опекуном народа и поддерживают в нем смирение и безынициативность» [10, с. 9-10].

С другой стороны, анализируя классический либерализм, можно наблюдать его имманентную сущность, которая заключается в идеализировании государственного невмешательства в дела гражданского общества. Тем не менее XX столетие ярко продемонстрировало, что политика саморегуляции и пассивность государства в делах управления экономикой и свободным рынком не могут исправить многие социально-экономические проблемы населения [11, с. 24-30].

Стоит подчеркнуть, что государство своим рациональным регулированием способно предотвратить и сгладить вредное воздействие экономических и социальных кризисов, которые являются неизменными спутниками свободного рынка. Однако чрезмерное вмешательство государства в дела гражданского общества также может пагубно отразиться на экономике и внутренней политике страны. В связи с этим концепция неолиберализма утверждает необходимость государственного вмешательства, но в определенных рамках. Теория неолиберализма стоит на позициях того, что в ущерб свободе удовлетворять социально-экономические притязания слабых субъектов нецелесообразно и недопустимо, а экономические методы управления должны иметь приоритет над административными. Но самым основным постулатом неолиберализма выступает тезис о том, что обычная перераспределительная политика должна уступить место созданию условий для максимальной активности всех субъектов гражданского общества [12, с. 39-49].

В целом в современный период развивается ярко выраженная тенденция полагать национальное государство отжившим феноменом, а «прогрессивное мировое сообщество» явлением передовым и модернистским. Кроме того, параллельно осуществляется трансформация целого спектра основных направлений деятельности государства, часть из которых активно берут на себя крупный бизнес, международные структуры и самая деятельная часть гражданского общества. Примечательно, что в русле концепции «мировой государственности» существует также и политика протекционизма национальных государств в лице ООН и иных глобальных структур. В ситуации этих противоречивых тенденций национальное государство может сохраниться как реально существующий феномен лишь в случае поступательного развития в русле модернизации и инноваций, а также достижения социального доверия у населения [13, с. 9-19].

Стоит отметить, что значение и роль государства как механизма правовой реальности остаются значимыми, даже при осознании неизбежной модернизации государственного управления. В настоящее время большинство развитых государств может называться по-разному: либерально-правовыми демократиями, социальными государствами, сервисными государствами и т.д. Однако ясно одно, что именно государство, как бы оно не называлось, несет ответственность за уровень жизни и благосостояние граждан, которые проживают на его территории. Так, правовое государство дрейфует в сторону соблюдения норм международного права и общечеловеческих принципов правового регулирования, которые обретают императивную форму в пределах национальных границ. Социальное государство стремится обеспечить минимальный уровень жизни населения, которого было бы достаточно для физического и духовного развития граждан. Сервисное государство твердо стоит на позициях доминирования экономических методов управления над административно-командными. По нашему мнению, передовая государственность может стать таковой лишь при сочетании принципов правового и социального государства, при том что политика государственного патернализма должна быть признана отсталой и не соответствующей реалиям эпохи. По сути, если государство будет помогать только бедным и больным, то вскоре все общество будет заражено болезнями

и бедностью. Кроме того, успехи западной социальной государственности во многом зиждутся на практике жизни в долг, который они вряд ли когда-нибудь смогут отдать. В этой связи вбирать в себя западный передовой опыт построения социальной модели необходимо крайне осторожно.

В заключение необходимо отметить, что, анализируя современные тенденции в экономике, политике и праве, можно констатировать реализацию концепции общественного договора в мировых масштабах. В русле этого концептуального развития можно также констатировать то, что идеи Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо приобретают новые, глобальные очертания. Кроме того, современные тенденции развития государственности демонстрируют трансформацию функций государства и потребность передачи части государственного функционала мировому сообществу и гражданскому обществу. Тем не менее сама практика политики прогрессивного перераспределения нивелирует возможность реализации конкурентной борьбы, т.к. часто адресату государственной помощи просто выгодно находиться в положении нуждающегося. По сути, принцип социальной солидарности не должен противоречить принципу социального партнерства, а их удачное сочетание поможет победить социальное иждивенчество, которое обычно выступает следствием политики государственного патернализма, в который перерождается социальная государственность стран Западной Европы.

Список источников

1. Тлепина Ш.В. Концепция преобразования общества А. Менгера // Актуальные проблемы государства и права: сборник мат-лов научной конф-ции (26 января 2013 г.). Астана: ТОО «КазГЮУ Консалтинг», 2013. Вып. 1. 260 с.
2. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Дело, 2001. 332 с.
3. Hayek F.A. Individualismus und wirtschaftliche Ordnung. Erlenbach-Zuerich, 1952.
4. Ruestow A. Die Kehrseite des Wirtschaftswunders. Hamburg, 1961. 313 p.
5. Амельяков О.И. Законодательные гарантии конституционного права на жизнь в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 3 (98). С. 50-57.
6. Пролетенкова С.Е., Беликов А.П. О концептуальных основах обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 1 (96). С. 249-259.
7. Грошев С.Н. Социально-экономический статус мужчин в Российской Федерации // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (12). С. 45-48.
8. Шакенов М.А. Научная конструкция правового, социального, демократического государства // Право и государство. 2013. № 1 (58). С. 17-19.
9. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 832 с.
10. Современное государство: политико-правовые и экономические исследования / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2010. 282 с.
11. Шаламова А.Н. Реализация принципов социального государства в аспекте конституционно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2 (97). С. 24-30.

12. Шелегов Ю.В. О государственно-правовых механизмах ограничения прав человека // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 4 (99). С. 39-49.
13. Авдеева О.А., Авдеев В.А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 1 (100). С. 9-19.
14. Нуреев Р.М. Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). М.: КноРус, 2017. 709 с.
15. Lampert H. Die Wirtschafts- und Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland. München, 1990.

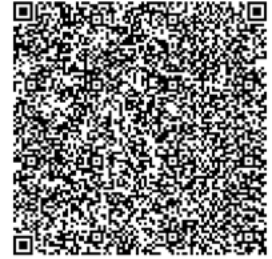
Информация об авторе

А.Н. Шаламова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.N. Shalamova – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Административное право и административный процесс

Научная статья
УДК 351.81

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УЧАСТИЯ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Вячеслав Михайлович Вагайцев

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, bacha1972@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные направления обеспечения безопасности дорожного движения в рамках решения задачи по снижению аварийности и смертности на российских дорогах. Указывается правовая регламентация деятельности по учету показателей безопасности дорожного движения. Рассматриваются примеры судебной практики и зарубежного опыта, касающиеся эксплуатации средств индивидуальной мобильности в процессе дорожного движения. Предлагается включение в нормативное регулирование средств индивидуальной мобильности путем внесения в раздел 1.2 ПДД РФ «Термины и понятия» такой позиции, как «ЭЛЕКТРОСАМОКАТ». Дополнительные требования к движению велосипедистов и водителей мопедов, установленные в ПДД, необходимо по аналогии применять для пользователей средств индивидуальной мобильности.

Ключевые слова: правила дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия, электросамокаты, средства индивидуальной мобильности, судебная практика, транспортные средства, источник повышенной опасности, правовая регламентация

Для цитирования: Вагайцев В.М. Вопросы совершенствования правовой регламентации участия в дорожном движении средств индивидуальной мобильности // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 53-58.

Original article

ISSUES OF IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF PARTICIPATION IN ROAD TRAFFIC OF PERSONAL MOBILITY DEVICES

Vyacheslav M. Vagajtsev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, bacha1972@mail.ru

Abstract. The article discusses certain areas of road safety, in the framework of solving the problem of reducing accidents and deaths on Russian roads. The author specifies legal regulation of activity on the account of road safety indicators. Examples of judicial practice concerning the operation of personal mobility devices in the process of road traffic are considered. It is proposed to include such a position as "electric scooter" in the regulatory of personal mobility devices introducing it into section 1.2 of the Highway Code of the Russian Federation «Terms and concepts». Additional requirements for the movement of cyclists and moped drivers established in the Highway Code of the Russian Federation should be applied by analogy to users of personal mobility devices.

Keywords: Highway Code, traffic accidents, electric scooters, personal mobility devices, judicial practice, vehicles, source of increased danger, legal regulation

For citation: Vagajtsev V.M. Issues of improvement of legal regulation of participation in road traffic of personal mobility devices. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2022;4:53-58 (In Russ.).

© Вагайцев В.М., 2022

Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 определены национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 г. Среди множества важнейших задач, направленных на прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие, увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, выделяется задача по снижению аварийности и смертности на российских дорогах. В рамках названной задачи планируется достижение следующих целевых показателей: снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) в 3,5 раза по сравнению с 2017 г. – до уровня, не превышающего четырех человек на 100 тыс. населения, к 2030 г. – стремление к нулевому уровню смертности.

В соответствии со ст. 9 «Организация государственного учета основных показателей состояния безопасности дорожного движения» Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [1] на территории Российской Федерации осуществляется государственный учет основных показателей состояния безопасности дорожного движения. Данный учет осуществляется на основании правил, утвержденных постановлением [2] Правительства Российской Федерации. К числу показателей состояния безопасности дорожного движения относится количество дорожно-транспортных происшествий, пострадавших в них граждан, транспортных средств, водителей транспортных средств.

Единый порядок учета дорожно-транспортных происшествий на всей территории Российской Федерации установлен Постановлением Правительства РФ от 19.09.2020 № 1502. В официальную статистику по ДТП включается информация только о ДТП с погибшими и пострадавшими, случившихся на автомобильных дорогах общего пользования. В данной статистике не отражается информация о ДТП, произошедших: на соревнованиях по автомобильному или мотоциклетному спорту; при чрезвычайных ситуациях и стихийных бедствиях; при выполнении технологических или производственных операций с использованием транспортных средств; в результате умышленных действий, посягающих на жизнь и здоровье граждан, имущество, или при попытке суицида; в результате падения пассажиров внутри движущихся пассажирских транспортных средств при отсутствии нарушений правил дорожного движения (далее – ПДД). Официальная статистика о ДТП формируется и ведется Министерством внутренних дел Российской Федерации, а именно Государственной инспекцией безопасности дорожного движения МВД России (далее – ГИБДД МВД России).

Порядок организации учета, сбора и анализа сведений о дорожно-транспортных происшествиях, контроля за полнотой и достоверностью этих сведений осуществляется на основании приказа МВД России [3].

Так, согласно государственной статистической отчетности, в Российской Федерации с 2007 по 2016 гг. в дорожно-транспортных происшествиях погибло 271 тыс. человек, 2,5 млн человек были ранены [4]. Данные цифры свидетельствуют о колоссальном социальном, материальном и демографическом ущербе экономике России и обществу в целом. Следует отметить, что усилия государства и общества, реализуемые системно, приносят свои результаты. Так, в 2016 г. произошло 173 694 ДТП, в которых пострадали 241 448 человек, 20 308 человек погибли. В 2021 году число указанных «страшных» последствий и ДТП снизилось до 133 331 (-23%), 14 874 погибших (-26%), 167 856 пострадавших (-30%) [5]. Однако указанная статистика по-прежнему крайне велика.

Кроме того, возникают и новые угрозы безопасности дорожного движения. Существующая реальность такова, что с приходом теплого времени года все чаще участниками ДТП становятся водители электросамокатов и других средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ). Так, по данным МВД России, с января по май 2021 г. в стране зарегистрировано 112 ДТП с участием средств индивидуальной мобильности [6], погибли два человека. В г. Барнауле в мае-июне 2021 г. зафиксировано 5 ДТП с участием электросамокатов с пострадавшими, среди которых были и дети [7].

Как справедливо утверждал Р.А. Брунер, «серьезную популярность в Российской Федерации в настоящее время набирает использование большой группы технических устройств, имеющих как одно, так и несколько колес, приводимых в движение обычно электродвигателем и предназначенных для перемещения в пространстве лишь лица, им управляющего» [8]. Многими пользователями средства индивидуальной мобильности рассматриваются не как обычное развлечение, а как весьма доступное средство, участвующее в дорожном движении.

К числу наиболее распространенных средств индивидуальной мобильности относится электросамокат. Электрический самокат – это современное транспортное средство, внешне электросамокат ничем не отличается от привычного и традиционного самоката, только приводится в движение электрическим мотором. Несущая рама – основная конструкция, на которой размещено все остальное оборудование. Чаще всего несущая рама изготавливается из алюминия и его сплавов, а также из карбона. Рулевая стойка

позволяет осуществлять управление самокатом с помощью правой и левой ручек.

Дека – это специальная платформа, которая крепится к несущей раме, на платформе располагается водитель самоката во время передвижения. Под декой находится отсек с аккумулятором и электроникой. Большая часть электросамокатов заднеприводные, т.е. заднее колесо является ведущим. Другие модели переднеприводные, а есть и полноприводные, у которых ведущие оба колеса. Ведущие колеса также бывают разных видов.

Первый тип – это мотор-колесо, когда электрический привод установлен в самом колесе; другой вид электросамокатов, когда ведущее колесо приводится в движение от электродвигателя, установленного на раме. Также колеса бывают разных диаметров – от 10,16 до 30,48 см. Размер колес измеряют в дюймах, т.е. диаметр колес электросамокатов бывает от 4 до 12 дюймов. Наиболее оптимальные модели электросамокатов с колесами около 8-10 дюймов. Такие аппараты подходят для передвижения как по ровной асфальтированной дороге, так и по грунту с неровностями.

В электросамокатах установлен дисковый или электрический тормоз. Электрический вариант позволяет произвести экстренное торможение. Дополнительно на электросамокат установлено заднее крыло, которое также можно использовать при торможении.

Контроллер управляет самокатом в зависимости от заданных команд: увеличивает или уменьшает скорость. Информация о работе двигателя выведена на специальный дисплей, который находится на рулевой стойке. Кроме всего перечисленного, разные модели самокатов могут быть оснащены амортизаторами, позволяющими регулировать плавный ход техники по неровной дороге, фарами и дополнительной подсветкой, катафотами. Некоторые модели оснащены сиденьями.

Мощность современных электросамокатов позволяет развивать скорость до 50 км/ч, что потенциально создает реальную угрозу жизни не только самим водителям таких транспортных средств, но и других участников дорожного движения.

К числу средств индивидуальной мобильности относятся также электроскейтборды (электроскейты), гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные устройства. Электроскейты представляют собой устройство, состоящее из платформы (доски) с колесами, приводимыми в движение от электродвигателя, управляемого от проводного или беспроводного пульта. По данным интернет-магазина Buzzboards.ru [9] максимальная скорость электроскейтов достигает 40 км/ч, а пробег на одном заряде аккумулятора – до 50 км. Гироскутер – это платфор-

ма на колесах, которые приводятся в движение с помощью электромотора, и управляется балансом тела человека. Гироскутеры для взрослых рассчитаны на максимальную скорость до 20 км/ч. Моноколесо – это небольшое средство передвижения с двумя педалями и одним колесом, вращаемым за счет электродвигателя. Имеющиеся в продаже в России моноколеса, по данным market.yandex.ru [10], достигают скорости 45 км/ч.

Таким образом, в настоящее время средства индивидуальной мобильности по своим скоростным характеристикам значительно превышают скорость движения пешехода, управление ими требует определенных навыков и осознания ответственности перед другими участниками дорожного движения.

Правоотношения, возникающие в процессе дорожного движения с участием средств индивидуальной мобильности, являются крайне актуальными. Соответственно, требуется решение определенных вопросов. Во-первых, к какой категории участников дорожного движения относятся лица, управляющие СИМ, каковы их права и обязанности. Во-вторых, следует решить вопрос о наделении лиц, управляющих СИМ, специальным правом на их управление. В-третьих, необходимо установление юридической ответственности для лиц, управляющих СИМ.

Помимо этого, не менее важным остается вопрос о законодательном урегулировании их движения по проезжей части, а также запретов, ограничений и условий разрешения передвижения с расширением прав должностных лиц, правомочных осуществлять федеральный государственный надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, в т.ч. применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

В настоящее время в КоАП РФ и Правилах дорожного движения РФ (далее – ПДД) [9] не определено правовое положение водителей и собственников электросамокатов, а также иных средств индивидуальной мобильности, а значит права, обязанности и запреты в части, касающейся их эксплуатации, не урегулированы. Согласно Решению Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 [11], исходя из приведенных характеристик, к числу транспортных средств, объектов технического регулирования средства индивидуальной мобильности также не относятся.

В судебной же практике лица, управляющие СИМ, зачастую приравниваются к пешеходам со ссылкой на п. 1.2 ПДД, где раскрывается понятие «пешеход» и уточняется, что к нему приравнивается лицо, использующее для передвижения самокаты,

роликовые коньки и аналогичные устройства. Приведем ряд примеров. Так, в Апелляционном определении Московского городского суда от 06.02.2020 по делу № 33-4787/2020 [6] «О взыскании утраченного заработка, компенсации морального вреда» говорится об обстоятельствах ДТП, в котором пострадал пешеход, двигавшийся на электросамокате. Из обстоятельств дела следует, что водитель автомобиля нарушил п. 8.3 ПДД РФ, а именно при совершении выезда с подземной стоянки не уступил дорогу ехавшему на электросамокате по тротуару гражданину, в результате ДТП пешеходу причинен вред здоровью средней тяжести. Действия водителя были квалифицированы по ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ.

Согласно Решению от 11 ноября 2020 г. № 7А-589/2020 по делу № 7А-589/2020 [12] Ставропольского краевого суда гражданин А. пытался оспорить свою виновность в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. Согласно материалам дела гражданин А. настаивал, что участником ДТП с несовершеннолетним З. (11 лет), передвигавшимся на электросамокате, не являлся и с места ДТП на принадлежащем ему автомобиле «Лада Приора» не скрывался, умысла на оставление места ДТП не имел.

В Решении от 3 декабря 2020 г. № 12-188/2020 по делу № 12-188/2020 Пензенского областного суда водитель автомобиля пытался обжаловать признание его виновным в совершении административного правонарушения по ч. 2 ст. 12.24. Из обстоятельств дела следует, что «12.07.2020 в 20.50 гражданин У., управляя автомобилем в нарушение пунктов 1.5, 14.1 ПДД РФ, не уступил дорогу пешеходу, пересекающему проезжую часть дороги по нерегулируемому пешеходному переходу на электросамокате, в результате чего допустил наезд на пешехода С., причинив ему вред здоровью средней тяжести». Исходя из позиции водителя, предотвратить ДТП у него не было возможности, т.к. пострадавшая двигалась на высокой скорости, превышающей скорость пешехода, потому как передвигалась на электросамокате. Указанная точка зрения водителя не лишена смысла, т.к. пешеход не может передвигаться со скоростью, сравнимой со скоростью электросамоката, соответственно, шансов избежать ДТП будет меньше. Вполне логично, что в такой ситуации важна и ответственность лица, управляющего СИМ, соблюдение им правил дорожного движения. Так, по мнению И.Л. Буровой, М.В. Рудова, электросамокат должен рассматриваться как «источник повышенной опасности», ввиду того что «приводимый в движение электрическим двигателем, он не может находиться под полным контролем человека» [13]. Такая точка зрения основана на разъяснениях Пленума Верховного Суда по смыслу статьи 1079 ГК РФ, где «источ-

ником повышенной опасности должна признаваться любая деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека» [14]. В Решении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 30.03.2022 № АКПИ22-66 отмечалось, что «в течение последних лет участились случаи использования лицами для передвижения средств индивидуальной мобильности (электросамокаты, моноколеса и тому подобные устройства), технические характеристики которых находятся в пределах пороговых значений для мопеда или мотоцикла и определяют высокую степень опасности причинения вреда жизни и здоровью граждан» [15].

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что следует признавать СИМ транспортным средством и источником повышенной опасности, включенным в дорожное движение. Прецеденты подобных решений уже присутствуют в судебной практике. Так, постановлением мирового судьи района Хамовники г. Москвы от 07.12.2018 гр. В. был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ за невыполнение водителем транспортного средства законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Согласно тексту постановления [16] электросамокат, исходя из имеющихся характеристик, был признан транспортным средством – мопедом.

Однако имеется и противоположная по смыслу позиция, отраженная в решении Шестого кассационного суда общей юрисдикции г. Казани Республики Татарстан. Согласно данному постановлению [17] гр. Г. был освобожден от административной ответственности по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ за управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами, ввиду того что в п. 1.2 ПДД термин «электросамокат» отсутствует, наличие специального права управления электросамокатом не предусмотрено. Для исключения данного правового пробела Министерством транспорта России еще в 2019 г. предлагался проект внесения изменений в постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» № 01/01/10-19/00096588 [18]. В проекте предлагалось введение нового участника дорожного движения – лица, использующего для передвижения средство индивидуальной мобильности. В настоящее время работа над проектом прекращена, общественное обсуждение по нему не ведется.

Рассматривая вопросы правовой регламентации использования средств индивидуальной мобильности за рубежом, можно отметить опыт ряда государств [19]. Например, в Германии и Швеции

нормативно устанавливаются ограничения на скоростные характеристики электросамокатов – не более 25 км/ч. В упомянутых государствах устанавливаются и возрастные требования к пользователям СИМ – не менее 14 лет. В Австрии для эксплуатации электросамокатов требуется обязательное заключение договора страхования. В Великобритании использование электросамокатов возможно только на специальных площадках или в пределах частной территории.

Таким образом, с учетом массовости таких участников дорожного движения, как пользователи средств индивидуальной мобильности, принимая во внимание опыт правовой регламентации зарубежных

государств, необходимо их включение в российское правовое поле.

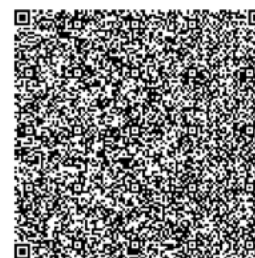
По нашему мнению, решение данного вопроса требует внесения в раздел 1.2 ПДД РФ «Термины и понятия» такой позиции, как «ЭЛЕКТРОСАМОКАТ, или СИМ, – средства индивидуальной мобильности», с разъяснением конструкции, мощности двигателей и иных характеристик. В свою очередь, дополнительные требования к движению велосипедистов и водителей мопедов можно по аналогии применять для пользователей средств индивидуальной мобильности, внося соответствующие изменения в нормативные правовые акты, прежде всего в Правила дорожного движения.

Список источников

1. О безопасности дорожного движения: федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ // Российская газета. 26 дек. 1995. № 245.
2. Об утверждении Правил государственного учета показателей состояния безопасности дорожного движения органами внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 06.08.1998 № 894. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об организации учета, сбора и анализа сведений о дорожно-транспортных происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 19.06.2015 № 699. Доступ из справ.-правовой системы «ЮРИСТ».
4. Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.01.2018).
5. URL: <http://stat.gibdd.ru/>.
6. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1015481592>.
7. Официальный сайт газеты «Московский комсомолец на Алтае». URL: <https://brl.mk.ru/incident/2021/06/11/pyat-dtp-s-uchastiem-elektrosamokatov-sluchilos-v-altayskom-krae-za-pyat-mesyacev.html?ysclid=15kt08ba dq981209131>.
8. Брунер Р.А. Проблемные вопросы юридической ответственности новых участников дорожного движения // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 34-37.
9. URL: <https://buzzboards.ru/shop/>.
10. URL: <https://market.yandex.ru/>.
11. О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств [Электронный ресурс]: решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/>.
13. Бурова И.Л., Рудов М.В. О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2. С. 84-93.
14. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими абзацев восемнадцатого, сорокового и пятьдесят восьмого пункта 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 [Электронный ресурс]: решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 30.03.2022 № АКПИ22-667. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Постановление Московского городского суда от 29 ноября 2019 г. № 4а-7610/2019. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1015499152>.
17. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 декабря 2020 г. № 16-7770/2020. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1015499229>.
18. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1015499389>.

19. Жукова Н.А., Сычев Н.П. К вопросу о правовом регулировании отношений, связанных с использованием электросамокатов // The Scientific Heritage 2021. № 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-regulirovanii-otnosheniy-svyazannyh-s-ispolzovaniem-elektrosamokatov?ysclid=15q8zkm7c8272325141>.

20. Официальный сайт канала РЕН ТВ. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/847291-mvd-kolichestvo-dtp-s-elektrosamokatami-vyroslo-na-195?ysclid=15669zcp4c592882597>.

Научная статья
УДК 159.9:343.9

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ЦЕНТРАХ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Елена Николаевна Курсакова¹, Людмила Владимировна Кузнецова²,
Наталья Юрьевна Варгасова³, Ольга Николаевна Соснина⁴

^{1, 2, 3} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ en-kursakova@yandex.ru

² mikalv_09@mail.ru

³ vargasova.natalya@mail.ru

⁴ Отдел полиции «Восточный» МУ МВД России «Бийское», Бийск, Россия, olgatogul@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей работы с несовершеннолетними, находящимися в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел Российской Федерации. Актуальность статьи предопределена тем, что, несмотря на разработку и реализацию в регионах России, в т.ч. и в Алтайском крае, государственных программ, направленных на профилактику преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних, наблюдается увеличение количества общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними правонарушителями. Наряду с увеличившимся количеством подготовленных территориальными органами внутренних дел административных исков о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП, остается значительным процент неудовлетворенных административных исков, что вызвано, скорее всего, стереотипным представлением судей о ЦВСНП как месте лишения свободы подростка.

Отмечено, что несовершеннолетние, состоящие на учете, чаще всего имеют устойчивое противоправное поведение, скорректировать которое возможно только при применении психолого-медико-педагогической реабилитации и специального педагогического подхода.

Ключевые слова: центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, воспитательная работа, социально-педагогическая работа, воспитательно-профилактическая работа, эстетическое воспитание, духовно-нравственное воспитание, индивидуальная профилактическая работа, несовершеннолетние

Благодарности: авторский коллектив выражает огромную благодарность сотрудникам ЦВСНП ГУ МВД России по Алтайскому краю, Красноярскому краю, Кемеровской области, ЦВСНП УМВД России по Амурской области, Хабаровскому краю, Омской области за предоставленный материал по теме исследования.

Для цитирования: Курсакова Е.Н., Кузнецова Л.В., Варгасова Н.Ю., Соснина О.Н. Отдельные особенности организации работы с несовершеннолетними, находящимися в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 59-67.

Original article

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK WITH MINORS HELD IN TEMPORARY DETENTION CENTERS FOR JUVENILE OFFENDERS

*Elena N. Kursakova*¹, *Ljudmila V. Kuznetsova*², *Nalalja Yu. Vargasova*³, *Olga N. Sosnina*⁴

^{1, 2, 3} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ en-kursakova@yandex.ru

² mikalv_09@mail.ru

³ vargasova.natalya@mail.ru

⁴ Police Department «Vostochnyi» of the municipal district «Biyskoe», Biysk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of work with minors held in reception centres for juvenile offenders of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The relevance of the article is predetermined by the fact that despite the development and implementation in the regions of Russia, including the Altai Territory, of state programs aimed at preventing crimes and other offenses of minors, there is an increase in the number of socially dangerous acts committed by juvenile offenders. Despite the fact that the number of administrative claims issued by police officers of the Altai Territory on sending minors to reception centres for juvenile offenders has increased, the pending claims percentage is still high, which is determined most likely by the judges' stereotyped perception of a reception centre for juvenile offenders as a place of a teenager's deprivation of liberty.

It is noted that teenagers who are registered, most often, have stable illegal behavior, which can be corrected only with the use of psychological, medical and pedagogical rehabilitation and a special pedagogical approach.

Keywords: reception centres for juvenile offenders, educational work, socio-pedagogical work, educational and preventive work, aesthetic and spiritual and moral education, individual preventive work, minors

Acknowledgments: the authors team would like to express their deep gratitude to the staff of the reception centres for juvenile offenders of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory, the Krasnoyarsk Territory, the Kemerovo Region, the reception centres for juvenile offenders of Regional Office of the Ministry of Internal Affairs for the Amur Region, the Khabarovsk Territory, and the Omsk Region for providing material on the research topic.

For citation: Kursakova E.N., Kuznetsova L.V., Vargasova N.Yu., Sosnina O.N. Features of the organization of educational work with minors held in reception centres for juvenile offenders. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:59-67 (In Russ.).

На современном этапе развития российского общества забота о воспитании молодежи, в особенности несовершеннолетних, рассматривается как конституционная обязанность всех граждан, государственных органов и общественных организаций. В Алтайском крае разработаны и реализуются государственные программы, направленные на профилактику преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних [1, 2, 3].

Министерством внутренних дел Российской Федерации осуществляется комплекс мер по предупреждению беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов. За 5 месяцев 2022 г. сотрудниками территориальных органов внутренних дел Алтайского края предпринят широкий комплекс мер по профилактике подростковой преступности. За время нахождения несовершеннолетнего на учете профилактическая работа с ним проводится всеми службами ОВД (подразделением по делам несовершеннолетних, участковыми уполномоченными полиции, уголовным розыском). Несовершеннолетний проверяется ежемесячно по месту жительства, в т.ч. в период проведения операций; по месту занятости; с ним проводятся беседы профилактического характера, направленные на корректировку противоправного поведения, в т.ч. по разъяснению ответственности за совершение правонарушений и преступлений; осуществляется проверка с целью выяснения жилищно-бытовых условий; проводятся беседы с родителями на правовые и иные темы. В большинстве своем профилактические меры органов системы профилактики нацелены на 14-17-летних несовершеннолетних, предполагая, что подростки младших возрастов отличаются правопослушным поведением. Вместе с тем статистика свидетельствует о том, что несовершеннолетние младших возрастов совершают практически такое же количество преступлений. Анализ статистической информации о совершенных преступлениях за 5 месяцев 2022 г. показывает, что на территории края 234 несовершеннолетними, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности, совершено 186 общественно опасных деяний (далее – ООД) (что на 15,4% выше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), связанных с хищением, повреждением или уничтожением чужого имущества, незаконным проникновением в жилище, причинением вреда здоровью, против половой неприкосновенности и в сфере незаконного оборота наркотиков.

Несмотря на профилактические мероприятия, в Алтайском крае за 5 месяцев 2022 г. на учет в подразделения по делам несовершеннолетних за совершение ООД поставлено 212 несовершеннолетних (что на 34,2% выше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года).

В целях профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними и в их отношении, полиция использует возможности специализированных учреждений для несовершеннолетних, в т.ч. центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ЦВСНП). Последние созданы в структуре территориальных органов МВД России и предназначены для круглосуточного приема и временного содержания несовершеннолетних. С целью недопустимости совершения подростком повторного общественно опасного деяния согласно подп. 4 п. 2 ст. 22 Федерального закона Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» сотрудники полиции собирают материал и готовят административное исковое заявление в суд о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП.

Несмотря на то что в рассматриваемый период сотрудниками полиции Алтайского края вынесено достаточно большое число заключений (рапортов) о нецелесообразности направления ходатайства о помещении несовершеннолетнего, совершившего ООД, в ЦВСНП (всего 113, из которых 111 заключений в отношении несовершеннолетних, ранее не состоящих на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних), в целом в 2022 г. произошел значительный рост количества несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП ГУ МВД России по Алтайскому краю. За 5 месяцев 2022 г. в ЦВСНП помещены 64 подростка (в 2021 г. – 44); за 6 месяцев 2022 г. – 81 подросток (в 2021 г. – 57), из них направлены в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (далее – СУВУЗТ) 12 (в 2021 г. – 8), в отношении 2 из них применена ч. 2 ст. 92 УК РФ (в 2021 г. – 4). За указанный период в центр помещены 2 подростка из числа ранее содержавшихся (в 2021 г. – 3).

Однако, наряду с увеличившимся количеством подготовленных территориальными органами внутренних дел административных исков о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП, остается значительным процент неудовлетворенных административных исков. Всего за 6 месяцев 2022 г. в судах рассмотрено 109 исков, 86 удовлетворено, в 23 случаях отказано. Причинами отказов в удовлетворении административных исков чаще всего является мнение судей о том, что помещение подростка в ЦВСНП – это крайняя мера, а данное учреждение необоснованно приравнивается к местам лишения свободы. Кроме того, считается, что помещение подростка в ЦВСНП ограничивает его конституционные права (право на свободу).

Однако, как правило, данные подростки имеют устойчивое противоправное поведение, скорректи-

ровать которое возможно только при психолого-медико-педагогической реабилитации и специального педагогического подхода. Несвоевременное помещение такого подростка в ЦВСНП и СУВУЗТ влечет за собой увеличение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними.

В 2021 году коллективом кафедры психологии и педагогики в органах внутренних дел БЮИ МВД России совместно с ЦВСНП ГУ по Алтайскому краю по заказу ГУОООП МВД России проведено научное исследование по теме «Особенности организации психологической работы с отдельными категориями несовершеннолетних, содержащихся в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях». В рамках данного исследования был обобщен и проанализирован опыт более десяти ЦВСНП (из Владимира, Волгограда, Воронежа, Красноярска, Курска, Новосибирска, Хабаровска и др.) по особенностям организации не только психологической, но и социально-педагогической (воспитательной) работы с несовершеннолетними. Последний вид работы и стал предметом исследования данной статьи.

Деятельность ЦВСНП регламентируется Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Приказом МВД России от 01.09.2012 № 839 «О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей» [4, 5]. Кроме того, ЦВСНП в своей деятельности руководствуются Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Приказом МВД России от 09.04.2013 № 198 «Об утверждении Перечня должностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных выносить постановление о помещении несовершеннолетних на срок до 48 часов в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел», а также иными нормативными правовыми актами МВД России и территориальных органов МВД России на региональном (районном) уровне.

В соответствии с Методическими рекомендациями по организации образовательного процесса, воспитательной и психологической работы в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, подготовленными в 2014 г. ГУОООП МВД России, в отношении детей, срок содержания которых в ЦВСНП превышает 7 дней, рекомендуется составлять план индивидуальной профилактической работы (далее – ИПР). ИПР с несовершеннолетними осуществляется с учетом возраста, поведения, общественной опасности ранее

совершенных правонарушений, а также других обстоятельств, имеющих значение для применения эффективных мер профилактического воздействия, и проводится в течение всего времени нахождения подростка в ЦВСНП. Одним из основных условий ее эффективности является разнообразие и гибкое применение всех методов воспитательного воздействия (убеждения, принуждения, доверия). Основной акцент в работе ставится на открытии и развитии внутренних ресурсов несовершеннолетнего, преодолении кризисных и стрессовых ситуаций, оптимизации межличностных взаимоотношений.

Воспитательно-профилактическая работа, включающая в себя практические мероприятия, направленные на предупреждение совершения повторных противоправных деяний (в т.ч. повышение уровня правовой информированности), формирование позитивного отношения к учебе, устранение недостатков характера и развитие положительных качеств личности, привитие морально-нравственных норм и принципов, переосмысление характера взаимоотношений с окружающими, выяснение и корректировку в случае необходимости актуальных жизненных целей и планов, реализуется в разных формах: индивидуальные и коллективные беседы, мероприятия, приуроченные к праздничным датам, разнообразные тематические акции, индивидуальные и групповые тренинги. В целом воспитательный процесс осуществляется по следующим направлениям: правовое, гражданско-патриотическое, общественно-познавательное, художественно-эстетическое, духовно-нравственное и спортивно-оздоровительное.

Для овладения основами правовых знаний и повышения уровня правосознания подростки в форме лекций, диспутов, ролевых игр не только знакомятся с правовыми понятиями, но и учатся оценивать себя и свои деяния, отличать проступок от правонарушения. При проведении мероприятий по правовому воспитанию, например, в ЦВСНП УМВД России по Амурской области изучаются такие темы, как «Ответственность за употребление алкоголя и наркотических средств», «Права ребенка на отдых, досуг и культурную жизнь», «Твоя воинская обязанность», «Статья 167 УК РФ "Умышленное уничтожение или повреждение имущества"», «Порядок и условия наказания в воспитательных колониях», «Кодекс Амурской области об административных правонарушениях» и др. В ЦВСНП ГУ МВД России по Красноярскому краю предусмотрено участие подростков в мероприятиях, организованных в форме ролевых игр, конференций, импровизированных судебных заседаний и т.д. Они позволяют детям в доступной форме усваивать сложный материал таких тем, как: «Семья – основа общества (правовые и социальные аспекты)», «Подросток и закон», «Преступления

и уголовная ответственность за их совершение», «Особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания», «Суд природы над человеком», «Суд над наркотиками».

В план работы всех ЦВСНП включено участие детей в мероприятиях, направленных на формирование у них патриотизма и любви к своей малой родине. В центрах подростки знакомятся с политическим устройством и Конституцией Российской Федерации, историей страны и своих регионов. В ЦВСНП УМВД России по Амурской области, например, в целях развития патриотизма проводятся беседы на темы: «Блокада Ленинграда», «Сталинград», «День российской науки», «День памяти воинов-интернационалистов», «День моряка-подводника в России», «Я гражданин Российской Федерации», «День воинской славы России»; в ЦВСНП ГУ МВД России по Кемеровской области – праздничные мероприятия: «Наша столица», «О них слагают легенды», «Колесо истории»; часы истории: «Я родом из Кузбасса», «Недаром помнит вся Россия», «Дети военной поры», «О подвигах, о доблести, о славе!»; уроки патриотического воспитания: «Твоя воинская обязанность», «Юные герои России», «Он первый – день космонавтики», «Через века, через года – помните!» и др. В ЦВСНП УМВД России по Омской области мероприятия героико-патриотической направленности, приуроченные к дням воинской славы России, проводятся при активном участии ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., ветеранов боевых действий в Северо-Кавказском регионе, в Республике Афганистан, представителей областного военного комиссариата, омского отдельного казачьего общества.

Для наглядности психолого-педагогического сопровождения воспитательно-профилактической работы можно привести пример из опыта ЦВСНП УМВД России по Хабаровскому краю: подавляющее большинство подростков, поступающих в ЦВСНП, не знают, что такое настоящее воспитание и любовь отца. При этом, по мнению сотрудников указанного ЦВСНП, воспитатели-мужчины не должны играть роль пап, они должны стать образцом во внешнем виде, в умении общаться, в готовности помочь. Сотрудники ЦВСНП, беседуя с подростками о героическом прошлом и настоящем нашей страны, рассказывая о подвигах ее защитников, приводя примеры из личного опыта срочной службы в армии и полиции, прививают ребятам качества настоящих мужчин: мужественность, смелость, выносливость, готовность прийти на помощь, заступиться за слабого. Возвращаясь домой из указанного ЦВСНП, подростки пишут многочисленные письма со словами благодарности воспитателям. Немаловажный итог такой работы заключается в том, что через общение подростков

правонарушителей с сотрудниками ЦВСНП меняется в лучшую сторону их отношение к сотрудникам полиции.

Для эстетического и духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних большое значение имеет их участие в мероприятиях, посвященных Дню знаний, Новому году, Международному дню защиты детей и т.д. Такая форма воспитательной работы развивает у подростков творческие способности, инициативность, самостоятельность, а также чувство уверенности в себе.

При проведении бесед духовно-нравственного характера в ЦВСНП УМВД России по Амурской области, например, разбираются такие темы, как «История праздника "Рождество Христово"», «Толерантность – путь к миру», «Словарь вежливых слов», «Сретение Господне», «Икона Божьей Матери, именуемая "Утоли моя печали"», «Что такое любовь?», «Как зависть душу разъедает», «Прощеное воскресенье» и др. В ЦВСНП УМВД России по Омской области еженедельно на протяжении более 10 лет катехизатором Омской епархии Русской православной церкви проводятся занятия «Православной школы» по духовно-нравственному воспитанию подростков. В ходе таких занятий в адаптированной для подростков форме пропагандируются ценности семьи, здорового образа жизни, культивируется потребность в изучении истории своей страны, сохранении лучших традиций общества. Все это способствует снижению уровня агрессивности, напряженности в подростковой среде, конфликтности в семье.

В ЦВСНП ГУ МВД России по Алтайскому краю продолжительное время также сохраняется тесная связь с Русской православной церковью и Алтайской духовной семинарией, слушатели и преподаватели которой еженедельно посещают центр, проводят уроки православия, знакомят воспитанников с историей христианства, духовными ценностями русской культуры, религиозными традициями. При их участии организовываются и проводятся православные праздники, по окончании мероприятия детям дарятся подарки, книги, сладости. В 2008 году на территории центра возведена часовня в честь иконы Божьей матери «Умягчение злых сердец», посещение которой вызывает у детей особый трепет. По желанию детей и согласованию с родителями в часовне совершаются обряды крещения представителями Барнаульской Епархии. Духовность, безусловно, остается одним из значимых аспектов в деле воспитания подрастающего поколения в условиях современного мира.

Также заслуживает особого внимания опыт ЦВСНП ГУ МВД России по Алтайскому краю по проведению мероприятий челночной восстановительной медиации между несовершеннолетними правонарушителями, находящимися в центре, и по-

страдавшими от их действий под условным названием «Письмо обидчика потерпевшему о заглаживании вреда». Проведение восстановительных технологий реализуется в указанном центре с июня 2021 г. Для подростка-правонарушителя возможность совершить действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением, особенно важна, т.к. это возвращает его в активную позицию по отношению к ситуации, когда он сам может что-то предпринять для ее исправления. Данная методика медиации направлена в первую очередь на профилактику первичных и повторных правонарушений несовершеннолетних; социализацию несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, воспитание чувства ответственности, оказание им помощи в осознании и раскаянии за свое противоправное деяние и поиске выхода из конфликтных ситуаций. Проведение челночной медиации заставляет несовершеннолетних еще раз обдумать причины и последствия их поступков, влияние такого поведения на их дальнейшую жизнь, а потерпевшей стороне помогает понять подростков, перевернуть страницу, возможно, простить и таким образом содействовать восстановлению разрушенных обидой отношений между пострадавшим, правонарушителем и другими людьми в местном сообществе.

Также эффективной формой реализации комплекса воспитательно-профилактической работы в ЦВСНП ГУ МВД России по Красноярскому краю стала организация циклов тематических занятий: «Они сражались за Родину», «Мой родной Красноярский край», «Наш земляк – В.И. Суриков» и т.д. Их проведение позволяет всесторонне и системно излагать изучаемый материал, дает возможность подросткам самим активно участвовать во всех мероприятиях. Подростки вовлекаются в различные диспуты на тему «Умение признать свои ошибки – проявление силы или слабости характера?», «Зачем необходимо образование?». Активно используются викторины – вид игры, в ходе которой несовершеннолетние, отвечая на вопросы различной тематики и уровня сложности, расширяют свой кругозор: «Своя игра», «Правила дорожного движения». Все мероприятия носят исключительно практический характер. Результатом проведения мероприятий любой тематической направленности становятся не только приобретенные несовершеннолетними знания, но и формирование у них навыков совместной познавательной деятельности, стимулирование потребности в дальнейшем личностном росте и развитии.

В ЦВСНП УМВД России по Амурской области проводятся «Уроки труда» в форме рисования цветными карандашами и красками на темы: «Зимние забавы», «Встречаем крылатых друзей», «Букет для мамы», «День Победы», «Аквариум», «Каникулы»;

пластилиновой живописи: «Котенок по имени Гав», поделок из бросового материала «Гнездо»; аппликации (пластилин): «Подводная лодка»; рисунков акварелью «Сафари»; пальчикового рисования; а также «Всемирный день спасибо», «День дворовых игр».

В ЦВСНП ГУ МВД России по Кемеровской области организуют диспуты «Честное слово», «Зеркальное отражение. Как тебя видят другие», «Учимся прощать», «Чуткость и равнодушие», «Размышление о жизненном опыте», тренинги с использованием репродуктивных, поисковых упражнений «Нечаянно или нарочно», «Влияние моей семьи на меня», «Совесть – нравственное мерило человека», «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», брей-ринг «Хочу все знать», «Добро не лихо, ходит тихо», «В поисках сознания», «Джентельмены удачи», групповые игры: «Отношения между поколениями», «Недостатки человека: причины и последствия», «Портрет моей будущей семьи», «Корабль», «Поводырь», «Болото», «Что говорят за спиной?», видеоуроки «Понять или простить», «Мой самый близкий человек», устные журналы «Совесть – нравственное мерило человека», «Красота души человека», «Бумеранг».

В ЦВСНП УМВД России по Омской области ежедневно проводятся занятия по развитию творческих способностей, в ходе которых несовершеннолетние изготавливают декоративно-прикладные работы различного вида и техник, из которых оформляются выставки различной тематики: «Рождественская сказка», «Аты-баты, шли солдаты», «Женщина – радость, женщина – свет», «Весенняя капель», «Чудесный праздник – Пасха!», «День космонавтики», «Мы помним, мы гордимся», «День сотрудника ЦВСНП», «Мир глазами детей», «Люди долга и отваги», «Семья – единство помыслов и дел», «Всероссийский день семьи, любви и верности», «Я люблю Омск», «Имею право, но обязан!», «Здравствуй, школа!», «Унылая пора! Очей очарованье!», «Полиция спешит на помощь», «Мама! Милая моя!», «Права человека глазами ребенка», «Закон обо мне, мне о законе», «Мастерская Деда Мороза», «Новогодний вернисаж». Цель подобных занятий состоит не только в развитии кругозора, познавательной деятельности воспитанников с учетом их возрастных особенностей, склонностей, увлечений, но также в углублении знаний о формах и способах проявления милосердия, эмоционального содействия окружающим.

Эффективным показало себя обсуждение с несовершеннолетними правонарушителями прочитанных по рекомендации психологов литературных произведений, а также художественных и документальных фильмов («Кто, если не мы?», «Чучело», «Уроки французского», «Я и мое время» и др.). В ЦВСНП ГУ МВД России по Кемеровской области реабилитация ценностной системы воспитанников осуществляет-

ся посредством чтения и анализа таких текстов, как рассказы Л.Н. Толстого «Два товарища», В.А. Сухомлинского «Красивые слова и красивые дела», Л.М. Шипицына «Азбука общения», И. Серякова «Ученый дружок», сказка «Зимовье зверей».

Задачи по расширению кругозора подростков, содержащихся в ЦВСНП УМВД России по Омской области, их познавательной активности, привитию потребности к чтению художественной литературы решаются в ходе еженедельного проведения методистами детских библиотек г. Омска им. О. Кошевого и «Книжная галактика» познавательных мероприятий на базе библиотеки ЦВСНП, фонд которой составляет более 1200 книг. Одной из форм проведения воспитательной работы с детьми в ЦВСНП ГУ МВД России по Красноярскому краю стала самостоятельная подготовка подростками докладов, разнообразных памяток и сочинений («Есть такая профессия – Родину защищать», «Знаменитые земляки-красноярцы», «Десять причин, чтобы бросить курить», «Что я изменил бы в своей жизни»).

Особый вклад в процесс воспитания несовершеннолетних вносит посещение детьми экскурсий. В ЦВСНП УМВД России по Омской области осуществляются выезды несовершеннолетних в музейные комплексы воинской славы с проведением ритуалов возложения цветов к Вечному огню, в храмы и монастыри, проводятся различные познавательные экскурсии. В ЦВСНП ГУ МВД России по Красноярскому краю такая форма проведения занятий, как экскурсия, синтезирует в себе несколько направлений воспитательной работы:

- развитие познавательной сферы и нравственно-эстетических основ у несовершеннолетних (парк флоры и фауны «Роев ручей», литературный музей им. В.П. Астафьева, выставка «Физика вокруг нас»);

- приобщение подростков к культурно-историческим ценностям страны и родного края, формирование у них патриотизма (исторический музей «Мемориал Победы», Народный музей ГУ МВД России по Красноярскому краю, дом-усадьба В.И. Сурикова, краеведческий музей, обзорная экскурсия по историческим местам г. Красноярска, дом-музей В.П. Астафьева и Красноярская гидроэлектростанция);

- профориентация и формирование уважительного отношения к людям разных профессий (музей леса, геологии, связи, пожарной техники, Красноярской железной дороги, СибЮИ МВД России, командного речного училища).

Формированию волевых качеств у несовершеннолетних способствует организация спортивно-оздоровительной работы. С этой целью, например, в ЦВСНП ГУ МВД России по Красноярскому краю функционирует спортивный и тренажерный залы, бассейн; в ЦВСНП УМВД России по Хабаровскому

краю постоянно организуются спортивные праздники, командные соревнования, эстафеты; в ЦВСНП УМВД России по Амурской области проводится ежедневная утренняя зарядка, прогулки на свежем воздухе, подвижные игры.

Во всех центрах регулярно проводятся профилактические акции, призванные способствовать усвоению ценностей здорового образа жизни, профилактике вредных привычек. Так, например, в ЦВСНП УМВД России по Хабаровскому краю акция «От вредных привычек откажись – выбери достойную жизнь» направлена на профилактику наркомании, алкоголизма, табакокурения. Акция «Неделя психологии», «Неделя вежливости» направлена на обучение несовершеннолетних чуткому отношению друг к другу, умению разрешать адекватно конфликтные ситуации. При проведении санитарно-просветительской работы в ЦВСНП УМВД России по Амурской области организуются дни здоровья и беседы на темы: «Здоровое сердце», «Скажем наркотикам – НЕТ», «Личная гигиена – залог здоровья», «Береги зрение с детства», «День укрепления здоровья». Проводимые беседы в игровой форме помогают подросткам изучать предложенный материал, вырабатывают навыки отказа от вредных привычек, позволяют формировать у них мотивацию к здоровому образу жизни и занятиям физической культурой как альтернативу асоциальному поведению.

В целях повышения эффективности индивидуальной профилактической работы организовано взаимодействие ЦВСНП с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В ЦВСНП УМВД России по Хабаровскому краю, например, сотрудничают с такими организациями, как: Хабаровское линейное управление МВД России на транспорте; КГБУЗ «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями» Министерства здравоохранения Хабаровского края; Краевая библиотека им. Н.Д. Наволочкина; Хабаровский краевой музей им. Н. Гродекова; Дальневосточный художественный музей; Центральная городская детская библиотека им. А. Гайдара; негосударственное учреждение дополнительного образования «Центр военно-патриотического воспитания "Взлёт"» и др.; в ЦВСНП УМВД России по Амурской области – с организациями библиотечной и музейной сети г. Свободный, РПЦ, центрами занятости и социальной защиты населения, органами опеки, сотрудниками и членами общественного совета при МО МВД России «Свободненский», военным комиссариатом г. Свободный и др. В ЦВСНП УМВД России по Омской области к совместной подготовке и участию в праздничных концертах, посвященных основным государственным праздникам, обязательно привлекают воспитанников дополнительных об-

разовательных учреждений г. Омска: «Детская школа искусств № 17», «Центр детского творчества «Созвездие», бюджетное учреждение г. Омска «Омский молодежный многофункциональный центр».

Таким образом, анализ воспитательно-профилактической работы, проводимой в ЦВСНП, показал, что данному направлению отводится большое внимание. С несовершеннолетними правонарушителями, содержащимися в центрах, специалисты проводят занятия правовой, ценностно ориентированной, общественно-познавательной, художественно-творческой, духовно-нравственной, санитарно-гигиенической тематики. Формы проведения занятий с несовершеннолетними очень разнообразны: тематические беседы, диспуты, викторины, конкурсы, творческие мастерские, коммуникативно-тренинговые занятия, спортивные соревнования, праздничные и тематические мероприятия. Применяемые сотрудниками центров формы и методы работы с воспитанниками направлены на преодоление их социальной исключенности и способствуют реабилитации и интеграции в общество.

С целью повышения уровня этического, гражданско-патриотического, культурно-эстетического развития несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП, воспитательный процесс осуществляется с привлечением специалистов медицинских учреждений, учреждений культуры, дополнительного образования, социальных служб, представителей общественных и религиозных объединений, сотрудников подразделений органов внутренних дел России.

Однако при организации и проведении индивидуальной и групповой воспитательно-профилактической работы с несовершеннолетними, содержащимися в ЦВСНП, а также их родителями могут возникать проблемы, снижающие её эффективность. Сами сотрудники ЦВСНП выделили следующие трудности профилактической коррекционно-реабилитационной деятельности:

1) в процессе взаимодействия с родителями возникают трудности принятия и осознания родителями наличия проблем в поведении ребенка, а также собственной неконструктивности в методах и приемах воспитания; отсутствие желания что-либо предпринимать для изменения девиантного поведения подростка и брать на себя ответственность по изменению внутрисемейных отношений, установлению доброжелательного и доверительного общения с подростком;

2) актуальна проблема родительской некомпетентности, инфантильности, которая способствует перекалыванию воспитания собственного ребенка на органы и учреждения системы профилактики;

3) затруднением в организации индивидуальной и групповой профилактической работы с несовершеннолетними является разница в возрасте между подростками, пагубное и долговременное влияние окружения на подростка, а также увеличение числа подростков с психиатрическими диагнозами, состоящих на учете у детского врача-психиатра. При этом возникают трудности и необходимость особого подхода к выбору форм и методов работы с такой категорией как у воспитателей, так и у психологов ЦВСНП;

4) отсутствие у некоторых воспитателей ЦВСНП педагогической или психологической профессиональной подготовки.

Кроме того, ко всему вышеперечисленному можно добавить ограниченность пространства, сужение социальной активности несовершеннолетнего, временные рамки сроков содержания подростка (30 суток). Безусловно, все сложности профилактической коррекционно-реабилитационной деятельности требуют комплексного и компетентного решения.

Таким образом, можно сделать вывод, что качественно организованная воспитательная работа, проводимая в ЦВСНП, одновременно с психолого-педагогической профилактической работой вполне может иметь позитивные результаты и привести к снижению количества помещенных повторно за вновь совершенные правонарушения. В силу семейных обстоятельств, своих психологических особенностей воспитуемые, помещенные в ЦВСНП, часто имеют единственную возможность получить и расширить правовые знания, художественные, эстетические, духовно-нравственные и патриотические представления только в подобном закрытом учреждении. Осуществление воспитательного процесса в ЦВСНП стимулирует познавательную деятельность подростка, расширяет его мировоззрение. Желание сотрудников ЦВСНП вникнуть в проблемы воспитанника, увидеть в подростке не преступника, а человека, способного оценить и изменить свои поступки, способствует положительному формированию личности подростков.

Поэтому судьи, принимая решение о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП, имеют возможность более широко использовать положительный воспитательный и педагогический потенциал данных учреждений.

Список источников

1. Об утверждении программы «Профилактика преступлений и иных правонарушений на территории городского округа – города Барнаула Алтайского края на 2021-2025 годы» [Электронный ресурс]: постановление АК от 13.05.2021 № 686 // Правовой портал администрации г. Барнаула. URL: <https://law-portal22.ru/pravovye-akty-administratsii-goroda-barnaula/postanovlenie-ot-13-05-2021-686-ob-utverzhdenii-programmy-profilaktika-prestupleniy-i-inykh-pravonar/>.

2. Государственная программа Алтайского края «Обеспечение прав граждан и их безопасности» на 2015-2020 годы. URL: <http://inform22.ru/about/project/gosudarstvennaya-programmy-altayskogo-kraja-obespechenie-prav-grazhdan-i-ikh-bezopasnosti-na-2015-20/>.

3. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в Алтайском крае»: постановление правительства Алтайского края от 19 августа 2020 г. № 357. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 01.09.2012 № 839. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторах

Е.Н. Курсакова – кандидат исторических наук, доцент;

Л.В. Кузнецова – доктор педагогических наук, профессор.

Information about the authors

E.N. Kursakova – Candidate of Science (History), Associate Professor;

L.V. Kuznetsova – Doctor of Science (Pedagogy), Professor.

Научная статья
УДК 342.951:351.74

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ЛИЦАМИ, ЗАДЕРЖАННЫМИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОТРЕБЛЕНИЕМ НАРКОТИКОВ

Анна Олеговна Левенко¹, Александр Иванович Щеглов²

¹ УНК ГУ МВД России по Алтайскому краю, Барнаул, Россия, alevenko@mvd.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, sanja-2015@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы деятельности полиции в части осуществления контроля за лицами, задержанными за совершение административных правонарушений, связанных с потреблением наркотиков, обозначаются имеющиеся недостатки в организации работы. Авторы статьи предлагают внести дополнения в приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 в части расширения перечня лиц, подлежащих постановке на профилактический учет на обслуживаемом административном участке, и передать функции контроля за рассматриваемой категорией лиц участковым уполномоченным полиции.

Ключевые слова: контроль, полиция, участковый уполномоченный полиции, потребитель наркотиков, потребление наркотиков без назначения врача, наркоконтроль, больной наркоманией, административное правонарушение

Для цитирования: Левенко А.О., Щеглов А.И. О совершенствовании деятельности полиции по контролю за лицами, задержанными за совершение административных правонарушений, связанных с потреблением наркотиков // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 68-71.

Original article

ON IMPROVEMENT OF POLICE CONTROL ACTIVITIES FOR PERSONS DETAINED FOR ADMINISTRATIVE OFFENSES RELATED TO DRUG USE

Anna O. Levenko¹, Aleksandr I. Shcheglov²

¹ Drug control office of the Department of the Russian Ministry of the Interior for the Altai Territory, Barnaul, Russia, alevenko@mvd.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, sanja-2015@bk.ru

Abstract. The article deals with certain issues of police activity in terms of monitoring persons detained for committing administrative offenses related to drug use, the work indicates the existing shortcomings in the organization of work. The authors of the article propose to make additions to the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated by 29.03.2019 № 205 regarding the expansion of the list of persons subjected to preventive registration at the serviced administrative area, and transfer the functions of control over the category of persons in question to the district police officer.

Keywords: control, police, district police officer, drug user, drug use without a doctor's appointment, drug control, drug addict, administrative offense

For citation: Levchenko A.O., Shcheglov A.I. On improvement of police control activities for persons detained for administrative offenses related to drug use. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:68-71 (In Russ.).

С момента вступления в действие Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ введена часть 2.1 в статью 4.1 КоАП РФ [1], которая устанавливает обязанность лицу, признанному больным наркоманией либо потребляющему наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию (далее – дополнительная обязанность). Также КоАП РФ дополнен новой ст. 6.9.1, согласно которой уклонение от исполнения возложенной судом обязанности влечет наложение административного штрафа в размере от 4 тыс. до 5 тыс. руб. или административный арест на срок до 30 суток.

Алгоритм реализации данной законодательной инициативы получил свое развитие в постановлении Правительства Российской Федерации от 28 мая 2014 г. № 484 [2]. Этим постановлением были утверждены Правила контроля за исполнением лицом возложенной на него судом при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача.

Изначально учет и контроль лиц, на которых судом возложена обязанность пройти диагностику, лечение от наркомании, медицинскую и социальную реабилитацию, осуществляли территориальные органы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (далее – ФСКН России), сотрудники которых по месту жительства наркопотребителя проверяли, как последний исполняет возложенную на него обязанность. Для этого ежемесячно в медицинской организации или учреждении социальной реабилитации запрашивается соответствующая информация, которая, в свою очередь, обязана своевременно направляться для уведомления в орган наркоконтроля об уклонении наркопотребителя от ее исполнения, а также об окончании лечения либо реабилитации.

Однако в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 апреля 2016 г. № 156 ФСКН России и ее территориальные органы упразднены [3]. В целях реализации данного указа в системе МВД России созданы Главное управление по контролю за оборотом наркотиков и подразделения по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне. Например, приказом ГУ МВД России по Алтайскому краю (далее – ГУ) от 31 мая 2016 г. № 295 в структуре ГУ созданы управление по контролю за оборотом наркотиков (далее – УНК), в территориальных органах

внутренних дел Алтайского края (далее – ТОВД) – подразделения по контролю за оборотом наркотиков (отделы, отделения, группы, направления), ставшие преемниками основных направлений деятельности ФСКН России.

В целях реализации Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ, а также пунктов 2 и 15 Постановления Правительства Российской Федерации от 28 мая 2014 г. № 484 [4] с 2018 г. действует Приказ МВД России от 26.02.2018 № 111 «Об утверждении порядка организации работы в органах внутренних дел Российской Федерации по осуществлению контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее – порядок), а также порядка учета, оформления, ведения, хранения, передачи и уничтожения необходимых для этого документов» [5].

В соответствии с п. 3 Порядка *должностными лицами подразделения по контролю за оборотом наркотиков территориального органа МВД России на районном уровне по месту жительства наркопотребителя*, назначенными приказом начальника данного территориального органа МВД России, осуществляется контроль за исполнением наркопотребителем обязанности.

Учет и контроль за данным лицом предполагает со стороны сотрудника наркоконтроля:

- обязательное заведение накопительного дела на каждого наркопотребителя, на которого возложена дополнительная обязанность, ведение журнала учета таких лиц;

- не реже одного раза в месяц запрашивать в медицинской организации и (или) учреждении социальной реабилитации информацию об исполнении наркопотребителем обязанности;

- перенаправлять накопительное дело в территориальный орган МВД России по новому месту жительства наркопотребителя (в случае смены последним места жительства необходимо устанавливать факт прибытия наркопотребителя по его новому месту жительства путем направления запроса в соответствующий территориальный орган МВД России);

- при поступлении уведомления от медицинской организации и (или) учреждения социальной реабилитации об уклонении наркопотребителя от исполнения обязанности осуществлять мероприятия по установлению местонахождения лица и сбор материалов, указывающих на наличие признаков административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9.1 КоАП РФ.

Вместе с тем практика показывает, что в связи с активным вынесением судами решений в порядке ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ¹ на местах контроль за данной категорией лиц осуществляется недостаточно эффективно.

Одной из причин являются организационно-штатная составляющая и нехватка кадров. Как правило, в территориальных подразделениях МВД России на районном уровне по направлениям деятельности максимум работают группы по контролю за оборотом наркотиков, численность которых составляет не более 1-2 сотрудников. Типовой перечень служебных обязанностей сотрудника наркотороля ОВД предполагает в первую очередь осуществление оперативно-розыскной деятельности, направленной на выявление, предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на обслуживаемой территории.

Кроме того, в случае фактического отсутствия в ряде территорий сотрудников наркотороля (вакансия) учет лиц, на которых судьей возложена дополнительная обязанность, должен осуществлять сотрудник управления по контролю за оборотом наркотиков территориального органа МВД России субъекта. В данном случае территориальная удаленность исполнителя от места жительства подконтрольного лица также является причиной, снижающей эффективность проводимой работы.

С учетом этого проведение необходимых мероприятий по контролю за лицами, на которых судами возложена дополнительная обязанность, а также по установлению местонахождения так называемых уклонистов сотрудниками наркотороля в ряде случаев осуществляется несвоевременно и не в полном объеме, что позволяет указанным лицам уходить от установленной законом ответственности. Как следствие, применение норм административной ответственности за незаконное потребление наркотиков в России показывает свою несостоятельность в борьбе с такой серьезной проблемой, как наркомания [6, с. 5]. Отметим, что для эффективного профилактического воздействия необходим механизм контроля за исполнением добровольного изъятия лицом желания пройти лечение от наркомании и социальную реабилитацию, который, к сожалению, отсутствует [2, с. 2].

Анализ нормативно-правовой базы показывает, что для правонарушителей из числа больных алкоголизмом, наркоманией, совершивших администра-

¹ По состоянию на 01.04.2022 на учете в ОВД края состоит 561 лицо, задержанное за совершение административных правонарушений по ст. 6.9, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, на которых судами возложена дополнительная обязанность (в т.ч. 146 поставлено на учет впервые), из них 295 исполняют возложенную обязанность, 266 уклоняются. Снято с учета в текущем году 141 лицо, в отношении 54 составлены протоколы по ст. 6.9.1 КоАП РФ.

тивные правонарушения, в системе МВД России субъектами контроля являются участковые уполномоченные полиции, которыми в том числе с указанной категорией граждан проводится индивидуальная профилактическая работа (п. 33.4, 33.5 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке [7]). В частности, может произойти так, что на данных лиц судом также возлагается дополнительная обязанность, контроль исполнения которой должен осуществлять сотрудник наркотороля, что не вполне целесообразно.

Кроме того, участковые уполномоченные полиции, наряду с сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков, в силу своих служебных обязанностей после подразделений наркотороля стали играть ведущую роль в работе по привлечению лиц, уклоняющихся от исполнения дополнительной обязанности, к административной ответственности по ст. 6.9.1 КоАП РФ. Например, за 5 месяцев 2022 г. в Алтайском крае составлено 111 протоколов об административных правонарушениях по ст. 6.9.1 КоАП РФ, из них 55 – УУП, 51 – ПНК, 5 – иными службами.

Представляется, что одним из наиболее эффективных путей расширения правоприменения положений административного законодательства по ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ является постановка лиц, на которых возложена дополнительная обязанность, на профилактический учет и возложение функций по контролю за ними на участковых уполномоченных полиции по адресу их проживания на обслуживаемом участке.

В связи с этим мы разделяем мнение Т.С. Логинова и В.И. Сергеевой по предложению «возложить контроль на сотрудников органов внутренних дел и органов наркотороля за лицом, которое в соответствии с примечанием к ст. 6.9 КоАП РФ дало согласие в суде на прохождение медицинских процедур и в связи с этим было освобождено от административной ответственности и в дальнейшем уклонилось от посещения медицинской организации и (или) учреждения социальной реабилитации и выполнения предписаний лечащего врача» [8, с. 9].

Для этого предлагаем дополнить п. 33.5 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной приказом МВД России от 29.03.2019 № 205, п. 33.5.1 следующего содержания: *«Больными наркоманией, совершившими административные правонарушения, предусмотренные п. 6.9, 6.9.1, частями 2 и 3 статьи 20.20 КоАП, на которых судьей при назначении административного наказания в порядке ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ возложена обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лече-*

ние от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ».

При этом следует понимать, что процесс возложения на УУП каких-либо дополнительных обязанностей должен быть оптимально выстроен. Требуется сбалансированно решать подобные вопросы и не допускать бесконтрольного роста выполняемых задач и функций. Так, проведенный анализ результатов работы свидетельствует о ежегодном увеличении нагрузки на УУП в условиях сокращения их штатной численности, что влияет на качество служебной деятельности и отток кадров из подразделений [9; 10, с. 170]. Суть данного решения заключается лишь

в расширении контингента в рамках индивидуальной профилактической работы.

В таком случае сотрудника подразделения по контролю за оборотом наркотиков, иных оперативных подразделений представляется целесообразным задействовать только на этапе розыска и установления местонахождения лиц, уклоняющихся от исполнения возложенной судом дополнительной обязанности, для привлечения их к административной ответственности по ст. 6.9.1 КоАП РФ. Такая работа проводится в рамках оперативно-профилактических операций. Например, по инициативе УНК ГУ МВД России по Алтайскому краю в 2022 г. организовано и проведено оперативно-профилактическое мероприятие «Уклонист» (в период с 16 по 20 мая 2022 г.). Данное мероприятие проводится ежегодно.

Список источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ.
2. Откидач А.О. О совершенствовании антинаркотического законодательства России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-antinarkoticheskogo-zakonodatelstva-rossii> (дата обращения: 20.09.2022).
3. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2016 г. № 156.
4. Об утверждении Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении порядка организации работы в органах внутренних дел Российской Федерации по осуществлению контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также порядка учета, оформления, ведения, хранения, передачи и уничтожения необходимых для этого документов [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 26 февраля 2018 г. № 111. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Анисифорова М.В. Административно-правовые меры борьбы с наркоманией // Административное и муниципальное право. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-mery-borby-s-narkomaniyeu> (дата обращения: 20.09.2022).
7. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205.
8. Логинов Т.С., Сергеева В.И. О практике возложения судами в отношении лиц, признанных больными наркоманией либо потребляющими наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию на территории Российской Федерации в 2014 году // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-vozlozheniya-sudami-v-otnoshenii-lits-priznannyh-bolnymi-narkomaniyeu-libo-potreblyayuschimi-narkoticheskie-sredstva-ili> (дата обращения: 12.09.2022).
9. Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы: приказ МВД России от 30 марта 2020 г. № 191.
10. Бровка Н.В., Бунова О.В. О проблемах реализации концепции развития службы участковых в системе МВД России в первой четверти XXI века // ЮП. 2020. № 3 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-realizatsii-kontseptsii-razvitiya-sluzhby-uchastkovykh-v-sisteme-mvd-rossii-v-pervoy-chetverti-xxi-veka> (дата обращения: 26.09.2022).

Научная статья
УДК 342.9:004

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОПАГАНДЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Анастасия Владиславовна Мирошниченко

Омская академия МВД России, Омск, Россия, patrusheva_avp@mail.ru

Аннотация. В статье описывается современное информационное пространство, негативно влияющее на процесс формирования у несовершеннолетних исторически устоявшихся морально-нравственных и традиционно семейных ориентиров. Раскрываются некоторые проблемы привлечения лиц к административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений в информационно-телекоммуникационной среде. Определяются особенности совершения подобных правонарушений в социальных сетях «ВКонтакте», TikTok и мессенджере Telegram. Предлагается дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях статьей 6.21¹, предусматривающей ответственность родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет за пропаганду последними нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Обосновывается предложение установить временные рамки на прямые трансляции и (или) запланированные показы материалов, содержащих любую информацию о нетрадиционных сексуальных отношениях.

Ключевые слова: административно-правовое противодействие, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, несовершеннолетние, административная ответственность, сеть Интернет

Для цитирования: Мирошниченко А.В. Административно-правовое противодействие пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних в сети Интернет // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 72-77.

Original article

ADMINISTRATIVE AND LEGAL COUNTERACTION TO PROPAGANDA OF NON-TRADITIONAL SEXUAL RELATIONS AMONG MINORS ON THE INTERNET

Anastasia V. Miroshnichenko

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, patrusheva_avp@mail.ru

Abstract. The article describes the existing modern information space negatively affecting the process of formation of historically established moral and traditional family orientations among minors. Some problems of bringing persons to administrative responsibility for the promotion of non-traditional sexual relations in the information and telecommunications environment are revealed. The features of committing such offenses in the social networks «VKontakte», «TikTok» and «Telegram» messenger are determined. The author proposes to supplement the Code of Administrative Offences of the Russian Federation with Article 6.21¹, which provides for the responsibility of parents or other legal representatives of minors under the age of sixteen for the promotion of non-traditional sexual relations among minors. The proposal is substantiated to establish a time frame for live broadcasts and (or) scheduled screenings of materials containing any information about non-traditional sexual relations.

Keywords: administrative and legal counteraction, propaganda of non-traditional sexual relations, minors, administrative responsibility, the Internet

For citation: Miroshnichenko A.V. Administrative and legal counteraction to propaganda of non-traditional sexual relations among minors on the Internet. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:72-77 (In Russ.).

Тенденция к абсолютизации нетрадиционных сексуальных отношений и социальное одобрение однополых браков постепенно перерастают в моду – формируется ЛГБТИ-движение¹, пропагандируется культ однополый любви, публикуются книги, снимаются фильмы, связанные с данной тематикой. Информационно-телекоммуникационные сети, сеть Интернет (далее – сеть Интернет) и, прежде всего, социальные сети и мессенджер-каналы переполнены постами с пропагандой нормальности гомосексуальных отношений.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности России [1] одной из главных угроз является осуществление деятельности, направленной на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, т.к. постоянное нахождение в подобном информационном поле проецирует сознание социума на разрушение устоявшихся традиций обучения и воспитания молодого поколения на основе исторических морально-нравственных и традиционно-семейных ценностей российского государства.

Отечественный опыт выявления и пресечения отдельных видов правонарушений свидетельствует, что среди них всегда было и остается общественно вредное для российского общества деяние по распространению информации о нормальности феномена гомосексуализма среди молодежи.

Пропаганда в новой философской энциклопедии [2] представлена в активных действиях, направленных на распространение и внушение определенных взглядов и мнений, которые преследуют определенную цель – оказать влияние на конкретное лицо или группу лиц, в т.ч. изменить мнение любой аудитории в нужную сторону. В юридическом же смысле понимание пропаганды определяется как распространение, навязывание информации.

В настоящее время выделяют следующие виды пропаганды: негативную и позитивную; устную, печатную и виртуальную [3, с. 307]. В нашей статье мы придерживаемся точки зрения, согласно которой разделяем пропаганду на негативные и виртуальные составляющие.

Под нетрадиционными сексуальными отношениями мы понимаем совокупность извращенных предпочтений и действий, которые формируют черты физиологических, психических и духовных состав-

¹ ЛГБТИ-движение (от англ. LGBTI) – это аббревиатура, возникшая для определения лесбиянок (Lesbian), геев (Gay), бисексуалов (Bisexual), трансгендеров (Transgender) и интерсексуалов (Intersex) как общественно-политического направления среди представителей указанных категорий. Его провозглашенной целью выступает равноправие граждан вне зависимости от их различных признаков и характеристик, соблюдение прав человека, борьба с дискриминацией и ксенофобией.

ляющих лица, наделяя его конкретной формой (или набором форм) сексуальной девиации, а также сам процесс поиска и установления извращенного сексуального контакта с объектом влечения.

В июне 2019 г. В.В. Путин в период проведения саммита «Большой двадцатки» упомянул о правах ЛГБТИ. «У нас есть закон, за который нас все шпыняют, – это закон о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних. ...Давайте дадим человеку вырасти, стать взрослым, а потом решить, кто он такой. Оставьте детей в покое... Проблема в том, что часть общества достаточно агрессивно навязывает свою точку зрения подавляющему большинству...», – сказал Президент России [4].

Позднее, 21 апреля 2020 г., на встрече с представителями совета законодателей В.В. Путин затронул тему законного противодействия любой пропаганде, которая целенаправленно пытается разрушить традиционные российские ценности. Глава государства сообщил, что работа в этом направлении продолжится и будет максимально усилена [5].

На сегодняшний день борьба с навязыванием информации о нетрадиционных сексуальных отношениях среди несовершеннолетних осуществляется: 1) в сфере распространения таких сведений под видом наружной рекламы, телешоу, художественных фильмов, молодежных сериалов; 2) в сфере социальных сетей и мессенджеров; 3) в сфере представителей субкультуры ЛГБТИ и других популярных молодежных движений; 4) в области навязывания стереотипной моды западноевропейскими странами и систематическими призывами к легализации гомосексуальных браков, распространения мнений об актуальности политики сексуального воспитания подростков, роста популярности каминг-аутов² и т.д.

Несмотря на сделанные государством шаги по усилению административно-правовой защиты от

² Каминг-аут (от англ. coming out) – «выход» или «акт выхода», иногда встречается словосочетание от англ. coming out of the closet – выход из чулана (см.: Патрахина Т.Н., Шламова Д.А. Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). С. 305-308). Это английское устойчивое выражение акцентирует внимание на том, что современное общество является тем самым темным чуланом, в котором пытаются самоопределиться и жить спокойной открытой жизнью представители ЛГБТИ-движения, т.е. для них это процесс рассказа или даже признания окружающими людьми их настоящей сексуальной ориентации и гендерной идентичности, который называется «каминг-аут». Совершая его, представители нетрадиционных сексуальных отношений навязывают обществу мнение о том, что принятие своей сексуальной ориентации не как отклонения, а как нормы физического и психического развития может формально перевести их из статуса лица с определенной формой сексуальной девиации в статус информационно определенной личности.

устранения и нейтрализации угроз в нравственной сфере [6, с. 116], в т.ч. путем ужесточения ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, проблемы привлечения к административной ответственности продолжают существовать в практической деятельности сотрудников полиции. Одной из проблем является отсутствие субъекта правонарушения в силу недостижения лицом, распространяющим информацию, направленную на одобрение и поощрение нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, возраста административной ответственности.

В период с сентября по декабрь 2021 г. нами был проведен статистический контент-анализ. Выборочное исследование аккаунтов пользователей¹, публичных страниц, сообществ, платформ социальных сетей² «ВКонтакте», TikTok и каналов мессенджера³ Telegram осуществлялось рандомно в их поисковой системе по заданным ключевым словам и (или) словосочетаниям, в которых прослеживается тематика

нетрадиционных сексуальных отношений, гомосексуализма, однополый любви и т.п. Данное исследование наглядно показало, что распространением информации о популярности нетрадиционных сексуальных отношений и призывами к ним в социальных сетях и мессенджер-каналах занимаются в том числе и лица, которые зарегистрированы как пользователи, относящие себя к возрастной группе от 12 до 16 лет.

В результате анализа российского контента⁴ и выборочного просмотра случайных стен групп были выявлены 94 группы и 61 пользователь, которые активно осуществляют пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, в т.ч. среди несовершеннолетних пользователей. Все странички потенциальных правонарушителей зарегистрированы и находятся в открытом доступе, имеют свой IP-адрес, администраторов, модераторов, сетевую публику⁵ и возможность свободно публиковать любые темы для обсуждения всеми пользователями «ВКонтакте», TikTok и Telegram.

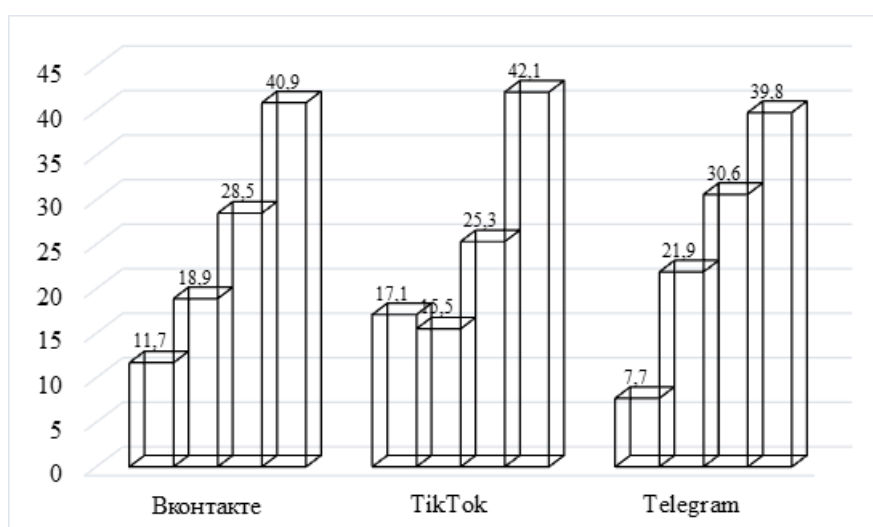

Рис. 1. Возрастной состав пользователей социальных сетей в России на 2021 год (в % соотношении)

В ходе анализа общих статистических данных российской целевой аудитории социальных сетей

¹ Аккаунт пользователя – это учетная запись, содержащая набор определенных сведений о личности в сети.

² Социальные сети – это виртуальное сообщество людей, объединенных общими интересами, общим делом или имеющими другие причины для непосредственного общения между собой. В общефилософском подходе под социальной сетью понимают множество социальных объектов и определенное множество отношений между ними.

³ Канал мессенджера – это чат, при помощи которого можно обмениваться сообщениями и файлами любого формата неограниченному количеству пользователей конкретного чата.

«ВКонтакте», TikTok и мессенджера Telegram было выявлено следующее:

- аудиторию социальной сети «ВКонтакте» составляют лица: в возрасте до 18 лет – 11,7%, от 18 до 24 лет – 18,9%, от 25 до 34 лет – 28,5%, от 35 и выше – 40,9%;

⁴ Контент – это любой информационный набор, генерируемый человеком и (или) группой лиц для наполнения групп, сообществ, публичных страничек актуальными для публики сведениями.

⁵ Сетевая публика – аудитория с воображаемым коллективом, которая возникает в результате пересечения человеческих личностей, их интересов и практик в виртуальной среде.

- аудиторию социальной сети TikTok составляют лица: до 18 лет – 17,1%, от 18 до 24 лет – 15,5%, от 25 до 34 лет – 25,3%, от 35 и выше – 42,1%;

- аудиторию мессенджера Telegram составляют лица: до 18 лет – 7,7%, от 18 до 24 лет – 21,9%, лица от 25 до 34 лет – 30,6%, от 35 и выше – 39,8% [7].

В ходе выборочного анализа российских аккаунтов, групп, сообществ и публичных страничек, содержащих ЛГБТИ-информацию, нами была выявлена их наполняемость:

- 14% – удаленные или заблокированные аккаунты;

- 23% – аккаунты-фейки (копии страниц существующих людей, но им не принадлежащие, или настоящие страницы, созданные робот-программой);

- 26% – аккаунты лиц, зарегистрированных как пользователи, достигшие 16 лет;

- 37% – аккаунты лиц, зарегистрированных как пользователи, не достигшие 16 лет.

Результаты сравнительного анализа: 29 групп и сообществ имеют хотя бы одного администратора или модератора в указанном при регистрации возрасте до 18 лет, 7 групп и сообществ имеют администраторов в указанном при регистрации возрасте до 12 лет.

Сделаем вывод: целевая аудитория указанных социальных сетей – это лица, зарегистрированные как пользователи в возрасте от 12 до 34 лет, которые ежедневно подвергают себя небезопасному информационному воздействию, часть из которых – несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет (учитывая указанные данные при регистрации), непосредственно занимающиеся распространением информации о нетрадиционных сексуальных отношениях среди сетевой публики.

Специалисты в сфере психологии и педагогики указывают на тот факт, что лица в возрасте до 21 года подвержены особому влиянию извне, они словно губка впитывают новую «не полезную», но популярную информацию [8], на подсознательном уровне не понимая, что подверглись девиантному воздействию. Представляется, что с целью воспитания российской молодежи на основе морально-нравственных и традиционно-семейных ценностей необходимо принять дополнительные меры по ограничению распространения подобного рода информации.

Так, в ноябре 2021 г. в сети Интернет была опубликована информация, что Роскомнадзор выступил с инициативой ввести для онлайн-кинотеатров запрет распространять материалы, в которых содержится информация, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и сексуальные девиации. Подобного рода материалы необходимо будет учесть и зарегистрировать в перечне оснований для включе-

ния последних в список реестра с запрещенной информацией. Страницы, с которых будет происходить распространение такой информации, провайдеры и операторы связи по официальному запросу и письменному требованию Роскомнадзора обязаны блокировать [9]. Закон о запрете гомосексуальных сцен в кино на рассмотрении в Государственной Думе.

Обозначим, что статья 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – Федеральный закон № 436) [10] относит к информации, которая способна причинить вред физическому и (или) психическому здоровью и (или) развитию детей, сведения, отрицающие семейные ценности, в т.ч. пропагандирующие нормы нетрадиционных сексуальных отношений. Между тем согласно требованиям, выдвигаемым к обороту информационной продукции, последняя, если она содержит материалы, предусмотренные статьей 5 Федерального закона № 436, без знака информационной продукции не допускается. Так, положения, запрещенные статьей 5 Федерального закона № 436, в то же время являются разрешенными при условии, если они имеют подобный знак (графическое и (или) текстовое обозначение классификатора продукции (возраст «12+» или пометка «для лиц старше 16 лет»)), а сеть Интернет в большей своей части наделена свободой в сфере распространения материалов, вещающих и (или) транслирующих нетрадиционные сексуальные отношения. Данное положение нельзя считать надежным по отношению к защищенности несовершеннолетних от запрещенной информации вообще.

На наш взгляд, знак информационной продукции отражает формальный аспект защиты детей, ребенок не способен самостоятельно контролировать и удерживать себя от соблазна посмотреть «контент 18+».

Представляется необходимым установить в статье 11 Федерального закона № 436, где выдвинуты требования к обороту информационной продукции, временные рамки и разрешить транслировать бесплатный «контент 18+» на платформах социальных сетей и мессенджер-каналах с 24 час. 00 мин. до 5 час. 00 мин. местного времени.

Наиболее серьезной проблемой, затрудняющей административно-правовое противодействие пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выступают возрастные ограничения, определенные законодателем в качестве основного требования, выдвигаемого к субъекту административной ответственности. Исследование показало, что распространение информации о нетрадиционных сексуальных отношениях осуществляется в том числе и лицами, которые относят себя к пользователям возрастной группы с 12 до 16 лет, т.е. данная категория лиц, совершая подоб-

ные действия, административному наказанию не подвергается.

Считаем целесообразным предложить аналогию конструкции состава нормы, давно применяемую в статье 20.22 КоАП РФ [11], когда административное наказание возлагается на родителей или иных законных представителей лица, совершившего административное правонарушение, в возрасте до шестнадцати лет.

С субъективной стороны состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.22 КоАП РФ, образуют виновные действия лица, совершенные как умышленно, так и по неосторожности. При применении аналогичной практики относительно административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.21 КоАП РФ, подразумевается тождественное бездействие родителей или законных представителей несовершеннолетних, которые создали или допустили условия для противоправного деяния в рамках осуществления пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних лицом в возрасте до шестнадцати лет.

В целях совершенствования законодательства предлагаем дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях статьями 6.21¹ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, совершенная лицом в возрасте до шестнадцати лет», диспозитивную часть которой изложить следующим образом:

1. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, вырази-

вшаяся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, или навязывании информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, лицом в возрасте до шестнадцати лет -

влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от одной тысячи пятисот рублей до двух тысяч рублей или обязательные работы на срок до тридцати часов.

2. Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, совершенные с применением информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет) лицом в возрасте до шестнадцати лет, -

влекут наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от двух тысяч рублей до трех тысяч рублей или обязательные работы на срок до сорока часов.

Внесение указанных изменений в структуру административной нормы видится положительным этапом на пути к повышению эффективности административно-правового противодействия пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Новая философская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia (дата обращения: 27.01.2022).

3. Патрахина Т.Н., Шламова Д.А. Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). С. 305-308.

4. Путин прокомментировал итоги саммита G20 в Осаке. URL: <https://ria.ru/20190629/1556038909.html> (дата обращения: 28.01.2022).

5. Путин заявил о приверженности России защите традиционных ценностей. URL: <https://ria.ru/20210421/tsennosti-1729233638.html> (дата обращения: 15.01.2022).

6. Дизер О.А. Административно-правовая защита общественной нравственности // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 114-120.

7. Статистика социальных сетей в России. URL: https://branalytics.ru/statistics/author/?hub_id=3&date=202112&country_id=20&period_type=month (дата обращения: 17.01.2022).

8. Исаева А.А. Когда с подростками должен работать психолог. URL: <https://7hands.com/stati/rabota-psihologa-s-podrostkami> (дата обращения: 16.01.2022).

9. Закон о запрете гомосексуальных сцен в кино. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/28/zapret> (дата обращения: 30.01.2022).

10. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Каминг-аут, что это значит простыми словами. URL: <https://sdelaicomp.ru/interesno/kaming-aut-cto-eto-znachit.html#cto-zhe-takoe-kaming-aut> (дата обращения: 17.01.2022).

13. Патаракин Е.Д. Социальные сервисы Веб 2.0 в помощь учителю: учебно-методическое пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Интуит.ру, 2007. 64 с.

14. Сетевая толпа нашего времени. URL: https://studme.org/305826/psihologiya/setevaya_tolpa_nashego_vremeni (дата обращения: 19.01.2022).

15. Что означает буква «и» в сокращении ЛГБТИ. URL: <https://www.forumdaily.com/cto-oznachaet-bukva-i-v-sokrashhenii-lgbti> (дата обращения: 17.01.2022).

Информация об авторе

А.В. Мирошниченко – адъюнкт Омской академии МВД России.

Information about the author

A.V. Miroshnichenko – postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Научная статья
УДК 342.95

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛОЖНЫЙ ВЫЗОВ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СЛУЖБ

Андрей Максимович Павлюченко

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, a_pavlyuchenko1997@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы привлечения к административной ответственности за ложный вызов специализированных служб. В контексте данного исследования рассмотрено понятие «ложный вызов», приведен авторский вариант классификации по группам. На основании статистической информации анализируются отдельные аспекты, связанные с привлечением лиц к административной ответственности по ст. 19.13 КоАП РФ. Кроме того, в работе рассмотрены процессуальные особенности привлечения к ответственности за ложный вызов полиции на основе анализа судебной практики и практического опыта. Исследуется информация об ответственности за ложный вызов специализированных служб в зарубежных странах, а также в проекте нового КоАП РФ. В работе изложена формула расчета средств, затраченных на обслуживание ложного вызова сотрудников полиции, и приведена методика реализации данной формулы на примере г. Барнаула. Делаются выводы о наличии проблемных аспектов, формируются авторские предложения по их устранению.

Ключевые слова: административная ответственность, ложный вызов специализированных служб, регистрация сообщений (заявлений), заведомо ложное сообщение

Для цитирования: Павлюченко А.М. Отдельные проблемы привлечения к административной ответственности за ложный вызов специализированных служб // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 78-83.

Original article

SOME ISSUES OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR A FALSE ALARM TO SPECIALIZED SERVICES

Andrey M. Pavlyuchenko

*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
a_pavlyuchenko1997@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problematic issues of bringing to administrative responsibility for a false alarm to specialized services. This study considers the concept of «false call» and provides the author's version of the classification by groups. On the basis of statistical information, certain aspects related to bringing persons to administrative responsibility under Art. 19.13 of the Administrative Code of the Russian Federation. In addition, the paper considers the procedural features of bringing to responsibility for a false alarm to the police based on an analysis of judicial practice and practical experience. The information about liability for a false alarm to specialized services in foreign countries, as well as in the draft of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, is investigated. The paper presents a formula for calculating the funds spent on serving a false alarm to police officers, and provides a methodology for implementing this formula using the example of the city of Barnaul. Conclusions are drawn about the presence of problematic aspects, author's proposals for their elimination are formed.

Keywords: administrative responsibility, false alarm to specialized services, registration of messages (applications)

For citation: Pavlyuchenko A.M. Some issues of bringing to administrative responsibility for a false alarm to specialized services. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:78-83 (In Russ.).

Одним из основных направлений деятельности полиции является незамедлительная помощь каждому, кто нуждается в её защите от преступных и иных противоправных посягательств [1]. Однако реализация данной задачи полиции затрудняется увеличивающимся с каждым годом количеством ложных сообщений, поступающих в территориальные органы внутренних дел (далее – ОВД). Анализ статистической информации показал, что за отчетный период с января по декабрь 2021 г. количество зарегистрированных заявлений (сообщений) о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях по сравнению с аналогичным периодом прошлого года выросло на 1,4% и составило более 34 млн¹. Из них в 23% случаев по зарегистрированным сообщениям было принято решение о приобщении к материалам номенклатурного дела с формулировкой «Списать в номенклатурное дело в связи с отсутствием признаков преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], и административных правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – КоАП РФ) [3]. Приведенные выше данные свидетельствуют о не всегда ответственном обращении граждан в органы полиции. Сложившаяся ситуация ведет к увеличению нагрузки на сотрудников полиции, как следствие, ухудшается качество квалифицированной помощи тем гражданам, которые в ней действительно нуждаются.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что практически четверть от общего числа зарегистрированных сообщений, попадающих в полицию, не охватывают её основные направления деятельности. Несмотря на это, по всем обращениям, которые подлежат регистрации в порядке, установленном ведомственными нормативными правовыми актами, должностные лица ОВД проводят проверки и принимают решения в соответствии с действующим законодательством. Несомненно, некоторая часть сообщений поступает в целях получения юридической помощи в разрешении вопросов, которые не входят в компетенцию полиции. К таким, например, можно отнести обращение в ОВД с вопросами, рассмотрение которых необходимо осуществлять в гражданском порядке. В данном случае в ответе на рассматриваемое обращение должностное лицо полиции разъясняет заявителю порядок решения возникшей ситуации в суде.

Проблемные вопросы регистрации поступающих сообщений (заявлений) в полицию достаточно подробно освещены научным сообществом. Так, например, по мнению В.В. Тырышкина, И.А. Гумаро-

¹ Статистическая форма «1-АП». По данным ЦСИ ГИАЦ МВД России.

ва, Д.В. Андреева, необходимо вернуться к практике наличия в дежурной части ОВД двух журналов: в КУСП регистрировать всю информацию о преступлениях, во втором журнале фиксировать информацию об административных правонарушениях и другие сведения, не относящиеся к преступлениям [4, с. 64]. Актуальные вопросы регистрации и проверки по сообщениям и заявлениям о преступлениях раскрыты в работе З.Р. Нажмитдинова [5]. Отдельные аспекты регистрации и разрешения сообщений об административных правонарушениях, преступлениях и происшествиях обозначены в исследовании Е.Н. Полежаевой, П.В. Седельникова [6].

Несмотря на достаточно четкую правовую регламентацию вопросов, касающихся регистрации сообщений и заявлений, высокую научную разработанность исследуемой тематики, нераскрытыми остаются отдельные аспекты регистрации и проверки по сообщениям, имеющим ложный или ошибочный характер.

В связи с отсутствием в законодательстве понятия «ложный вызов» считаем необходимым изложить его авторский вариант. По нашему мнению, в юридической литературе и нормативных правовых актах под ложным вызовом следует понимать обман или ошибочное сообщение о ситуации, в результате которой возникает необходимость реагирования специализированных служб. Исходя из сложности и многообразия возникающих жизненных ситуаций, возможно выделить несколько подвидов данного правонарушения. К первой группе следует отнести ситуации, когда ложное сообщение было сделано из хулиганских побуждений. Во вторую группу необходимо включить случаи, когда лицо сначала сообщило о противоправном поведении кого-либо, но в дальнейшем передумало привлекать его к ответственности, подобные ситуации часто возникают в сфере семейно-бытовых отношений. В третью группу будут входить ситуации, когда лицо специально сообщило ложные сведения о противоправном деянии с целью оклеветать кого-либо. В четвертую группу входят ситуации, когда лицо, страдающее психическими расстройствами, сообщает о фактах, отсутствующих в реальной действительности. В трех вышеуказанных случаях лицо будет нести ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. В случае получения ложного вызова, попадающего под критерии четвертой группы, необходимо использовать индивидуальный подход. По нашему мнению, введение подобной классификации поможет решить вопросы, возникающие у практических сотрудников при квалификации деяния.

Подчеркивая актуальность проведенного исследования, стоит отметить, что количество звонков, поступающих в полицию, ежегодно увеличивается.

В последние несколько лет, помимо прочего, это обусловлено некоторыми вводимыми ограничениями вследствие пандемии COVID-19. Возросло и количество ложных сообщений, которые, как следствие вышеуказанных тезисов, подвергаются регистрации. По мнению К.В. Малахова, С.С. Горпенченко, номер телефона 02 – один из самых важных телефонных номеров для любого гражданина на территории бывшего СССР. От его знания зависит собственная жизнь и жизнь других людей. Однако часто этот номер становится инструментом для баловства. В правовой культуре нашей страны не сформировано представление, что вызов полиции из хулиганских побуждений наказывается законом [7]. Ответственность за ложный вызов сотрудников полиции предусмотрена административным и уголовным законодательством. Юридические последствия за заведомо ложный вызов специализированных служб нашли свое отражение в ст. 19.13 КоАП РФ.

Анализ судебной практики показал, что существуют лишь единичные примеры привлечения граждан к юридической ответственности за ложные сообщения, что, несомненно, вызывает некоторое беспокойство со стороны правоприменителей. Мировыми судьями судебных участков г. Барнаула в 2021 г. было принято 31 решение по ст. 19.13 КоАП РФ, по которой правонарушители были привлечены к административной ответственности в виде штрафа. Стоит отметить, что 29 рассмотренных материалов за ложный вызов сотрудников полиции были рассмотрены на судебных участках Центрального района. Необходимо отметить, что г. Барнаул разделен на пять внутригородских районов. Таким образом, можно говорить о том, что на территории города Барнаула отсутствует единый алгоритм привлечения к административной ответственности по рассматриваемому составу административного правонарушения. В целях изучения положительного опыта отдела полиции по Центральному району УМВД России по г. Барнаулу нами было проведено интервьюирование сотрудников подразделения по исполнению административного законодательства. В рамках опроса удалось установить, что положительного результата в данном подразделении удалось добиться путем согласования с судом вопросов привлечения к административной ответственности за данное правонарушение.

Для привлечения лица к ответственности за ложный вызов сотрудников полиции необходимы признание вины правонарушителем либо показания свидетелей. В иных случаях производство прекращается по основаниям, предусмотренным административным законодательством. В правоприменительной практике возникают проблемы со сбором доказательств по рассматриваемому составу административного правонарушения, что подтверждено

анализом рассмотренных дел об административных правонарушениях на территории г. Барнаула. В большинстве случаев правонарушитель не признает вины, а свидетели, как правило, отсутствуют. Изучение судебных решений по ст. 19.13 на территории г. Барнаула показало, что более чем в 20 случаях вынесения административных штрафов за ложный вызов граждане обращались за помощью из-за семейных ссор, в ходе которых целью является оклеветать члена своей семьи, что и служит бесосновательным сообщением в полицию. В данных ситуациях далеко не всегда члены семьи будут свидетельствовать против своих родственников, кроме того, данное право подкреплено положением законодательства об административных правонарушениях. В рассматриваемых случаях, которые составляют большинство, сотруднику полиции, ведущему производство по делу об административном правонарушении, остается только полагаться на свои профессиональные качества, использовать методы убеждения и психологического воздействия, чтобы правонарушитель признал свою вину, а в случаях, когда такие методы не работают, приходится прекращать производство по делу об административном правонарушении в связи с тем, что вина правонарушителя не доказана. В исключительных случаях, как показал анализ судебной практики, правонарушитель будет привлечен к административной ответственности в виде штрафа в размере от 1000 до 1500 рублей. Немаловажным фактом является то, что в случаях ложного сообщения в полицию может возникнуть ситуация, когда помощь гражданам, которые действительно в ней нуждаются, не оказана либо оказана с опозданием, и это может повлечь тяжкие последствия. Таким образом, можно сделать вывод о том, что практические сотрудники испытывают сложности в процессе доказывания по рассматриваемому составу административного правонарушения, о чем свидетельствует количество рассмотренных материалов дел об административных правонарушениях.

Анализируя санкцию статьи 19.13 КоАП РФ, стоит отметить, что финансовые затраты на обслуживание одного вызова сотрудника полиции значительно превышают размер административного штрафа. По мнению А.В. Андреева, И.А. Андреевой, в России средняя стоимость выезда группы немедленного реагирования в составе трех полицейских и двух кинологов оценивается в сумму примерно около 100 тысяч рублей [8, с. 10]. Стоит отметить, что в проекте нового КоАП РФ по состоянию на 20 мая 2020 г. ответственность за ложный вызов специализированных спецслужб закреплена в статье 34.2, однако существенных изменений конструкция состава не претерпела [9]. Была добавлена вторая часть, которая предусматривает административную ответственность за

ложный вызов, совершенный несовершеннолетним, не достигшим возраста шестнадцати лет. По нашему мнению, помимо внесения изменений в конструкцию самого состава административного правонарушения, необходимо дополнить ст. 34.2 проекта нового КоАП РФ частью 3, в которой закрепить ответственность за ложный вызов специализированных служб повторно в течение года, а также в период ликвидации аварий, пожаров, последствий стихийных бедствий.

В целях привлечения внимания к проблемам ложного вызова специализированных служб в России считаем необходимо привести опыт зарубежных стран. Так, в Германии за ложный вызов экстренных служб предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере 100 евро, что в несколько раз превышает сумму административного штрафа в России [10], либо тюремного заключения сроком до одного года. Кроме того, в случаях, когда из-за ложного вызова были причинены более тяжкие последствия (например, не обслужен вызов, где граждане действительно нуждались в помощи), лишение свободы может составлять два года. Также гражданину, который заведомо ложно сообщил в экстренные службы, придется оплатить сумму, затраченную на обслуживание ложного вызова, которая не входит в размер штрафа. Похожая ситуация складывается и в других странах Западной Европы.

Административный штраф в Республике Казахстан за ложный вызов специальных служб составляет 30 месячных расчетных показателей, что в перерасчете составляет более 19 тысяч рублей [11]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что зарубежный законодатель относится к ложным сообщениям в специализированные службы с повышенным вниманием. По нашему мнению, опыт взыскания с нарушителя финансовых средств, затраченных на обслуживание ложного вызова, является положительным и оправданным. В судебной практике встречаются единичные случаи взыскания ущерба, причиненного административным правонарушением. Одним из немногочисленных примеров может служить гражданское дело по исковому заявлению ОМВД России по Благодарненскому району Ставропольского края к гражданке С. о взыскании ущерба за заведомо ложный вызов полиции. Мировой судья удовлетворил исковое требование ОМВД России по Благодарненскому району в полном объеме и постановил взыскать с гражданки С. сумму 610 рублей 32 копейки в счет возмещения материального ущерба, причиненного административным правонарушением [12]. Таким образом, гражданка С., помимо административного штрафа в размере 1000 рублей, обязана возместить сумму, затраченную на обслуживание ложного вызова. Несмотря на вышеизложенное, использование финансовых инструментов

в отношении правонарушителей может исправить ситуацию не в полной мере. По нашему мнению, правоприменитель испытывает сложности именно в процессе производства по делу об административном правонарушении. Таким образом, считаем, что решить возникшую проблему представляется возможным путем использования комплексного подхода и использования как финансовых, так и процессуальных инструментов.

Анализируя судебную практику и мнения практических сотрудников полиции, можно констатировать тот факт, что ложные сообщения в большинстве случаев поступают от одних и тех же граждан. В этой связи законодатель в части 5 статьи 11 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [13] (далее – ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации») предоставил возможность прекращения переписки с гражданином. Вместе с тем неоспорим тот факт, что большинство сообщений, поступающих в полицию, делается устно, как правило, по телефону 112, и избежать их невозможно. Каких-либо законодательных инструментов, кроме привлечения к ответственности за ложный вызов, нет. Таким образом, гражданин может делать неоднократные ложные звонки в полицию и при этом в большинстве случаев оставаться безнаказанным.

Проблемы ложных вызовов негативно отражаются не только на деятельности полиции, но и на эффективности деятельности не менее важных специализированных служб, таких как скорая медицинская помощь и пожарная охрана. Научное сообщество подчеркивает необходимость решения проблемы ложных вызовов специализированных служб. Так, А.Г. Фирсов отметил, что выезды пожарно-спасательных подразделений федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, связанные с обслуживанием ложных вызовов, составляют около 193,6 тыс. ед. в год. Хотя вызовы ложные, но работа по ним ведется вполне реальная. Сотрудники МЧС России, участвующие в цепочке обслуживания ложных вызовов, испытывают такие же физические и психологические нагрузки, что и при следовании на пожар [14]. Кроме того, П.Д. Захаров, А.О. Захарова подчеркнули, что в среднем в год количество ложных вызовов скорой медицинской помощи в стране доходит до 2,5 млн, а ущерб от одного ложного вызова составляет около 1700 рублей [15]. Стоит подчеркнуть, что возможность составить протокол об административном правонарушении по ст. 19.13 КоАП РФ имеется только у должностных лиц ОВД и сотрудников, осуществляющих федеральный государственный пожарный надзор, у медицинских работников такая возможность отсутствует.

В современных реалиях мы видим, что складывается ситуация, которая требует наличие мер реагирования со стороны правоохранительных и законодательных органов власти. Ложный вызов служб, без которых функционирование правового государства невозможно, влечет за собой не только финансовые потери со стороны государства, но и наносит непоправимый ущерб жизни и здоровью граждан.

Подводя итог, мы считаем необходимым урегулировать на законодательном уровне следующее:

Во-первых, необходимо дополнить статью 19.13 КоАП РФ частью 2, где будет установлена ответственность за повторное совершение административного правонарушения в течение одного года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления, а также в период ликвидаций аварий, пожаров, последствий стихийных бедствий.

Во-вторых, предлагаем увеличить размер санкции рассматриваемой статьи следующим образом: «влечет наложение административного штрафа до пятикратной стоимости затрат, потраченных на обслуживание ложного вызова, но не менее 2000 рублей». Затраты на обслуживание вызова полиции предлагаем вычислять по следующей формуле: затраты общие = затраты на оплату труда сотрудника специализированной службы + стоимость затрат привлекаемых автотехнических средств.

Целесообразно привести пример по указанной выше формуле. Рассчитаем затраты на оплату труда сотрудника полиции (предлагаем использовать почасовую оплату, т.к. на обслуживание одного вызова у полицейских уходит не менее одного часа). Чаще всего обслуживанием поступающих вызовов в полицию занимаются сотрудники патрульно-постовой службы полиции (далее – ППС), средняя зарплата которых в г. Барнауле составляет 37 738 рублей [16]. Учитывая время, проведенное на службе, один час работы сотрудника ППС составляет 314 рублей. На обслуживание каждого вызова направляется экипаж в составе не менее двух сотрудников полиции. Таким образом, за один час работы экипажа ППС (в составе не менее двух сотрудников) расходуется 628 рублей. Стоимость затрат привлекаемых автотранспортных средств складывается из трех компонентов: 1) средняя стоимость 1 литра топлива; 2) расход топлива (зима/лето) на 100 км; 3) количество пройденных км. Средняя стоимость топлива (бензин АИ-92) на территории г. Барнаула составляет 45 рублей за 1 литр. Расход топлива предлагаем исчислять в соответствии с Распоряжением Минтранса РФ от 14 марта 2008 г. № АМ-23-р «О введении в действие методических рекомендаций "Нормы расхода топлив и смазочных материалов на автомобильном транспорте"» [17].

В соответствии с указанным распоряжением расход топлива составляет 15 л на 100 км. Учитывая общую площадь г. Барнаула, можно говорить о том, что в среднем служебный автомобиль от места получения вызова до конечной точки проезжает в среднем 17 км. Таким образом, затраты, связанные с обслуживанием транспортных средств на территории г. Барнаула, составили 114 рублей. Также считаем необходимым учесть последующую работу по ложному сообщению, проводимую, как правило, участковым уполномоченным полиции (далее – УУП), которая, исходя из правоприменительной практики, занимает не менее четырех часов. Средняя зарплата УУП в г. Барнауле составляет 49 713 рублей [16]. Учитывая время, проведенное на службе, один час работы участкового составляет 310 рублей. Таким образом, стоимость работы УУП по ложному сообщению будет равняться 1240 рублям. Подводя итог, можно говорить о том, что сумма, затраченная на обслуживание ложного вызова на территории г. Барнаула, составляет 1868 рублей.

В-третьих, по нашему мнению, будет верным закрепить в примечании к статье 19.13 КоАП РФ понятие ложного вызова, изложив его в следующей редакции: «Под ложным вызовом в настоящей статье понимается заведомо недостоверная информация о ситуации, которая не требует реагирования специализированных служб».

В-четвертых, считаем, что для привлечения лица к административной ответственности за ложный вызов будет достаточно объективных данных, свидетельствующих о ложности сделанного сообщения. По нашему мнению, исчерпывающим доказательством будет рапорт должностного лица, зарегистрировавшего сообщение, и сотрудника, непосредственно обслуживающего данный вызов. Кроме того, в целях подтверждения факта ложного вызова целесообразно записать на внешний носитель телефонный разговор правонарушителя с оперативным дежурным. По нашему мнению, в современных условиях это не вызовет каких-либо трудностей, т.к. каждый телефон в дежурной части оборудован системой записи разговоров. Стоит отметить, что ситуации, связанные с ложными вызовами, достаточно многогранны и не похожи друг на друга, вместе с тем можно выделить некоторые основные рекомендации, которых стоит придерживаться в процессе фиксации правонарушения: например, опрос незаинтересованных участников происшествия; фото- или видеофиксация места, куда был направлен наряд полиции и т.д.

В-пятых, считаем необходимо формировать у граждан негативное отношение к ложному вызову специализированных служб путем повышения их правовой культуры. Реализовать данное предложение предлагаем путем проведения правового инфор-

мирования граждан должностными лицами государственных органов.

Резюмируя вышеизложенное, можно говорить о том, что проблему ложного вызова полиции, скорой медицинской помощи, пожарной охраны и иных специализированных служб можно решить, используя комплексный подход. Помимо детальной про-

работки конструкции состава административного правонарушения за ложный вызов путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство, необходимо повышать уровень правовой грамотности граждан. Предложенные нами решения могут положительно повлиять на сложившуюся ситуацию.

Список источников

1. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Тырышкин В.В., Гумаров И.А., Андреев Д.В. Проблемные вопросы разрешения заявлений и сообщений об административных правонарушениях сотрудниками полиции // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 60-64.
5. Нажмитдинова З.Р. Проблемные вопросы регистрации сообщений о преступлениях и иных правонарушениях в ОВД // Концепция развития и эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч. (Калуга, 19 мая 2020 г.). Калуга: ОМЕГА САЙНС, 2020. С. 218-221.
6. Полежаева Е.Н., Седельников П.В. Некоторые аспекты регистрации и разрешения в территориальных органах внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 59-61.
7. Малахова К.В. Проблема ложного и ошибочного вызова в правоприменительной практике // Periscope Science: научный альманах. 2020. № 1/2020. С. 121-125.
8. Андреев А.В., Андреева И.А. Проблема ложных сообщений в полицию и пути ее решения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 8-10.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.05.2020) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Уголовный кодекс Германии. URL: <https://www.uni-potsdam.de>.
11. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V (ред. от 02.03.2022). URL: <https://online.zakon.kz>.
12. Постановление мирового судьи судебного участка № 2 Благодарненского района Ставропольского края. URL: <https://stavmirsud.ru/>.
13. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Фирсов А.Г., Арсланов А.М., Сибирко В.И. и др. Правоприменительная практика за «заведомо ложный вызов специализированных служб» в России и за рубежом // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. 2020. № 1 (5). С. 592-598.
15. Захаров П.Д., Захарова А.О. Экономические и правовые аспекты безрезультатного (ложного) вызова скорой помощи // Актуальные вопросы современной медицины: мат-лы II Дальневосточного медицинского молодежного форума (Хабаровск, 2-5 октября 2018 г.) / под ред. Е.Н. Сазоновой. Хабаровск: Дальневосточный государственный медицинский университет, 2018. С. 139-141.
16. Пресс-конференция начальника УМВД России по г. Барнаулу полковника полиции А.С. Майдорова. URL: <https://www.alt.kp.ru/>.
17. О введении в действие методических рекомендаций «Нормы расхода топлив и смазочных материалов на автомобильном транспорте» [Электронный ресурс]: распоряжение Минтранса РФ от 14 марта 2008 г. № АМ-23-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК 346.7:004

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Виктор Львович Акапьев¹, Андрей Анатольевич Дрога², Сергей Евгеньевич Савотченко³

^{1, 2, 3} Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ akapevvl@yandex.ru

² ABulet@rambler.ru

³ savotchenko@hotmail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ основных мер противодействия преступлениям в сфере информационных технологий. Определены обстоятельства, способствующие совершению преступлений в информационной среде. Выделены основные группы профилактических мер предупреждения преступлений в информационной сфере. Подробно рассмотрены правовые меры, предусмотренные нормами действующего законодательства. Предложены пути снижения уровня таких видов преступлений с помощью различных механизмов профилактики.

Ключевые слова: киберпреступления, преступления в сфере информационных технологий, профилактика преступлений, профилактические меры

Для цитирования: Акапьев В.Л., Дрога А.А., Савотченко С.Е. Профилактика преступлений в сфере информационных технологий // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 84-89.

Original article

PREVENTION OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

Viktor L. Akapev¹, Andrey A. Droga², Sergey E. Savotchenko³

^{1, 2, 3} Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹ akapevvl@yandex.ru

² ABulet@rambler.ru

³ savotchenkose@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main measures to counteract crimes in the field of information technology. The circumstances contributing to the commission of crimes in the information environment are determined. The work identifies main groups of measures to prevent crimes in the information sphere. The legal measures provided by the current legislation norms are considered in detail. Ways to reduce the level of such crimes types with the help of various prevention mechanisms are proposed.

Keywords: cybercrime, information technology crimes, crime prevention, preventive measures

For citation: Akapev V.L., Droga A.A., Savotchenko S.E. Prevention of crimes in the field of information technology. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;4:84-89 (In Russ.).

В состав структуры современной криминогенной обстановки киберпреступность вошла относительно недавно, но уже успела заявить о себе в полный голос. Сложившаяся ситуация вынуждает активизировать противодействие противоправным действиям в области информационных технологий (далее – ИТ), разработку новых форм и методов борьбы с ними [1]. Очевидно, что для снижения уровня преступлений в ИТ-сфере необходимы профилактические меры.

Статистика МВД России отмечает активное проникновение криминала в сферу сетевых информационных технологий, т.к. интернет стал выгодной платформой для киберпреступников. Более того, пандемия и самоизоляция в 2020 г. выступили особым катализатором этих процессов, и рост числа пользователей, пришедших в интернет, стимулировал высокую динамику преступности.

Перевод работников на удаленный режим работы, переход мелкого и среднего бизнеса в виртуальное пространство выступают дополнительными стимулами увеличения пользователей интернета. Как следствие, растут и финансовые потоки в этой среде [2]. На общем фоне стагнации экономики мошенники быстро пришли к выводу, что это легкое место для наживы, открывающее окна возможностей для быстрого обогащения [3].

К настоящему моменту масштабы данной проблемы стали такими, что привлекли внимание не только правоохранительных органов, но и научного сообщества, что и обусловило рост количества публикаций, посвященных противодействию преступлениям в ИТ-сфере [4, 5].

Следует отметить, что в современной научной литературе нет устоявшегося определения понятия «киберпреступление» [6]. Авторы в своих работах приводят различные определения данного явления [7]. Чаще всего приходится сталкиваться с трактовкой, согласно которой это противоправные действия, совершаемые в сфере информационных технологий и направленные на получение конфиденциальной информации либо персональных данных с целью извлечения прибыли.

Определенным базисом возникновения и развития киберпреступности является низкий уровень информационной культуры населения России. У большинства пользователей отсутствует или слабо сформирована информационно-технологическая компетентность в области использования ИТ для решения личных или служебных задач. Как следствие, они не знают, как правильно передавать, обрабатывать и защищать информацию, тем самым становятся жертвами мошенников.

Согласно статистике, преступления, совершенные в интернете, с каждым годом растут и демонстрируют серьезную динамику. Так, например, в 2015 г.

было зафиксировано хищение 348 млн рублей с банковских счетов, а в 2020 г. объем краж со счетов достиг 9 млрд рублей. Следовательно, по сравнению с 2015 г. число краж со счетов увеличилось примерно в 25 раз [8]!

Если безотлагательно не предпринять конкретные меры либо не провести определенную профилактику, то непрофессиональным пользователям станет просто невозможно работать в сети, т.к. в качестве жертвы мошенников может оказаться каждый, кто войдет в интернет.

Обычно киберпреступники используют интернет с целью получения прибыли, применяя такие виды атак, как фишинг, кибервымогательство, финансовое мошенничество, кражи персональных данных, шпионаж, кибербуллинг, незаконный оборот оружия и наркотиков, кибертерроризм, спам и др. [9]. С каждым годом этот перечень расширяется с появлением новых форм атак в информационной среде. К примеру, в 2021 г. самыми распространенными преступными деяниями в интернете стали:

1. Кибершантаж – вымогательство, реализуемое с помощью компьютерных технологий. Это уже не новое преступление, отличающееся большим количеством вариаций. Сюда может быть отнесен метод действий киберпреступников, заключающийся в распространении вирусных программ, которые после проникновения в компьютер жертвы шифруют все файлы пользователя, что позволяет в дальнейшем шантажировать потерпевшего, требуя заплатить выкуп за восстановление файлов.

2. АРТ-атаки – это постоянные угрозы в распространении вредоносных программ, направленных на поиск ценной информации. Также данные вирусы легко приспосабливаются к антивирусным программам и могут спокойно обойти любой блокиратор. Сам поиск информации осуществляют с помощью взлома системы и посредством использования программных уязвимостей.

Появление новых видов киберпреступлений и рост их количества подталкивают к необходимости анализа уязвимостей информационных систем, способствующих их совершению. В качестве основных уязвимостей, выступающих в качестве первопричин совершения киберпреступлений, можно выделить следующие [10]:

1) слабость парольной системы безопасности, первопричиной которой является малограмотная авторизация с использованием неграмотно сформированного логина и (или) пароля, который можно легко подобрать;

2) неудовлетворительный по качеству уровень защиты системного и прикладного программного обеспечения, который не позволяет обеспечить требуемый уровень компьютерной безопасности;

3) отсутствие должностного лица, которое носилось бы к подразделениям режима секретности и следило бы за утечкой конфиденциальной информации и её безопасностью от несанкционированного к ней доступа;

4) неконтролируемый доступ сотрудников к компьютерам, развернутым на территории подразделений органов внутренних дел, что дает возможность для реализации незаконной передачи конфиденциальных данных мошенникам за денежное вознаграждение;

5) непонимание руководителями различных уровней всей серьезности проблемы преступности в информационной среде;

6) увеличение количества финансовых операций, производимых электронным способом с использованием разнообразных платежных систем, а также заключения договоров в сети без должного контроля;

7) крайне низкий уровень сформированности информационно-технологической компетентности сотрудников органов внутренних дел в части организации борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий;

8) довольно высокий уровень латентности преступлений в сфере информационных технологий. Это приводит к тому, что основная часть противоправных действий остается неучтенной по целому ряду причин. Достаточно сказать, что в России латентность преступности в сфере информационных технологий превышает 92%, что негативно сказывается на уровне защиты российских граждан от кибератак;

9) несовершенство российского уголовного законодательства, которое, в частности, выражается в слабой проработанности в части недостаточности наказаний за несанкционированный доступ к компьютерной информации;

10) огромное количество создаваемых вирусов и практически безнаказанное распространение их в сети;

11) острая нехватка высококвалифицированных программистов в системе МВД России для борьбы с киберпреступниками, т.к. киберпреступники – это не просто мошенники, скрывающиеся за компьютером, а хорошо обученные программисты, которые знают, как скрыть свою личность в сети, что значительно осложняет их установку и идентификацию в отличие от обычного преступника. Данная проблема значительно обострилась на фоне реального снижения уровня денежного довольствия сотрудников ОВД по сравнению с доходами специалистов, работающих в государственных и коммерческих структурах.

Таким образом, существует огромное количество уязвимостей, облегчающих совершение киберпреступлений. Несмотря на всю разноплановость, их объединяет одна общая черта – содействие кибер-

преступнику в подготовке и совершении информационных преступлений. Чтобы усложнить им жизнь и переломить ситуацию, необходимо иметь четкое представление о наличии превентивных мер профилактики, направленных на пресечение киберпреступлений.

Можно выделить следующие основные группы профилактических мер предупреждения преступлений с использованием телекоммуникационных технологий: правовые, организационно-управленческие, технические [11]. С другой стороны, такие меры можно разделить на внутренние (национальные) и международные.

В Российской Федерации к правовым мерам предупреждения относятся нормы законодательства, сконцентрированные в статьях 272-274 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (ред. от 30.12.2021) [12]. Нет смысла в рамках статьи давать полный пересказ указанных правовых норм, поэтому хотелось бы отметить следующий момент: российское законодательство в его существующем состоянии не отвечает веяниям времени и требованиям современного общества. Пять статей Уголовного кодекса, даже с учетом статьи 159.6 УК РФ, – это капля в бушующем море компьютерной преступности! Кроме того, все указанные нормы, с нашей точки зрения, отличаются ничем не оправданной лояльностью к правонарушителям. Достаточно провести сравнение с федеральным законодательством США, в котором за киберпреступления предусмотрено до 25 лет лишения свободы, в то время как в Российской Федерации максимальный срок достигает 10 лет.

Другой группой мер предупреждения преступлений в информационной среде являются организационно-управленческие меры, к которым можно отнести следующие:

1) устранение возможности хищения, изменения и подделывания защищенной информации, выражающееся в расширении функций, в частности, таких органов власти, как Федеральная служба безопасности, Роскомнадзор, с целью организации перманентного контроля за виртуальным пространством;

2) пресечение незаконных действий по уничтожению, изменению, копированию информации и другого незаконного вмешательства в информационные системы с использованием существующих и перспективных информационных технологий. Например, геолокации преступников с целью их задержания или блокирования аккаунтов;

3) защита государственной тайны и конфиденциальной информации. Поддерживают защиту информации данного типа различные государственные федеральные органы исполнительной власти [13];

4) гарантия прав и свобод граждан в сетевом пространстве в сфере использования информационных

технологий. Государство гарантирует соблюдение прав и свобод человека не только в реальной жизни, но и в интернете [14];

5) проведение широкой агитационной программы и разработка мероприятий, направленных на популяризацию сведений о дающей успешные результаты борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий. В первую очередь это делается для того, чтобы преступники знали, что они могут быть пойманы и заключены под стражу. Следовательно, срабатывает принцип неотвратимости наказания даже в условиях экстерриториальности в международном уголовном законодательстве;

6) проведение разъяснительной кампании с подрастающим поколением. Так, на национальном уровне проводятся различные диалоги назначаемых лиц от правоохранительных органов с молодежью. Такие беседы проводятся в школах, университетах, колледжах для объяснения подросткам, что интернет – это не место для развлечения, это зона повышенной социальной опасности, где в любой момент могут украсть ваши персональные данные, снять деньги с вашего счета, а также выложить ваши личные фото или переписку с друзьями в интернет. Поэтому нужно быть осторожным в информационной среде, чтобы не попасться на уловки мошенников. Также необходимо пояснить молодежи, что ждет мошенников за такие деяния, ознакомить подростков со статьями 272, 273 и 274 Уголовного кодекса РФ. Чтобы снизить тенденцию к совершению противоправных деяний молодежи в информационной среде, нужно вводить в планы учебной работы образовательных учреждений дополнительные часы по дисциплине «Информатика». Благодаря этому подростки не только не будут совершать преступления в интернете, но и будут знать, как грамотно вести себя в виртуальной среде [15].

К примеру, подросток сможет обновить свое программное обеспечение для того, чтобы компьютер стал более устойчив к воздействию вредоносных программ, установить на браузер AdBlock, чтобы блокировать спам. Тинейджер получит возможность адекватно оценивать сложившуюся в сетевом пространстве ситуацию и знать, каким образом на нее реагировать, какие действия предпринимать. Так, подросток может направить свое подозрение модераторам, указав сайт, на котором возможен фишинг или который распространяет спам, либо обратиться на сайт официальной организации, где можно оставить свою жалобу.

При этом крайне важно учитывать подростковый менталитет, детский максимализм, особенности формирующейся психики и восприятия действительности.

Профилактические мероприятия правоохранительных органов должны не оставаться в виде планов

и отчетов на бумаге, а обязательно реализовываться. Только тогда организационно-управленческие меры позволят значительно снизить количество преступлений в информационной среде.

В качестве следующей группы мер предупреждения информационных преступлений можно выделить технические меры – это меры, реализуемые с использованием возможностей аппаратно-программных средств информационных технологий [16].

Исходя из своего названия, они подразделяются на аппаратные и программные методы. Аппаратные методы служат для того, чтобы защищать телекоммуникационные технологии от нежелательных физических воздействий. Программные методы нужны для того, чтобы при передаче никакая информация не была похищена либо искажена кем-либо. Для этого используются различные методы шифрования данных.

Естественно, приведенную классификацию мер предупреждения нельзя считать полной и исчерпывающей. Данная проблематика закономерно требует дальнейшего исследования.

В отдельную категорию выделяют международные меры предупреждения киберпреступлений – это меры, направленные на решение проблемы на международном уровне путем проведения различных конференций либо собраний представителей государств и правоохранительных органов [17]. В настоящее время в связи с развитием информационных технологий и переходом постиндустриального общества к информационному решать проблему киберпреступности на национальном уровне становится всё тяжелее, поэтому приходится объединяться с другими государствами и решать проблему на международном уровне совместными усилиями [2].

Киберпреступность должна ограничиваться всеми субъектами, но именно от государств будет зависеть полномасштабное решение данной проблемы. Только тогда те, кто наиболее подвержен опасности от посягательств преступников, смогут спокойно находиться в интернете. Поэтому государство обязано создать беспроязвительную информационную защиту [13], для чего и было создано управление «К» в МВД. Ранее, в 2015 г., был организован Центр борьбы с киберугрозами финансового характера для того, чтобы получать всю информацию о киберпреступлениях в финансовой сфере от банков и на основе ее анализа давать рекомендации банкам по противодействию киберпреступности.

Управление «К» МВД было создано 4 декабря 2017 г. по поручению Президента РФ. Управление «К» возглавляет Министр внутренних дел РФ. Эта организация является самым засекреченным подразделением по всей России, предназначенным для пресечения преступлений в сфере компьютерной информации:

1) преступлений, направленных на распространение материалов порнографического характера с участием несовершеннолетних, т.е. преступлений, угрожающих общественной нравственности;

2) преступлений, связанных с незаконным оборотом информационных технологий, предназначенных для незаконного получения конфиденциальной информации;

3) с распространением агитации, призывающей к суициду;

4) с мошенничеством с банковскими счетами;

5) как и ФСБ, занимается выявлением и пресечением незаконного подключения и подслушивания телефонных разговоров;

6) преступлений, указанных в ст. 272, 273 и 274 УК РФ. К примеру, пресечение преступлений, связанных с распространением вирусных программ.

В заключение можно отметить, что в современном мире за преступления в информационной среде предусмотрены уголовные наказания в виде лишения свободы, но, к сожалению, киберпреступников это не останавливает, поэтому всей системе правоохранительных органов в общем и МВД России в частности необходимо включиться в активную разработку действительно действенных мер по борьбе с киберпреступлениями.

Таким образом, для того чтобы предотвратить киберпреступления, следует ужесточить уголовную ответственность за преступления в информационной

среде, усилить контакты правоохранительных органов с населением, проводить различные профилактические беседы с гражданами, а также рассматривать проблему на международном уровне для создания организаций, направленных на решение проблемы киберпреступности в современном мире. В частности, необходимо:

1) разработать порядок эффективного взаимодействия правоохранительных органов с международными организациями для обмена информацией о киберпреступности и для совместной борьбы с ней;

2) благоприятствовать проведению ежегодных научных конференций по проблемам выявления, пресечения и расследования киберпреступности;

3) подготовить методические рекомендации по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений в информационной среде;

4) создавать ведомственные подразделения либо иные межведомственные организации, направленные на борьбу с киберпреступностью;

5) в рамках повышения квалификации и профессиональной переподготовки сотрудников ОВД разработать программу подготовки специализированных кадров для работы по защите информационных технологий от угроз киберпреступников.

Все эти меры необходимы, т.к. именно государство и всё общество в целом с их помощью смогут справиться с такой серьезной проблемой, как киберпреступность.

Список источников

1. Номоконов В.А. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы // Библиотека криминалиста. 2018. № 5 (12). С. 137-150.
2. Трунцевский Ю.В. Киберпреступления в корпоративной среде: риски, оценка и меры предупреждения // Российский следователь. 2014. № 21. С. 19-22.
3. Кумышева М.К. Киберпреступность в России и в мире // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 195-214.
4. Бутусова Л.И. Характеристика и сущность киберпреступлений // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3. С. 28-31.
5. Чекунов И.Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. 2014. № 18. С. 53-56.
6. Кочкина Э.Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. С. 162-169.
7. Халиуллин А.И. Подходы к определению киберпреступления // Российский следователь. 2015. № 1. С. 34-39.
8. Гайфутдинов Р.Р. Типы компьютерных мошенников // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 54-58.
9. Иванова Л.В. Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. 2019. № 1. С. 25-33.
10. Евдокимов К.Н. Причины компьютерной преступности в современной России // Российский следователь. 2017. № 2. С. 40-50.
11. Эмиров М.Б. Борьба с преступлениями в глобальных компьютерных сетях // Юридический вестник Белгородского государственного университета. 2018. № 3. С. 49-56.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О государственной тайне: федеральный закон от 21.07.1993 № 5485-1-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1993. № 58. Ст. 20.

14. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 05.09.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

15. Баринов В.Б. Сущность оперативно-розыскной профилактики преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 173-198.

16. Кузнецова М.В. Противодействие компьютерным преступлениям // Правоведение. 2019. № 1. С. 19-25.

17. Даненьян А.А. Международное правовое регулирование киберпространства // Наука и право. 2020. № 2. С. 239-268.

Информация об авторах

В.Л. Акапьев – кандидат педагогических наук;

С.Е. Савотченко – доктор физико-математических наук, доцент.

Information about the authors

V.L. Akapev – Candidate of Science (Pedagogy);

S.E. Savotchenko – Doctor of Science (Physics and Mathematics), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.2

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСРЕДСТВЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 171.3 УК РФ

Василий Анатольевич Виссаров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vissar2016@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется место и роль теории посредственного исполнения преступления в правоприменительной деятельности. Автор акцентирует внимание на проблеме отсутствия законодательного закрепления института посредственного исполнения преступления. Проведенное исследование позволило выявить критерии субъекта, не подлежащего уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ.

Ключевые слова: теория посредственного исполнения, посредственный исполнитель, институт соучастия, субъект преступления

Для цитирования: Виссаров В.А. Квалификация посредственного исполнения преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 90-93.

Original article

QUALIFICATION OF THE MEDIOUS PERFORMANCE OF THE CRIME SPECIFIED IN ART. 171.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vasilij A. Vissarov

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
vissar2016@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the place and role of the theory of mediocre execution of a crime in law enforcement. The author focuses on the problem of the lack of legislative consolidation of the institution of mediocre execution of a crime. The study made it possible to identify the criteria for not being subject to criminal liability for committing a crime under Art. 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: theory of mediocre performance, mediocre performer, institution of complicity, subject of crime

For citation: Vissarov V.A. Qualification of the medious performance of the crime specified in art. 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:90-93 (In Russ.).

Неотъемлемой частью федеральной и национальной систем безопасности является безопасность экономическая. Олицетворяя состояние защищенности жизненно важных принципов и интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, безопасность служит индикатором благосостояния государства. Как отмечает Н.А. Лопашенко, большинство совершаемых в стране преступлений по-прежнему является экономическими [1, с. 35]. Следовательно, в отсутствие четкой уголовно-правовой регламентации такая система представляется неполноценной.

Незаконное производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции являются частным случаем незаконного предпринимательства. Такая деятельность создает непосредственную угрозу экономике Российской Федерации, поскольку осуществляется в обход правовых предписаний отраслевого законодательства и не поддается контролю со стороны государственных органов. Но как бы то ни было, на определение незаконной экономической деятельности вполне может быть распространено общее определение экономики, целью которой является создание и использование человеком системы жизнеобеспечения, воспроизведения жизни людей, поддержание и улучшение условий существования, удовлетворения потребностей.

Аксиоматичным является тот факт, что легальная экономическая деятельность, как и незаконная, преследует цель извлечения прибыли. В этой связи все же стоит признать, что незаконное предпринимательство входит в структуру российской экономики, хоть и является преступным. И.А. Аксенов справедливо отмечал, что существование такой противоправной деятельности имеет не только негативные стороны, поскольку создает дополнительные рабочие места, производит продукцию, оказывает различного рода услуги и в конечном счете повышает благосостояние общества [2, с. 2]. Однако приведенные доводы в пользу теневых экономических процессов в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции вряд ли приемлемы. Посягая на установленный порядок лицензирования и осуществления экономической деятельности, указанные деяния создают угрозу не только экономике, но и жизни, здоровью конечных потребителей. Данный вывод обусловлен логическим толкованием положений пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Вместе с тем из приведенных автором характеристик незаконной экономической деятельности наи-

большой интерес представляют ситуации, при которых субъект для достижения преступного результата использует действия (бездействие) наемных работников, не подозревающих о преступных намерениях своего работодателя.

В уголовно-правовой доктрине такое явление именуется «посредственным исполнением» [3, с. 75], «посредственным причинением» [4, с. 96-97], «посредственным виновничеством» [5, с. 30] либо «мнимым соучастием» [6]. Однако следует согласиться с Н.В. Баранковым, наиболее приемлемым из вышеприведенных понятий представляется термин «посредственный исполнитель» [7], поскольку является общепризнанным в российской криминалистической науке и соответствует корректному этимологическому пониманию.

Анализируя место и роль посредственного исполнения преступления, практически все исследователи придерживаются единого мнения о том, что существование рассматриваемой юридической фикции в уголовно-правовой науке является оправданным и необходимым. Рассматриваемая теория является аксессуарной по отношению к институту соучастия и позволяет квалифицировать преступление исключительно в отношении субъекта, фактический характер действий которого является смежным с преступным поведением организатора либо подстрекателя.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в процессе анализа приговоров по статье 171.3 УК РФ установлены указания на лиц, выполняющих объективную сторону рассматриваемого преступления невиновно. В этой связи не стоит умалять и практическую значимость учения о посредственном исполнении, поскольку игнорирование его положений означало бы прямое нарушение принципов вины и законности, закрепленных в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В соответствии с положениями статьи 33 УК РФ исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами, а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств. Следует отметить, что уголовным законом выделяются три вида преступного поведения исполнителя, каждый из которых обособлен союзами «либо» и «также».

Уголовно-правовая доктрина и практика правоприменения справедливо отрицают существование неосторожного соучастия в умышленных преступлениях. Следует согласиться с суждениями А.Н. Трайнина: «...быть исполнителем одному также невозможно, как одному быть подстрекателем и исполнителем» [8, с. 104].

В этой связи считаем целесообразным рассмотреть вопрос о порядке установления критериев субъекта, не подлежащего уголовной ответственности за незаконные производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

В правоприменительной деятельности известно так называемое классическое понимание посредственного исполнения, когда субъект противоправного деяния не обладает его общими признаками либо причиняет невиновный вред. Между тем о данной юридической фикции стоит вести речь и в ситуациях, когда лицо фактически выполняет деяния, составляющие объективную сторону конкретных преступлений.

К примеру, 26 марта 2019 г. в помещении магазина «Продукты 24», принадлежащего на праве собственности М., который, не имея соответствующей лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, используя продавца указанного магазина, не осведомленного о преступных намерениях своего работодателя, в рамках доследственной проверки осуществил розничную продажу сотруднику прокуратуры одной бутылки водки «Царь» объемом 0,25 л. После этого в помещении вышеуказанного магазина был произведен осмотр места происшествия, в ходе которого была изъята алкогольная продукция, незаконно хранящаяся для розничной торговли [9].

Одним из возможных вариантов квалификации описанного деяния может являться признание М. организатором в совершении незаконной розничной продажи, тогда как действия продавца – его исполнителем. Такая квалификация может иметь место только при установлении совместного умысла продавца и М. В противном случае, если продавец не знал о незаконности оборота алкогольной продукции, его привлечение к ответственности является объективным вменением. Приведенный довод частично подтверждается позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой работники юридического лица, выполняющие на основе трудового договора функции, связанные с производством и оборотом продукции рассматриваемого вида, не могут быть признаны субъектами преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ [10].

Подводя черту под изложенными выше фактами, отметим, что в процессе квалификации посредственного исполнения рассматриваемого преступления следует обращать внимание на три момента. Во-первых, принципиальным условием признания лица посредственным исполнителем выступает то обстоятельство, что для достижения целей рассматриваемой незаконной деятельности он действует опосредованно, т.е. использует для выполнения объективной стороны невиновного агента.

Во-вторых, о посредственном исполнении рассматриваемого преступления может идти речь толь-

ко тогда, когда такое лицо соответствует признакам общего субъекта. При этом, как отмечает Е.Ю. Пудовочкин, способность лица выступать субъектом деяния, исполненного невиновным агентом, решающего значения не имеет [11, с. 65]. Однако существуют и отличные от представленной точки зрения мнения.

Так, В.А. Блинников, рассматривая проблемы уголовной ответственности за причинение вреда под воздействием физического или психического принуждения, пишет: «...в ситуации, когда принуждающий не является субъектом деяния, совершенного принуждаемым, уголовной ответственности он не подлежит. А так как не подлежит уголовной ответственности и принуждаемый, то наличествует ситуация, в которой уголовно значимый вред имеется, но отвечать за причинение некому» [12, с. 84]. Думается, что такое понимание уголовного закона вряд ли приемлемо, поскольку факт принуждения к совершению общественно опасного деяния свидетельствует лишь о том, что такой исполнитель должен нести уголовную ответственность за сам факт осуществления указанных действий. Соответственно, в случаях, когда посредственный исполнитель рассматриваемого преступления вовлекает несовершеннолетнего в осуществление незаконного оборота рассматриваемой продукции (ст. 171.3 УК РФ), он подлежит ответственности дополнительно по ст. 150 УК РФ [13].

В-третьих, совершенные невиновным лицом действия вменяются посредственному исполнителю в полном объеме только в том случае, если они охватываются его сознанием. Изложенное позволяет резюмировать то, что в случаях, когда невиновные лица действуют как соисполнители (один, выполняя функции продавца, реализует алкоголь, а второй, выполняя логистическую деятельность, перевозит такую продукцию), содеянное каждым из них вменяется посредственному исполнителю.

Диаметрально противоположными представляются те ситуации, при которых такие лица могут сделать вывод о незаконности их деятельности. В частности, к таковым следует отнести: 1) осуществление трудовой деятельности в отсутствие соответствующего договора; 2) проведение «работодателем» различных инструктажей о порядке действий в случаях осуществления проверочных мероприятий контролирующими органами; 3) доведение до наемных рабочих мер конспирации рассматриваемой деятельности и др.

В подтверждение такой позиции приведем пример. Г., Б., М. в нарушение положений Закона № 171-ФЗ осуществили незаконные хранение, перевозку и розничную продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. В ходе допроса Б. заявил, что осуществлял противоправную деятельность в качестве наемного работника, ежемесячно получал заработную плату и не знал об осуществ-

влении работодателем противоправной деятельности. Однако суд, относясь критически к показаниям Б., указал, что в силу установленных в рамках ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» фактов в отношении членов организованной группы было установлено, что Б. был осведомлен обо всех аспектах преступной деятельности и принимал в ней непосредственное участие [14].

Изложенное позволяет заключить, что основным критерием исполнителя, не подлежащего уго-

ловной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, является отсутствие его осведомленности о противоправной деятельности работодателя. Действия же работника, осознанно осуществляющего трудовую деятельность, связанную с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, следует квалифицировать по правилам главы VII УК РФ «Соучастие в преступлении».

Список источников

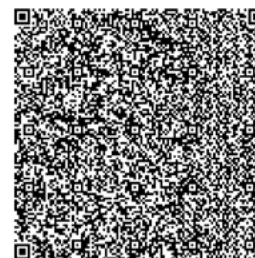
1. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография: в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2022. Ч. 1. 568 с.
2. Аксенов И.А. Криминализация экономики как угроза экономической безопасности России // Юрист. 1999. № 10. С. 20-24.
3. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юридическая литература, 1974. 208 с.
4. Ковалёв М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 204 с.
5. Хейфец И.Я. Подстрекательство к преступлению. М.: Изд. юрид. кн. магазина «Правоведение» И.К. Голубева, 1914. 128 с.
6. Гамкрелидзе О.К. Соисполнительство и посредственное исполнительство по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1973. 22 с.
7. Баранков Н.В. Посредственное исполнение преступления // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2. С. 145-156.
8. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941. 160 с.
9. Приговор Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 12 сентября 2019 года по делу № 1-715/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2JM0CV3qhVbX/> (дата обращения: 17.02.2022).
10. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Пудовочкин Е.Ю. Уголовно-правовая оценка посредственного причинения вреда // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2 (43). С. 63-68.
12. Денисюк М.Е. Опосредованное (посредственное) исполнение преступлений со специальным субъектом // Промышленно-торговое право. 2014. № 7. С. 83-86.
13. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Приговор Пролетарского районного суда г. Твери от 30 августа 2019 года по делу № 1-139/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EWsezdM1ukNx/> (дата обращения: 17.02.2022).

Информация об авторе

В.А. Виссаров – адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V.A. Vissarov – postgraduate student of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.3:004

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, РАСПРОСТРАНЯЕМОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СФЕРЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Евгения Александровна Жигалова

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, razr15@rambler.ru

Аннотация. В статье приведены научные и исследовательские точки зрения авторов, рассматривающих некоторые особенности уголовно-правового регулирования распространения информации экстремистской направленности посредством использования средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет. В статье дана оценка состояния уголовно-правовой защиты интернет-сообщества на предмет предотвращения экстремистских преступлений. Проведенный анализ показал, что механизм продуктивного реагирования пока не создан и в полной мере оказывать сопротивление распространению негативной информации не может. Установление точек соприкосновения принципов молодежной стандартизации и непосредственного влияния на её образование со стороны средств телекоммуникации позволит качественно дифференцировать поступающую к ней информацию.

Ключевые слова: преступность, молодежь, противодействие, телекоммуникации, уголовное наказание, Интернет, экстремизм, информация, ответственность

Для цитирования: Жигалова Е.А. Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования противодействия информации экстремистской направленности, распространяемой с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 94-97.

Original article

SOME ISSUES OF CRIMINAL LAW REGULATION OF COUNTERING EXTREMIST INFORMATION DISSEMINATED USING TELECOMMUNICATIONS AND COMPUTER INFORMATION

Evgenija A. Zhigalova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, razr15@rambler.ru

Abstract. The article presents scientific and research points of view of the authors, who examine some features of the criminal law regulation of the dissemination of extremist information using mass media or information and telecommunications networks, including the Internet. The article assesses the state of criminal legal protection of the Internet community for the prevention of extremist crimes. The analysis shows that the mechanism of productive response has not yet been created yet and fail to fully resist the spread of negative information. Establishing points of contact between the principles of youth standardization and the direct influence on its education by means of telecommunications will make it possible to qualitatively differentiate the information received by them.

Keywords: crime, youth, counteraction, telecommunications, criminal punishment, Internet, extremism, information, responsibility

For citation: Zhigalova E.A. Some issues of criminal law regulation of countering extremist information disseminated using telecommunications and computer information. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:94-97 (In Russ.).

© Жигалова Е.А., 2022

Преступность как социальное явление, выходящее за рамки того, что мы привыкли признавать в качестве безопасности, все больше охватывает различные сферы социального обустройства. В частности, последние исследования в области криминологии, определяющие детерминанты формирования и развития преступности в обществе, свидетельствуют о постепенном росте опасных деяний прежде всего в тех сферах, где использование человеком цифровых коммуникаций становится перманентным [1, с. 91-98].

Вместе с тем, если обратить внимание на уже устоявшиеся тенденции проявления преступности в современном мире, можно выявить закономерность следующего характера: чем шире развивается сфера цифровой индустрии, тем больше в ней выявляется преступлений. И такие тенденции представляются нам вполне закономерными, т.к. рост качества оказываемых услуг и просто общения населения сегодня сильно зависит от использования различных цифровых технологий и программ. Следовательно, человек таким образом становится участником формата порой до конца ему неизвестных отношений.

Небрежность в вопросе использования цифровых технологий со стороны большинства граждан делает их уязвимыми, а сами такие отношения опасными (незащищенными). Стоит отметить, что именно цифровые и компьютерные ресурсы применяются гражданами для передачи не просто информации, а производства денежных переводов (транзакций), с одной стороны, делающих обращение с собственными сбережениями доступным и удобным, с другой – позволяющих почти что беспрепятственно обманывать слабо защищенные категории относительно того, какие манипуляции им нужно совершить, чтобы избежать элементарного обворовывания.

Так, автор диссертационного исследования «Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации» Г.Р. Григорян указывает, что тенденции, которые сегодня связывают с развитием социального благоустройства, уже нельзя представить без использования средств цифровой коммуникации. В таких устройствах люди не просто хранят сведения о себе (личностные характеристики и метрики, фотографии, сведения о семейной и личной жизни), но и «закачивают» в их память специальные данные о собственном материальном положении (банковские реквизиты, номера счетов, информацию о денежных переводах и многое другое), получение которых для мошенника, обладающего познаниями в области использования цифровых технологий, не составляет труда. Как следствие, наши граждане не прекращают осваивать то, что облегчает их социальное положение, но очень редко придают значение

тому, как защищать данные сведения [2, с. 243]. Государство же в этом вопросе основной упор делает на создание эффективных механизмов правового противодействия (прежде всего уголовно-правового), по сути, сводя решение вопроса негативного влияния на сознание граждан к установлению необходимых мер санкционного реагирования.

Помимо этого, внимание исследователей приковано к еще одной очень серьезной проблеме легитимного использования цифровых технологий со стороны различных экстремистских и террористических организаций, прежде всего в отношении представителей молодежной среды [3]. Вполне закономерно, что большинство преступлений экстремистской направленности совершается посредством распространения влияющей на сознание граждан информации через специально созданные ресурсы или контенты.

В свою очередь, анализ нормативных правовых актов, регулирующих вопросы борьбы с негативными социальными явлениями, указывает на то, что законодательная логика в большей степени направлена на искоренение именно терроризма, даже несмотря на то, что экстремистская деятельность может приводить к не менее опасным последствиям. В какой-то момент развития институтов уголовного права данный уклон привел к тому, что экстремистские правонарушения не признавались столь же серьезными, чтобы им было уделено такое большое внимание [2, с. 32].

Однако далее, в т.ч. и по причине кардинальных изменений в сфере развития цифровых технологий, а также их крайне активного использования на фоне обостряющихся международных политических и внутренних отношений, специалисты в области уголовного права переориентировали свои взгляды на данный феномен.

Стоит ли говорить, что основной причиной таких перемен стали общественные преобразования последнего времени, а также уже выработанные позиции по отношению к рассматриваемому явлению со стороны других стран? Так, согласно положениям Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. [4], участником которой выступает и Российская Федерация, преступления экстремистской направленности оправданы быть не могут, соответственно, лица, причастные к их совершению, должны понести ответственность согласно нормам уголовного закона.

Прежде всего, для того, чтобы качественно сформировать правовое основание для введения уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности, необходимо было максимально объективно оценить сущность самого явления «экстремизм», провести нормативное дефинирование выработанного понятия, а затем дать надлежащую оценку тому, какие именно общественно

опасные последствия могут возникнуть на фоне его использования в социуме, если источником распространения будут служить массовые средства коммуникации.

Стоит отметить, что на данный момент понятие «экстремизм» трактуется законодателем достаточно широко и имеет множественное значение. К примеру, в том же Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон) [5] экстремизм рассматривается в качестве многообъектного явления, затрагивающего такие аспекты деятельности человека, как призывы к определенным действиям, финансирование организаций и лиц, оказывающих содействие в распространении данного явления, пропаганда политических, в т.ч. и оппозиционных, взглядов и мнений и многие другие (п. 1 ст. 1 Закона). Вполне логично, что включение или даже упоминание всех указанных в Законе понятий в нормах уголовного права привело бы к «перегрузке» диспозиций и впоследствии только бы запутывало правоприменителя, поэтому законодатель, остановившись на термине «экстремистская деятельность», в уголовном законе в большей степени сконцентрировался на квалифицирующих признаках, которыми затрагивается аспект её интеграции в общественную жизнь. Прежде всего к таковым следует отнести неизбежность социальной дестабилизации, выражение которой является сопутствующим фактором проявления экстремизма в социальной среде. Законодатель, конфигурируя правовой принцип определения действий экстремистской направленности, определяет, что указанная стабилизация следует из призыва к её совершению, и поэтому выделяет призыв в качестве квалифицирующего признака. Что касается такого признака, как средство телекоммуникации, то его свойства выделяются в качестве признаков именно по причине всеобщего распространения.

Так, в диспозиции ст. 282 Уголовного кодекса РФ [6] изначально было указано на то, что деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет, относится к общественно опасным и будет служить поводом для привлечения к ответственности. В данном случае законодатель, закладывая смысл в оценку влияния тех же средств массовой информации на сознание граждан, заведомо ставит акцент на его использовании со стороны нарушителя. Аналогичное положение дел и в других составах УК РФ, предусматривающих ответственность за нарушение правил «антиэкстремистского» законодательства.

Исследователями, которые рассматривают аспект эффективности использования уголовно-правовых норм в борьбе с экстремистскими проявлениями

в сети Интернет, отмечается, что УК РФ дополняется новыми нормами, устанавливающими основания для наказания тех, кто посредством негативного воздействия на сознание граждан через различные интернет-сайты и мессенджеры формирует в её среде радикалов, способных делать только одно – совершать преступления экстремистской направленности [7, с. 32-33].

Вместе с тем введенная в УК РФ ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности еще не имеет четкого и последовательного механизма её реализации. В частности, как нередко случалось при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности, органы правопорядка отказывают в их возбуждении именно по причине того, что по ним не было представлено достаточных доказательств о наличии у подозреваемого умысла на возбуждение вражды или ненависти. Кроме того, одной из проблем в квалификации содеянного является то, что органам предварительного расследования очень сложно доказать, что факт распространения той или иной информации экстремистского содержания был произведен конкретным лицом – субъектом преступления. В результате сложившегося положения дел Пленум Верховного Суда РФ внес ряд изменений в собственные акты (постановления) [8], где в первую очередь затронул правовую позицию по вопросам надлежащей квалификации экстремистских деяний, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет.

К примеру, в контексте данных изменений Верховный Суд РФ указал, что деяния, формально подпадающие под действие ст. 282 УК РФ, не всегда можно признавать преступными и тем самым ставить вопрос о немедленном возбуждении уголовного дела. В большей степени размещение в сети информации, даже экстремистской направленности, может служить доказательством только её опубликования, но никак не призыва к совершению определенных действий при условии, если такая информация содержит явные и конкретные призывы к экстремизму. В то же время эту проблему не решить исключительно путем усиления мер уголовной ответственности, а также запретов на использование или размещение определенного интернет-контента.

На основании проанализированных данных стоит отметить, что в контексте остро стоящей проблемы противодействия экстремистской деятельности в сфере использования средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет, необходима серьезная просветительская и профилактическая работа, в которой вектор внимания должен быть направлен не на

ограничение использования онлайн-пространства, а на эффективную цифровую социализацию пользователей, в особенности из числа молодого поколения, а также формирование в нем качеств ответственных и компетентных пользователей. Стоит подумать и над тем, что введение уголовной ответственности за совершение экстремистских деяний посредством использования средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет, не всегда оправдывает те средства, к которым необходимо прибегать, когда на контроле у правоохранителей оказывается несовершеннолетний. Вполне логично заметить, что упоминаемое интернет-пространство само по себе – только сфера отношений со своими правилами, и производить

социальную корреляцию указанного пространства следует с учетом действия данных правил. В свою очередь, законодателю необходимо конкретизировать ряд положений, к примеру, определяющих суть явления экстремизма, устанавливающих в его внутренней структуре более точные квалифицирующие признаки, тем самым, с одной стороны, снижая сущность интернет-влияния на сознание граждан в формировании антиобщественного поведения, с другой – не позволяя правоприменителям выходить за рамки разумного представления о том, что действительно является общественно опасным, а что, к примеру, представляет из себя поведение, где заявление о собственной свободе с какого-либо цифрового ресурса не будет иметь негативных последствий.

Список источников

1. Синчуринов О.В. Предупреждение преступлений в сфере цифровых технологий при осуществлении государственных закупок // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практ. конф-ции (Москва, 25 марта 2021 г.) / отв. ред. Б.В. Яценко. М.: Проспект, 2021. С. 91-98.
2. Григорьев Г.Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. 243 с.
3. Пинкевич Т.В., Зубалова О.А. Современное состояние экстремизма и терроризма в условиях развития цифровых технологий // ЮП. 2020. № 3 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-ekstremizma-i-terrorizma-v-usloviyah-razvitiya-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 23.03.2022).
4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003.
5. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Заидова М.У., Усманов А.А. Преступления экстремистской направленности: понятие, виды и общая характеристика // NovaInfo.Ru. 2021. № 123. С. 32-33.
8. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 11 (ноябрь).

Научная статья

УДК 343.85 (571.150)+351.74(571.150)

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЧАСТИЧНОЙ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОБОЕВ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДАННЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Илья Николаевич Заварыкин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, criminal-man@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется эффективность частичной декриминализации побоев, а также рассматриваются пути решения проблем, связанных с профилактикой участковыми уполномоченными полиции данного негативного социального явления. Автор приходит к выводу о том, что опасения специалистов и граждан относительно снижения предупредительного потенциала ст. 116 УК РФ в связи с частичной декриминализацией побоев не оправдались. Он также отмечает, что привлечение к административной ответственности за побои имеет более оперативное профилактическое и охранительное воздействие.

Для более эффективного противодействия побоям участковым уполномоченным полиции очень важно организовать информирование населения, в рамках которого доводить до граждан сведения правозащитного характера, обосновывать необходимость сообщения о случаях преступных посягательств в правоохранительные органы.

Ключевые слова: побои, декриминализация, противодействие преступности, участковые уполномоченные полиции

Для цитирования: Заварыкин И.Н. К вопросу об эффективности частичной декриминализации побоев и осуществления противодействия данным правонарушениям участковыми уполномоченными полиции Алтайского края // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 98-101.

Original article

ON THE ISSUE OF EFFICIENCY OF BEATING PARTIAL DECRIMINALIZATION AND COUNTERACTION TO THESE CRIMES BY DISTRICT POLICE OFFICERS IN THE ALTAI REGION

Iliia N. Zavarykin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, criminal-man@mail.ru

Abstract. The article analyzes the effectiveness of the partial decriminalization of beatings, and also discusses ways to solve problems related to the prevention of this negative social phenomenon by district police officers. The author comes to the conclusion that the fears of specialists and citizens regarding the reduction of the preventive potential of Art. 116 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the partial decriminalization of beatings have not panned out. He also notes that bringing to administrative responsibility for beatings has a more prompt preventive and protective effect.

In order to more effectively counteract beatings by district police officers, it is very important to organize public information, within which to bring human rights information to citizens, to justify the need to report cases of criminal attacks to law enforcement agencies.

Key words: beatings, decriminalization, combating crime, district police officers

For citation: Zavarykin I.N. On the issue of efficiency of beating partial decriminalization and counteraction to these crimes by district police officers in the Altai region. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:98-101 (In Russ.).

Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» установил правовую и организационные основы системы профилактики правонарушений, общие правила ее функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений.

Естественно, что подобные организационно-правовые изменения потребовали от государства принятия определенной стратегии в противодействии преступности. Одной из задач такой стратегии стало реформирование уголовной политики, в т.ч. выразившееся в повышении эффективности действия норм уголовного закона, реализации целей уголовного наказания, использовании мер административно-правового воздействия для предупреждения совершения правонарушений.

В 2016-2017 годах были частично декриминализованы побои. Данные изменения объяснялись возможностями более эффективной борьбы с преступностью с наименьшими социальными последствиями и издержками для государства, общества и граждан.

Как известно, уголовная ответственность за совершение побоев закреплена в ст. 116-116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Это нормы с так называемой двойной превенцией, т.е. нормы об уголовной ответственности за такие деяния, которые создают условия для совершения других более тяжких преступлений. Они имеют двойное профилактическое действие: во-первых, в отношении деяний, для борьбы с которыми они непосредственно предназначены; во-вторых, в отношении более тяжких преступлений, для которых создается благоприятная почва, если первые деяния останутся без реагирования. К ним также относятся нормы об ответственности за хулиганство, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, истязание, незаконный оборот оружия, вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и некоторые другие. Эффективность их профилактического воздействия зависит от того, насколько своевременно лицо будет привлечено к ответственности за деяние, создающее условия для совершения других более опасных преступлений [1, с. 99].

Частичная декриминализация побоев и закрепление административной ответственности за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния (ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об

административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)), вызвали оправданные опасения среди ученых, правоохранителей и граждан. Основной тезис этих опасений заключался в том, что непривлечение лица к уголовной ответственности за побои породит эффект безнаказанности, а установление уголовной ответственности за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, выглядело как предоставление возможности совершать вышеуказанные действия редко, но периодически.

Профилактический потенциал норм с двойной превенцией всегда был достаточно высоким [2, с. 60-63]. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что роста количества убийств, причинения тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью в связи с изменением редакции ст. 116 УК РФ не произошло. Кроме того, количество уголовно наказуемых побоев к 2021 г. в России сократилось почти на 17,5 тыс., а преступлений, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, увеличилось на 1775 зарегистрированных фактов с 2016 г.

В 2017 году в Российской Федерации административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ было подвергнуто 113 437 человек, из них административному аресту – 8850 человек. В 2021 году административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ был подвергнут 109 801 человек, из них административному аресту – 6341 человек.

В Алтайском крае прослеживалась такая же тенденция. Так, в 2017 г. за административно наказуемые побои было составлено 5880 протоколов, административному аресту было подвергнуто 135 человек. В 2021 году за административно наказуемые побои было составлено 4951 протокол, административному аресту было подвергнуто 144 человека.

Таким образом, опасения специалистов и граждан относительно того, что частичная декриминализация побоев уменьшит предупредительный потенциал ст. 116 УК РФ, не оправдались.

Следует отметить, что привлечение к административной ответственности за побои имеет более оперативное профилактическое и охранительное воздействие. Дело в том, что большинство данных правонарушений совершается в семейно-бытовой сфере в отношении близких лиц. Поэтому возникали проблемы с привлечением виновных к уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) ст. 116 УК РФ до 03.07.2016 относилась к преступлениям частного обвинения. Уголовные дела о таких преступлениях возбуждались не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежали прекращению в связи с примирением

потерпевшего с обвиняемым. Близкие лица, в особенности жены, дети, старики, часто не соглашались заявлять о совершенных побоях, боясь длительного процесса привлечения к уголовной ответственности виновных, волокиты со стороны правоохранителей, последствий в виде судимости, а также других социальных последствий. Изменение законодательства устранило данные эмоциональные и нравственные моменты, упростило сам процесс привлечения теперь уже не к уголовной, а к административной ответственности, предоставило судам широкий перечень административно-правового воздействия на правонарушителя.

Наказание за побои по ст. 6.1.1 КоАП РФ имеет альтернативный характер и выражается в наложении административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей либо в административном аресте на срок от десяти до пятнадцати суток, либо в обязательных работах на срок от шестидесяти до ста двадцати часов.

Отмена законом уголовной ответственности за определенное деяние с одновременным его переводом под действие КоАП РФ свидетельствует о том, что федеральный законодатель продолжает рассматривать данное деяние как правонарушающее, однако по-иному оценивает характер его общественной опасности.

Следует отметить и то, что Федеральным законом от 28.06.2022 № 203-ФЗ ст. 116.1 УК РФ была дополнена указанием на привлечение к уголовной ответственности за нанесение побоев лицом, подвергнутым не только административному наказанию, но и имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия. Данная норма призвана строже наказывать системных «дебоширов» и «драчунов».

Преобразование ответственности за побои существенно изменило практику работы судебной системы и правоохранительных органов, в особенности участковых уполномоченных полиции (далее – УУП).

Пункт 9.2 Приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» закрепляет обязанности участкового уполномоченного полиции по осуществлению превентивных мер по снижению риска совершения преступлений лицами, имеющими непогашенную (неснятую) судимость, уделяя особое внимание выявлению деяний, предусмотренных ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 и 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 6.1.1 и 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также бытовых преступлений.

Участковый уполномоченный полиции во время профилактического обхода административного участка обязан выявлять лиц, склонных к совершению бытовых преступлений, алкоголиков, а также лиц, пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми в силу их малолетнего либо престарелого возраста, и принимать меры к привлечению к соответствующей ответственности виновных и защите вероятных или реальных жертв правонарушений.

Одним из важнейших направлений профилактики побоев является информационное и методическое обеспечение как участковых уполномоченных полиции, так и граждан, создание условий для их взаимодействия с правоохранительными органами [3, с. 47].

В связи с этим сотрудниками кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России для участковых уполномоченных полиции подготовлено учебное пособие, посвященное особенностям проведения предварительной проверки по преступлениям, подследственным дознанию органов внутренних дел, где рассмотрены особенности проведения предварительной проверки по сообщению о нанесении побоев [4]. Это учебное пособие используется в учебном процессе БЮИ МВД России при повышении квалификации, а также в рамках служебной подготовки участковых уполномоченных полиции Алтайского края и других регионов.

Также участковым уполномоченным полиции очень важно организовать информирование населения, в рамках которого доводить до граждан сведения правозащитного характера, о типичных ситуациях совершения преступлений, об ошибках поведения жертв и способах их устранения, о способах самозащиты при противоправных посягательствах, информацию о местонахождении правоохранительных органов, центров специализированной помощи. В СМИ обосновывать необходимость сообщения о случаях преступных посягательств в правоохранительные органы.

Также следует отметить, что очень важно со стороны участковых уполномоченных своевременно и в соответствии с законодательством Российской Федерации реагировать на заявления и обращения граждан.

Так, в Алтайском крае мероприятия по противодействию семейно-бытовым преступлениям проводятся регулярно, например оперативно-профилактическое мероприятие «Участок», направленное на превентивную работу с «семейными дебоширами» и «пьяницами», благодаря которому удается сдерживать уровень бытовой насильственной преступности.

Так, по итогам 2021 г. число тяжких и особо тяжких преступлений в быту увеличилось незначительно (на 2,4%).

На профилактических учетах в территориальных органах внутренних дел края состояло 1769 лиц, допустивших правонарушения в семейно-бытовой сфере, в т.ч. 275 больных алкоголизмом, состоящих на учете в медицинской организации, привлеченных в течение года два и более раз к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения. С ними в обязательном порядке проводилась профилактическая работа. По итогам отчетного периода в крае в состоянии алкогольного опьянения было совершено 8468 преступлений, что на 9,9% меньше, чем в предыдущем году (9396).

Руководителями подразделений участковых уполномоченных полиции ГУ МВД России по Алтайскому краю регулярно изучалось положение дел по раскрытию рассматриваемых правонарушений. По результатам проверок подготавливались справки с конкретными предложениями по устранению

выявленных недостатков, анализировалась работа по проверяемым направлениям деятельности, по результатам принимались управленческие решения, направленные на совершенствование деятельности указанных подразделений.

Однако существуют значительные проблемы в кадровом обеспечении деятельности УУП края. Так, только в Барнауле остаются вакантными более 20 должностей участковых уполномоченных полиции, а в целом по Алтайскому краю более 120, что не может не сказаться на эффективности профилактической работы, в т.ч. в предупреждении совершения побоев в будущем.

Решение организационных и иных проблем с предупреждением побоев, своевременным привлечением виновных к ответственности позволит защитить жителей России и Алтайского края не только от рассматриваемых правонарушений, но и более тяжелых преступлений.

Список источников

1. Базаров Р.А. Проблемы предупреждения преступлений уголовно-правовыми мерами // Виктимология. 2018. № 1 (15). С. 99.
2. Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. 2018. № 5. С. 60-63.
3. Матушкин П.А. Профилактика побоев и истязаний в системе предупреждения домашнего (семейно-бытового) насилия в России: обзор региональных тенденций правового регулирования // Полицейская и следственная деятельность. 2020. № 4. С. 40-52.
4. Особенности проведения предварительной проверки участковыми уполномоченными полиции по преступлениям, подследственным дознанию органов внутренних дел / Н.А. Архипова, М.А. Киселева, А.С. Князьков и др. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. 92 с.

Информация об авторе

И.Н. Заварыкин – кандидат юридических наук.

Information about the author

I.N. Zavarykin – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.235.1

ОСОБЕННОСТИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА НЕЕ

Сергей Владимирович Калинин¹, Александр Александрович Левченко²,
Борис Александрович Федулов³

^{1, 2, 3} Барнаульский юридический институт МВД России

¹ kalininsv900@mail.ru

² levchenkoa@buiimvd.ru

³ fedulovb@mail.ru

Аннотация. В статье уточняется сущность рецидивной преступности в современных условиях. Рассмотрены средства и методы предупреждения рецидива. Выделены диагностические, исправительно-воспитательные, дифференцированные меры, реализуемые различными субъектами, осуществляющими исправительное воздействие. Выявлены возрастные и гендерные особенности проявления рецидивного поведения. Приведен опыт зарубежных стран по профилактике рецидивной преступности. Предложены рекомендации по совершенствованию профилактической работы с лицами, освобожденными от наказания, и предупреждению рецидивов.

Ключевые слова: рецидив преступлений, причины рецидивной преступности, исправительные учреждения, возрастные и гендерные особенности, средства и методы предупреждения рецидива

Для цитирования: Калинин С.В., Левченко А.А., Федулов Б.А. Особенности рецидивной преступности и факторы, влияющие на нее // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 102-105.

Original article

FEATURES OF RECIDIVISM AND FACTORS AFFECTING IT

Sergey V. Kalinin¹, Aleksandr A. Levchenko², Boris A. Fedulov³

^{1, 2, 3} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ kalininsv900@mail.ru

² levchenkoa@buiimvd.ru

³ fedulovb@mail.ru

Abstract. The article clarifies the essence of recidivism in modern conditions. Means and methods for preventing backslide are considered. The authors single out diagnostic, corrective and educational, differentiated measures implemented by various subjects that carry out corrective action. Age and gender features of the manifestation of recurrent behavior are revealed. The experience of foreign countries in recidivism prevention is analyzed. Recommendations are proposed to improve preventive work with persons released from punishment and to prevent backslide.

Keywords: recidivism, causes of recidivism, correctional facilities, age and gender characteristics, means and methods for preventing relapse

For citation: Kalinin S.V., Levchenko A.A., Fedulov B.A. Features of recidivism and factors affecting it. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:102-105 (In Russ.).

Количество рецидивных преступлений в России за последние 10 лет колеблется в пределах от 22 до 27%, а количество всех выявленных лиц, совершивших преступления повторно, в 2021 г. – от 20 до 25% [1]. Данная статистика свидетельствует, что рецидивная преступность на современном этапе остается на высоком уровне. Проблемы, связанные с рецидивной преступностью, отличаются высокой сложностью и социальной значимостью. Раскрытие особенностей и факторов, от которых она зависит, определяет актуальность данной темы.

Рецидивная преступность представляет собой составную часть общей преступности, рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление [2].

В различных исследованиях выделяют достаточно много факторов, влияющих на проявление рецидива, но не в полной мере раскрывают их роль. Решение данной проблемы связано также с уточнением влияния и выявлением направлений совершенствования системы исполнения наказания. Общеизвестно, что причины рецидива имеют биопсихическую или социально-культурную основу. Некоторые сторонники данной концепции не отрицают значения социальной среды и допускают, что последняя может влиять на рецидив, создавая благоприятную почву для реализации тенденций рецидива, коренящейся в личности преступника. Ряд авторов (Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев) придают значение социальной среде только как побочному фактору, главным же источником рецидива, по их мнению, является сама личность преступника [3, с. 158].

По нашему мнению, повторное преступление совершается в основном под влиянием социально-культурных факторов, к которым относятся: неполная или неблагополучная семья, а также ее отсутствие; неблагоприятные жилищные условия и материальное положение. Необходимо учитывать, что рецидив может быть спровоцирован психическими отклонениями личности. В реальных условиях социальные и психические факторы действуют взаимосвязанно [4, с. 126].

Наряду с общими причинами на возникновение рецидивной преступности в обществе воздействует ряд факторов объективного и субъективного характера. Большинство рецидивистов обычно совершают свое первое преступление в молодом возрасте. Возраст индивидуума, совершившего первое преступление, играет большую роль в вопросах возникновения рецидива. Весьма негативно влияет на молодых заключенных распространение и навязывание преступниками друг другу обычаев и традиций преступной среды [5, с. 162].

Причины рецидивов также исходят из проблем воспитания в неполноценных семьях и семьях алко-

голиков, а также в тех, в которых родители не проявляли должной заботы о детях. Решающее значение семьи и социальной среды усиливается тем, что подростки особенно восприимчивы к влиянию ближайшего окружения.

На ресоциализацию оказывает влияние и неудовлетворительный контроль за освобожденными после отбывания наказания со стороны должностных лиц и социальных институтов. Данные уголовной статистики подтверждают, что имеется функциональная зависимость между возрастом лица, его семейным положением, образованием, трудовой квалификацией, количеством предыдущих судимостей, полом и интервалами между совершенными преступлениями.

Статистические данные также свидетельствуют, что в последнее десятилетие значительно снизился возраст лиц, совершающих экономические преступления, что свидетельствует о социальной дезориентации молодежи [6, с. 62]. Поэтому особенно следует проявлять заботу в отношении молодых преступников в постпенитенциарный период, когда нужно преодолеть влияние прежнего негативного окружения, включая семью, круг знакомых, которые воздействуют на молодых людей более интенсивно, чем на взрослых.

Исполнение наказания само по себе, особенно когда речь идет о коротких сроках, не принесет полного избавления от прежней среды, если молодой человек не получит достаточной помощи в рамках постпенитенциарного сопровождения для преодоления объективных препятствий к реадaptации. Может получиться и обратная картина, когда освобожденный после отбывания наказания установит еще более тесный контакт с прежней средой.

Практика показывает определенную связь между полом и интервалом рецидива. Большой удельный вес составляют женщины, которые в короткий период после освобождения снова совершают преступления. Вообще женщин среди рецидивистов немного, однако, если они становятся рецидивистами и пребывают в исправительных учреждениях, их поведение характеризуется серьезной моральной деградацией и трудно поддается исправлению. Подавляющую часть таких «закоренелых рецидивисток» составляют воровки, они уклоняются от общественно полезного труда, стремятся к паразитическому образу жизни. У таких лиц, освобожденных из мест заключения, отсутствуют два необходимых элемента ресоциализации, таких как работа и семья. Это обстоятельство необходимо учесть при организации постпенитенциарной работы. Недостатки в образовании и профессиональной подготовке проявляются не только в том, что такие лица труднее поддаются воспитательному воздействию, но и в вопросах, связанных с их трудоустройством. Такие лица обычно не способны выполнять никакую работу, кроме однообразной, про-

стой, механической, не требующей творческого подхода. У них нет интереса к труду.

Наряду с работой семейное окружение является важным фактором для процесса ресоциализации. При отсутствии позитивного семейного окружения включение в общественную жизнь во многом осложняется, ибо в ней нет важного регулятивного начала, которое дает семья. Женщины-рецидивисты, одинокие или разведенные, совершают повторные преступления чаще и за более короткие сроки. Зависимость существует также между числом предыдущих судимостей и интервалом совершения рецидивистом новых преступлений. Можно констатировать, что лицо, которое по крайней мере два раза судимо, вскоре совершит новое преступление. Наиболее чреваты нарушения законности в системе исполнения наказания, которые являются также причинами рецидивов. Это прежде всего невмешательство в преступные «разборки» среди осужденных, неправомерные связи с родственниками осужденных, попытки наводить дисциплину в зоне руками преступных авторитетов и т.д. [7, с. 35].

Ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, представляет собой одну из основных задач в предотвращении преступности, средство предупреждения рецидива. Реинтеграция осужденного возлагает на общество определенные обязанности, но вместе с тем только таким путем можно добиться того, чтобы осужденный не совершал преступления вновь и не был в дальнейшем обременительным для общества. В этой области требуется и совершенствование уголовного законодательства. Так, А.Ф. Фёдоров приводит аргументы в пользу необходимости внесения изменений в уголовный закон при назначении наказания, касающегося следующих видов рецидива: простой, опасный и особо опасный [8, с. 107]. Такая уголовная политика является не только максимально эффективной и рентабельной, но и наиболее гуманной.

В зарубежном законодательстве США (штат Вашингтон) [9, с. 34] предусмотрено более широкое содействие ресоциализационному процессу со стороны общественных и производственных организаций. Совместные действия сил общественности в деле исправления и ресоциализации освобожденных лиц являются дополнением к деятельности специальных должностных лиц. В ряде стран оптимально сочетаются меры надзора и помощи. Они являются необходимыми в отношении определенных категорий лиц, освобожденных из исправительно-воспитательных учреждений, а также в тех случаях, когда наказание было отбыто полностью. Дальнейшее квалифицированное исправительно-воспитательное воздействие необходимо тогда, когда есть основания полагать, что исполнение наказания не привело к ресоциализации.

Административный надзор проявляется в усилении охраны общества от антиобщественной деятельности особо деморализованных лиц, а также содействии процессу их исправления. Административный надзор соединен с определенными обязанностями и ограничениями, установленными законом или назначаемыми судом с тем, чтобы освобожденный вел правильный образ жизни. Административный надзор осуществляется в объеме, установленном судом, органами внутренних дел в сотрудничестве с общественными и производственными организациями.

Деятельность социальных служб непосредственно связана с социальной и воспитательной работой с осужденными, проводившейся сотрудниками исправительно-воспитательного учреждения, и является ее продолжением. Участие специализированных государственных органов в осуществлении постпенитенциарного сопровождения не снижает значения участия общественности в процессе исправления лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Социальные органы должны способствовать, чтобы для лица, отбывшего наказание, связанное с лишением свободы, существовала возможность получения работы, жилья и т.д. Это основная задача в области постпенитенциарного сопровождения.

Развитие постпенитенциарного сопровождения идет по пути расширения сети социальных центров и повышения профессионального уровня социальных работников. Это важно не только для улучшения добровольного постпенитенциарного сопровождения, но и имеет значение для принудительного попечительного надзора, в котором социальные работники со временем могли бы играть решающую роль.

В связи с возложением на сотрудников полиции социальных функций и необходимостью повышения эффективности их профилактической деятельности требуется учитывать эту специфику при формировании их профессиональных компетенций [10, с. 90].

Квалифицированное социальное постпенитенциарное воздействие весьма значимо и с точки зрения предупреждения рецидива. Большое значение имеет также систематическая правовая пропаганда и разъяснение задач постпенитенциарного сопровождения. Можно полагать, что именно в результате данной деятельности и квалифицированных действий социальных работников, общественных и производственных организаций в рамках этой системы будут достигнуты значительные успехи в предупреждении преступности.

С точки зрения предупреждения рецидива преступлений важными являются общесоциальные меры, направленные на предупреждение преступлений и их отдельных видов. Среди этих мер прежде всего необходимо отметить социальную работу, ориентированную на неполные или неблагополучные семьи,

создание условий для социально-культурного отдыха молодежи, борьбу с алкоголизмом, наркоманией и т.п. Считаем, что негативно отразились на предупреждении рецидива преступлений ликвидация и сокращение в отделах полиции должности ведущих административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также передача этой функции участковым уполномоченным полиции, которые по ряду объективных причин не могут в полной мере осуществлять такую деятельность.

Приведенные положения свидетельствуют о необходимости совершенствования профилактической работы среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а также внесения коррективов в педагогическую деятельность образовательных организаций МВД России, связанную с приобретением компетенций предупреждения рецидива преступлений. Например, применение активных методов обучения по следующим проблемным вопросам: мозговой штурм «Разработка мер по ресоциализации лиц, освобожденных от наказания», круглый стол «Проблемы рецидива в современных условиях», социально-психологический тренинг «Определение психологических особенностей лиц, склонных к рецидиву», деловая игра «Деятельность участковых уполномоченных

полиции по профилактике рецидива преступлений» [11, с. 204].

Рассмотренные особенности рецидива преступлений и факторы, влияющие на него, позволяют сделать ряд выводов и дать рекомендации, направленные на его предупреждение. Одной из предпосылок повышения действенности наказания в виде лишения свободы является совершенствование диагностических и исправительно-воспитательных методик, а также применение дифференцированных методов и средств исправительного воздействия на различные виды преступников в процессе исполнения наказания и систематической проверки их результативности. При этом необходимо повысить действенность наказаний, не связанных с лишением свободы. Существенную роль в решении поставленной задачи может сыграть консультативная помощь заключенным сотрудниками социальных служб. Нуждается в совершенствовании организация лечения лиц, совершивших преступление под влиянием алкоголя, наркотических средств. С точки зрения дальнейшего развития правовой регламентации следует совершенствовать законодательную базу надзора над определенными категориями осужденных с другими видами социального сопровождения в отношении этих лиц.

Список источников

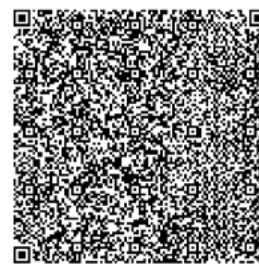
1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1995. 252 с.
4. Батыщева И.В., Козырев В.Г. Причины и условия рецидивной преступности // Наука и современность. 2015. № 35. С. 220-223.
5. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2016. 384 с.
6. Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / отв. ред. И.Р. Михеев, О.Ю. Торопыгин, Е.М. Юцкова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. 124 с.
7. Косарева Л.В. Рецидивная преступность: пути и средства ее предупреждения: монография. Волгоград, 2012.
8. Фёдоров А.Ф. Рецидив преступлений в российском уголовном законодательстве // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 3 (30). С. 105-108.
9. Fleissner D., Heinzlmann F. Crime Prevention Through Environmental Design and Community Policing. Washington. NIJ. 1996. P. 54-57.
10. Калинин С.В., Левченко А.А., Федулов Б.А. Формирование профессиональных компетенций, обеспечивающих личную безопасность сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы шестнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. Ч. 2. С. 89-91.
11. Заречнев Д.О., Левченко А.А., Федулов Б.А. Особенности реализации активных методов при обучении личной безопасности сотрудников полиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-3 (73). С. 204-206.

Информация об авторе

Б.А. Федулов – доктор педагогических наук, профессор.

Information about the author

B.A. Fedulov – Doctor of Science (Pedagogy), Professor.

Научная статья
УДК 343.97:902

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ В ВОПРОСАХ ОБОРОТА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Денис Анатольевич Маракулин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, dmarakulin@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ действующего законодательства Российской Федерации в области охраны объектов культурного наследия через призму особенностей оборота археологических предметов. Автор приходит к выводу, что существующие правовые коллизии способствуют совершению правонарушений в сфере охраны объектов культурного наследия, т.к. сегодня до конца не определен правовой статус археологических предметов, находящихся у физических лиц. В работе приводятся ряд предложений, направленных на решение выявленных проблем, в т.ч. ставится вопрос о необходимости развития в рамках криминологической науки целого направления, которое своей целью определит изучение преступности в сфере охраны объектов культурного наследия. Также автор останавливается на предложении введения лицензирования деятельности, направленной на поиск с металлоискателем, предполагающего обязательное первоначальное обучение.

Ключевые слова: археологический предмет, объекты археологического наследия, объекты культурного наследия, правонарушение, преступление, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность

Для цитирования: Маракулин Д.А. Законодательные пробелы в вопросах оборота археологических предметов как фактор совершения правонарушений в сфере охраны объектов культурного наследия // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 106-110.

Original article

LEGISLATIVE GAPS IN THE ISSUES OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS TURNOVER AS A FACTOR OF THE COMMISSION OF OFFENSES IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS PROTECTION

Denis A. Marakulin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, dmarakulin@mail.ru

Abstract. The article analyzes the current legislation of the Russian Federation in the field of protection of cultural heritage objects in terms of the peculiarities of the archaeological objects circulation. The author comes to the conclusion that the existing legal conflicts contribute to the commission of offenses in the field of cultural heritage objects protection, because today, the legal status of archaeological objects held by individuals has not been fully determined. The paper presents a number of proposals aimed at solving the identified problems, including the question about the need to develop a whole direction within the framework of criminological science, which will determine the study of crime in the field of cultural heritage objects protection as its goal. The author also dwells on the proposal to introduce licensing of activities aimed at searching with a metal detector, which implies mandatory initial training.

Keywords: archaeological object, objects of archaeological heritage, objects of cultural heritage, offense, crime, civil liability, administrative liability, criminal liability

For citation: Marakulin D.A. Legislative gaps in the issues of archaeological objects turnover as a factor of the commission of offenses in the field of cultural heritage objects protection. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:106-110 (In Russ.).

© Маракулин Д.А., 2022

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» особо указывалось на то обстоятельство, что к 2013 г. на всей территории Российской Федерации были зафиксированы «факты незаконных раскопок на объектах археологического наследия, незаконного оборота археологических предметов и коллекций» [1].

Конституция Российской Федерации в ст. 44 закрепляет обязанность каждого гражданина «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» [2] и гарантирует тем самым «сохранность объектов культурного наследия народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации» [3].

При этом стоит отметить, что Российская Федерация после ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия приняла на себя ряд обязательств по предотвращению незаконного оборота объектов археологического наследия [4].

Сегодня и в законодательстве, и в научной литературе уделяется достаточно много внимания особенностям правовой регламентации оборота археологических предметов в Российской Федерации [5, с. 87-98; 6, с. 48-50; 7, с. 144-154; 8, с. 88-96]. Однако нет единого понимания будущего развития государственной политики в данной сфере, и, как следствие, остается неопределенность в решении вопросов и связанных напрямую с ними проблем: борьба с «черной археологией», развитие негосударственных музеев и музейных коллекций, функционирование и правовой статус аукционов и других организационных форм для купли-продажи и обмена «предметов старины»¹ и др.

В своей работе мы неслучайно акцентируем внимание на таком понятии, как «археологический предмет».

Полагаем, что сегодня ни один специалист в области археологии или музеологии не сможет обозначить даже примерное количество археологических предметов, которые находятся у физических лиц. Для осознания масштабов оборота таких предметов можно привести только несколько примеров из судебной практики последних лет.

Так, в 2017 г. по делу об административном правонарушении было обнаружено и изъято около 700 археологических предметов, принадлежащих Д.А.В. [1], в 2019 г. у гражданина А.О.А. в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий было изъято 757 предметов, часть из которых

впоследствии признана археологической [8]. Все предметы, которые впоследствии по результатам заключения специалиста признаны археологическими, были обращены в собственность Российской Федерации.

В Федеральном законе от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – ФЗ № 73) под археологическими предметами понимаются «движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок» [3].

Отметим, что археологические предметы наряду с другими законодательно определенными элементами являются составной частью объекта археологического наследия.

В свою очередь, объекты археологического наследия относятся к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – объекты культурного наследия).

В связи с этим любые действия, совершаемые с археологическими предметами (напомним, что это движимые вещи) в нарушение установленных нормативными правовыми актами правил, причиняют вред объектам культурного наследия.

За такие нарушения предусмотрена гражданская, административная и уголовная ответственность. Приведем только ряд примеров.

Так, в рамках гражданско-правовой ответственности (ст. 240 Гражданского кодекса Российской Федерации) по решению суда могут быть изъяты у собственника путем выкупа государством бесхозно содержащиеся культурные ценности, отнесенные в соответствии с законом к особо ценным и охраняемым государством, в случае, если такое содержание грозит утратой ими своего значения.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в ст. 7.15.1 признает административным правонарушением совершение с археологическими предметами сделок, противоречащих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации.

В статье 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за действия, направленные на поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, при условии, что такой поиск и (или) изъятие проводятся без открытого листа и они повлекли повреждение или уничтожение культурного слоя.

¹ Могут включать в себя как археологические предметы, так и вещи, не относящиеся к ним по признакам.

Но мы не будем в данной работе углубляться в проблемы перечисленных видов ответственности за нарушения законодательства в области охраны объектов культурного наследия, в т.ч. за оборот археологических предметов. Несмотря на имеющиеся у правоприменительных органов трудности, сегодня уже существует достаточная судебная практика, позволяющая полноценно применять эти и еще ряд правовых инструментов в указанной сфере правовых отношений.

Целью нашего исследования является анализ правомерности оборота археологических предметов в Российской Федерации с учетом действующего законодательства.

В соответствии с ч. 3 ст. 49 ФЗ № 73 в государственной собственности находятся все археологические предметы, которые залегают на поверхности земли, в земле или под водой.

При этом поиск археологических предметов и их изъятие из мест залегания, согласно ч. 1 ст. 45.1 этого же закона, возможны исключительно при проведении археологических полевых работ.

Указанные правовые нормы говорят о том, что все археологические предметы, которые были найдены (независимо от обстоятельств находки), приобретены в результате купли-продажи, получены в дар, а также получены в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, подлежат возвращению собственнику этого предмета – государству.

Однако в силу ч. 11 ст. 36 ФЗ № 73 и ст. 7.33 КоАП РФ обязанность передать государству археологические предметы возлагается только на физические и (или) юридические лица, которые обнаружили такие предметы в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ (порядок такой передачи регламентируется приказом Минкультуры России от 27.11.2015 № 2877).

Получается, что у граждан при определенных условиях могут находиться археологические предметы, и при этом данное обстоятельство не противоречит действующим нормативным правовым актам.

Данному факту свидетельствует и позиция законодателя, изложенная в ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», согласно которой физические и юридические лица могут владеть археологическими предметами [9]. При этом закрепляется обязанность, согласно которой такие владельцы не вправе отчуждать данные археологические предметы, за исключением случаев:

- передачи их государству;
- универсального правопреемства;
- когда эти предметы законно ввезены на территорию Российской Федерации;
- когда они включены в установленном порядке в состав негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации.

Последнее правило можно назвать «государственной музейной амнистией», согласно которой археологические предметы, включенные не позднее 1 сентября 2016 г. в состав негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации, могут отчуждаться владеющими ими физическими и юридическими лицами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации [10]. Особо стоит отметить, что в данном случае государство имеет преимущественное право приобретения указанных в законе предметов.

Таким образом, полагаем, что сегодня существует правовая коллизия, согласно которой до конца не определен правовой статус археологических предметов, находящихся у физических лиц, тех предметов, которые достались по наследству, были найдены лично (при отсутствии признаков правонарушения), были приобретены до момента вступления в законную силу указанных выше нормативных правовых актов (с учетом ретроактивности закона) и т.д.

Если не установлен факт незаконных действий в отношении археологических предметов (например, бесхозяйственное содержание культурных ценностей, совершение незаконной сделки с такими предметами, их изъятие из мест залегания без открытого листа и т.д.), то получается, что такие предметы хоть и являются собственностью государства, но могут находиться «временно» у граждан.

Проведенный нами анализ показывает, что в настоящее время отсутствует полноценный правовой механизм изъятия таких предметов у их владельцев.

При этом признаем, что существующая государственная политика, согласно которой все археологические предметы, находящиеся во владении у граждан, должны быть переданы государству, имеет достаточно неопределенные перспективы ее реализации и лишь подталкивает владельцев частных коллекций к занятию незаконной деятельностью.

Усугубляет приведенные доводы и тот факт, что сегодня в России, как и во многих странах мира, с каждым годом всё больше приобретает популярность такое хобби, как кладоискательство. Однако остается нерешенным в полной мере вопрос правовой регламентации использования металлоискателей и других специальных механизмов и приспособлений, предназначенных для частного приборного по-

иска предметов на поверхности земли, в земле или под водой.

Такие обстоятельства, по нашему мнению, являются основным фактором, способствующим незаконному обороту археологических предметов и, как следствие, совершению большей части правонарушений в сфере причинения вреда объектам культурного наследия.

Сегодня наблюдаем, что в юридической литературе уделяется много внимания административной ответственности за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия [11, с. 12-17], рассмотрению уголовно-правовых средств борьбы с преступлениями против объектов культурного наследия [12, с. 25-28; 13, с. 81-84], вопросам их выявления и расследования [14, с. 228-234; 15, с. 397-402]. Однако при этом отсутствует комплексный подход к изучению причин и условий совершения данных правонарушений и преступлений, особенностей личности таких правонарушителей, к разработке системы мер, направленных на их предупреждение.

Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время назрела необходимость развития в рамках криминологической науки целого направления, которое своей целью определит изучение преступности и связанных с ней фоновых явлений в сфере охраны объектов культурного наследия и, соответственно, разработку мер по их профилактике.

Данное предложение обусловлено спецификой предмета рассматриваемых правонарушений и преступлений, наличием специальных познаний в области юриспруденции, археологии, этнографии, музеологии и других фундаментальных наук.

Подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать ряд выводов и предложений.

1. Требуется еще раз вернуться к вопросу о пересмотре правового статуса археологических предметов, находящихся у физических лиц. По нашему мнению, необходимо закрепить только право владения данными предметами для граждан Российской Федерации при условии их обязательной государственной регистрации, устанавливая перечень объектов, не подлежащих такой регистрации (например, монеты определенного времени и т.п.). При этом закрепить за государством универсальное право выкупа таких предметов с учетом норм гражданского законодательства о кладе.

2. В настоящее время назрела острая необходимость в информационном ресурсе, который бы отражал все территории и места в субъектах Российской Федерации, где в соответствии с законом установлен запрет на проведение поиска любых предметов. Аналогичная практика успешно применяется, например, в охотничьем хозяйстве (охотник, выдвигаясь в охотничьи угодья, заблаговременно обязан знать воспроизводственные участки, границы заказников и т.д.).

3. Также считаем обоснованным предложение введения лицензирования деятельности, направленной на поиск с металлоискателем, предполагающее обязательное первоначальное обучение и дальнейшее повышение квалификации не реже одного раза в три года.

4. Сегодня имеются все предпосылки для развития в рамках криминологической науки целого направления, которое своей целью определит изучение преступности в сфере охраны объектов культурного наследия.

Список источников

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 217902-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217902-6> (дата обращения: 09.02.2022).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021; принят Государственной Думой 24 мая 2002 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS №143) [рус., англ.] (заключена в г. Валлетте 16.01.1992) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Зубенко Ю.С., Чиконова Л.В. Правовой режим археологических предметов, находящихся во владении частных лиц // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 7А. С. 87-98.

6. Казаков А.А., Павлюченко А.М. Проблемы правоприменительной практики в сфере охраны культурно-исторического наследия // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 48-50.

7. Панфилов А.Н. Правовые понятия «объект археологического наследия», «археологические предметы», «культурный слой» в российском законодательстве и проблемы их правовой определенности // Проблемы

гражданского права и процесса: сборник научных статей / гл. ред. И.Э. Мартыненко. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2017. С. 144-154.

8. Рыбак К.Е., Избачков Ю.С. Особенности оборота археологических предметов в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2020. № 1 (15). С. 88-96.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ (ред. от 28.12.2017; принят Государственной Думой 2 июля 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 11.06.2021; принят Государственной Думой 24 апреля 1996 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Батршин Р.Ю. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия // Российское правосудие. 2016. № 8 (124). С. 12-17.

12. Клебанов Л.Р. Преступления против археологического наследия: понятие, признаки, виды, особенности квалификации (начало) // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 3. С. 25-28.

13. Халиков И.А. Актуальные вопросы квалификации преступлений в отношении памятников археологии и археологических предметов (ст. 2432 УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 3. С. 81-84.

14. Баграмян С.Л. Особенности типизации следов преступлений, связанных с незаконным поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3-1. С. 228-234.

15. Киселева М.А. Особенности первоначального этапа расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 3 (45). С. 397-402.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

Научная статья
УДК 343.57(571.150)

О КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В СФЕРЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ И МЕРАХ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЕЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Александр Вячеславович Климачков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, Klimachkovav@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются факторы, оказывающие влияние на состояние и развитие криминальной ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств в Алтайском крае. Представлены статистические показатели преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств. Рассматриваются особенности функционирования преступных групп, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств с использованием сети Интернет. Проанализирована практика противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств на территории Алтайского края.

Ключевые слова: состояние криминальной ситуации, незаконный оборот наркотических средств, противодействие преступности

Для цитирования: Климачков А.В. О криминальной ситуации в сфере наркопреступности и мерах по противодействию ей на региональном уровне (по материалам правоохранительных органов Алтайского края) // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 111-115.

Original article

ON THE CRIMINAL SITUATION IN THE SPHERE OF DRUG CRIME AND MEASURES TO COUNTER IT AT THE REGIONAL LEVEL (BY THE MATERIALS OF THE LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES OF THE ALTAI TERRITORY)

Alexander V. Klimachkov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, Klimachkovav@bk.ru

Abstract. The factors influencing the state and development of the criminal situation in the sphere of drug trafficking in the Altai region are analyzed. Statistical indicators of crime in the sphere are presented in the article. The features of the functioning of criminal groups involved in drug trafficking using the Internet are considered. The practice of combating crimes in the field of drug trafficking is analyzed.

Keywords: state of crime, illegal drug trafficking, combating crime

For citation: Klimachkov A.V. On the criminal situation in the sphere of drug crime and measures to counter it at the regional level (by the materials of the law enforcement authorities of the Altai Territory). *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:111-115 (In Russ.).

© Климачков А.В., 2022

За последние несколько лет в Российской Федерации количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств остается на довольно высоком уровне и имеет тенденцию к увеличению. Общественная опасность наркопреступности не ограничивается тем вредом, который лица, употребляющие наркотики, наносят собственному здоровью. В этой связи одной из приоритетных задач правоохранительных органов нашего государства остается выработка наиболее эффективных приемов и методов борьбы с преступными проявлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Рост числа наркопреступлений неразрывно связан с устойчивым осложнением криминальной ситуации в стране. Рассматриваемые преступные проявления находятся в прямой связи с проблемой преступности. Как показывает предварительный анализ, взаимосвязь наркомании и преступности следует рассматривать в следующих аспектах:

- совершение наркозависимыми лицами преступлений с целью получения средств для приобретения наркотиков;

- наличие преступлений, совершаемых под прямым воздействием наркотических средств на психику человека;

- распространение наркотиков среди несовершеннолетних как фактор, предопределяющий их антиобщественное поведение.

Вместе с тем появление новых форм противоправной деятельности организованных групп и преступных сообществ, занимающихся рассматриваемым видом преступной деятельности, усиление ими конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков с использованием инновационных коммуникационных и других новых технологий [1] значительно опережают методы, используемые сотрудниками правоохранительных органов в раскрытии и расследовании наркопреступлений.

На формирование криминальной ситуации региона в сфере противодействия наркопреступности воздействуют тенденции развития наркорынка в целом по стране и специфические для территории края факторы и результаты работы правоохранительных органов по противодействию указанным преступным проявлениям. К числу таких факторов и элементов, оказывающих влияние на состояние и развитие криминальной ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков в Алтайском крае, условно можно отнести следующие:

1) транспортно-географические:

- развитая система транспортного сообщения, что благоприятствует процессам распространения наркотиков путем их перевозки из субъектов, на территории которых фиксировалось незаконное производство запрещенных веществ в условиях подполь-

ных лабораторий, в Алтайский край, а также за его пределы;

- наличие участка Государственной границы с областями Республики Казахстан и сохраняющиеся риски осуществления контрабандных поставок запрещенных веществ через приграничные районы;

2) климатические:

- подходящие природно-климатические условия для произрастания в крае очагов дикорастущей конопли, пригодной для изготовления наркотических средств каннабисной группы, а также для культивирования наркосодержащих растений;

3) социально-экономические:

- невысокий по сравнению с другими регионами Сибирского федерального округа уровень доходов жителей края, значительная разница в качестве жизни городского и сельского населения, стабильно высокий уровень дифференциации доходов в сферах занятости;

- миграционные потоки из стран СНГ, а также устойчивые поселения этнических групп, в т.ч. выходцев из наркоопасных регионов;

4) иные криминогенные факторы:

- агрессивное применение преступными группами с целью пропаганды и сбыта запрещенных веществ информационно-телекоммуникационных систем [2];

- наличие учреждений пенитенциарной системы, в которых отбывают наказание как рядовые сбытчики наркотических средств, так и лидеры, активные участники организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) с сохраняющимися криминальными связями;

- пробелы правового регулирования деятельности логистических и транспортных компаний в части отсутствия требований обязательной регистрации полных идентификационных данных физических лиц, отправляющих и получающих грузы, способствующие незаконному поступлению в край наркотиков, а также реагентов, прекурсоров и оборудования для их изготовления (производства).

На территории Алтайского края по итогам июля 2022 г. удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в структуре общеуголовной преступности, составил 8,8% (7 мес. 2021 г. – 7,9%). Всего правоохранительными органами Алтайского края зарегистрировано 1995 преступлений, которые связаны с незаконным оборотом наркотиков (7 мес. 2021 г. – 1811; +10,2%), из них 903 – с использованием IT-технологий (7 мес. 2021 г. – 658; +37,2%). При этом в крае наблюдается рост общего числа выявленных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на 184 (+10,2%). Вместе с тем на 14,5% возросло число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение наркопре-

ступлений с использованием IT-технологий (с 344 до 394), на 11,4% сократилось количество установленных сбытчиков наркотиков (с 193 до 171). Установлено 110 лиц (7 мес. 2021 г. – 132; -16,7%), действовавших в составе групп лиц по предварительному сговору.

Сеть Интернет в повседневной жизни дает возможность получать разнообразную информацию и услуги. Вместе с тем она является площадкой для внедрения в преступную деятельность организованных групп возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, а именно совершение сделок купли-продажи наркотиков при сохранении анонимности и полной конспирации.

Анализ научных исследований [3, 4, 5, 6] позволяет сделать вывод о том, что чаще всего незаконные операции с наркотиками происходят посредством распространения информации в так называемой теневой сети DarkNet через браузер Tor, которая обеспечивает абсолютную анонимность пользователей в обход отслеживания серверов провайдеров.

В структуре наркопреступности с января по июль 2022 г. возросло число зарегистрированных тяжких и особо тяжких составов (с 1346 до 1547; +14,9%), а также увеличилось количество преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере (с 732 до 835; +14,1%). Увеличилось количество сбытов наркотических средств и психотропных веществ (с 926 до 1127; +21,7%), однако сократилось число выявленных преступлений по ст. 228 УК РФ (с 830 до 816; -1,7%) и количество фактов организации и содержания наркопритонов (ст. 232 УК РФ) – с 14 до 13; -7,1%.

По результатам принятых мер из незаконного оборота на территории края изъято 174 468 гр. наркотических средств различного вида (7 мес. 2021 г. – 167 282 гр.; +4,3%). Снизилось количество изъятой марихуаны – 140 408 гр. (7 мес. 2021 г. – 146 918 гр.; -4,4%), героина – 2483 гр. (7 мес. 2021 г. – 4548 гр.; -45,4%), а также сильнодействующих веществ – 680 гр. (7 мес. 2021 г. – 11 098 гр.; -93,9%). Однако заметно возрос показатель изъятых из незаконного оборота синтетических наркотических средств (с 10 945 гр. до 16 808 гр.; +53,6%), гашиша (с 3734 до 13 449; +260,2%) и растений (с 18 823 до 43 892 гр.; +133,2%).

Исходя из анализа результатов работы, а также поступающей информации, можно убедиться в том, что на сегодняшний день в крае самой разнообразной и быстроразвивающейся группой наркотиков являются синтетические. Синтетические наркотики – это наркотики, которые в природе не встречаются, их получают химическим путем. К ним относятся ранее широко распространенные первитин, амфетамин, метадон, ЛСД, МДМА, дезоморфин и др.

Синтетические наркотики на наркорынок как России в целом, так и нашего региона попадают как контрабандой, так и из внутренних источников (кустарно-«кухонное» изготовление, изготовление в условиях подпольных лабораторий). К ним можно отнести: эфедрон, первитин и дезоморфин, которые представляют собой жидкости от бесцветного до коричневого цвета, иногда с небольшим количеством осадка. Употребляются данные наркотики в основном внутривенно. Изучение статистических данных указывает на то, что в настоящее время данные препараты имеют незначительное распространение на территории Алтайского края.

Из разряда синтетических наркотиков в последнее время самое широкое распространение получили так называемые дизайнерские наркотики – вещества синтетического происхождения ряда JWH, N-метилэфедрон, MDPV, карбомаилы и прочие карбоксамиды.

Все эти вещества условно можно разделить на ряд групп: заменители опиоидов; вещества, схожие по действию с амфетамином и экстази; заменители кокаина; синтетические каннабиноиды. Из названных веществ массовое распространение получили синтетические каннабиноиды и другой вид психоактивных веществ – так называемая «скорость», «соль», «сахар», которые в основном представляют собой порошок, кристаллы белого, желтоватого, синего цветов. В данную группу входит большое количество наркотиков, а употребляются они в зависимости от пристрастий отдельно взятого потребителя – инъекции, курение, вдыхание паров, употребление через рот.

Обзор следственной практики показывает, что всего с января по июль 2022 г. в крае расследовано 1044 преступления (7 мес. 2021 г. – 1049; -0,5%), в т.ч. 651 тяжкое и особо тяжкое (7 мес. 2021 г. – 615; +5,9%), 13 – по ст. 232 УК РФ (7 мес. 2021 г. – 14; -7,1%). Возросло количество расследованных преступлений за незаконные сбыты наркотиков – 191 (7 мес. 2021 г. – 170; +12,4%), а также раскрытых преступлений, совершенных посредством IT-технологий – 378 (7 мес. 2021 г. – 310; +21,9%). Незначительно снизилось число расследованных дел по ст. 228 УК РФ – 816 (7 мес. 2021 г. – 850, -4%). Процент расследованных наркопреступлений составил 56,1% (7 мес. 2021 г. – 60,7%), в т.ч. тяжких и особо тяжких – 44,9% (7 мес. 2021 г. – 48,1%), сбытов – 19,5% (7 мес. 2021 г. – 20,6%).

Для рассматриваемых преступных деяний характерно совершение в групповых формах соучастия. В связи с этим были спланированы и проведены комплексы мероприятий по выявлению и пресечению организованной преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков. По состоянию

на июль 2022 г. в суд направлено 16 уголовных дел в отношении 49 участников организованных групп (7 мес. 2021 г. – 50; -2%) по 52 эпизодам преступной деятельности (7 мес. 2021 г. – 27; +92,6%), из них 5 уголовных дел, совершенных организованными группами, сформированными на этнической основе (15 лиц, 8 эпизодов). При этом преступная деятельность организованных групп часто осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, за 7 месяцев текущего года расследовано 11 уголовных дел указанной категории, привлечено к уголовной ответственности 35 лиц.

Как показывает оперативно-розыскная практика, сложность документирования таких преступных действий, не считая замаскированного характера совершаемых преступлений, заключается в том, что изготовление и сбыт синтетических наркотиков на современном этапе предполагают создание довольно сложной криминальной структуры с большим количеством преступных звеньев, обладающих высоким уровнем специфических знаний в сфере компьютерных технологий.

Такие преступные группы наращивают позиции как в количественном, так и в качественном отношении, характеризуются высоким уровнем конспирации, используя бесконтактные способы сбыта, что затрудняет идентификацию пользователей и усложняет возможность задержания с поличным. Общение участников преступной деятельности осуществляется не напрямую, а дистанционно – через различные интернет-мессенджеры. Отмечается межрегиональный характер таких преступных групп.

При этом задерживаются в основном рядовые участники схем продаж наркотиков – курьеры и закладчики, находящиеся в пределах одного или нескольких регионов страны, либо единичные создатели сетевых наркомагазинов, лично осуществляющие «закладки». Вместе с тем организаторы, не имеющие контакта с наркотическими средствами и часто находящиеся за пределами Российской Федерации, продолжают их сбывать, вовлекая в преступную деятельность новых лиц. Бесконечные изменения схем, форм и методов незаконного сбыта наркотических средств требуют постоянной корректировки механизмов противодействия указанным противоправным деяниям.

Обращает на себя внимание тот факт, что в незаконный оборот наркотиков все чаще вовлекаются несовершеннолетние. Удельный вес несовершеннолетних в общем числе наркопреступников, привлеченных к уголовной ответственности за совершение наркопреступлений, в Алтайском крае составил 2,8% – 28 подростков (7 мес. 2021 г. – 20; +40%). Количество совершенных ими преступлений с наркотиками – 26 (7 мес. 2021 г. – 18; +44,4%), из них

в составе преступных групп – 10 (7 мес. 2021 г. – 7; +42,9%).

Результаты опросов экспертов свидетельствуют о том, что без наращивания усилий правоохранительных органов в части противодействия наркотизации подрастающего поколения в ближайшие годы Россия может достичь высокого уровня преступности в данной сфере. Запаздывание с принятием жестких, но крайне необходимых мер противодействия незаконному обороту наркотических средств может привести к необратимым последствиям, вплоть до потери подрастающего поколения [7, с. 34].

Необходимо отметить, что наряду с правоохранительными мерами реализуется комплекс оперативно-профилактических мероприятий, направленных на уничтожение местной сырьевой базы для изготовления наркотиков, а также в сфере профилактики незаконного потребления и распространения наркотиков. Данная работа строится во взаимодействии с иными правоохранительными органами, заинтересованными органами исполнительной власти региона, органами местного самоуправления, общественными организациями, в т.ч. волонтерскими формированиями.

Сотрудниками УНК ГУ МВД России по Алтайскому краю за 7 месяцев 2022 г. во взаимодействии с органами исполнительной власти в сферах здравоохранения и образования, иными организациями проведено 96 профилактических антинаркотических мероприятий, принято участие в 14 рабочих встречах и совещаниях по вопросам профилактики. Особое внимание уделяется проведению мероприятий по правовому просвещению в сфере ответственности за незаконный оборот наркотиков с учащимися образовательных организаций края, педагогами и родительской аудиторией.

В целях недопущения осложнения ситуации, связанной с незаконным оборотом наркотиков в подростковой среде, проводится мониторинг фактов задержания несовершеннолетних за совершение преступлений в рассматриваемой сфере (с последующей организацией дополнительных профилактических мероприятий в образовательных организациях, в которых обучаются несовершеннолетние). С учетом имеющихся фактов задержания учащихся за незаконный оборот наркотиков внеплановые профилактические мероприятия проведены в 33 образовательных организациях г. Барнаула.

Исходя из анализа представленных данных, отметим, что, несмотря на принимаемые правоохранительными органами меры, в Алтайском крае продолжает сохраняться высокий уровень наркоугрозы. Развитие информационных технологий и киберпреступности значительно опережает методы, используемые сотрудниками правоохранительных органов в раскрытии и расследовании наркопреступлений. Дан-

ные обстоятельства определяют необходимость повышения эффективности работы в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков на территории региона, целенаправленное и наиболее действенное использование сил, средств и методов борьбы с указанным видом преступной деятельности.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Климачков А.В. Состояние и негативные тенденции изменения преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двадцатой международной научно-практ. конф-ции (Барнаул, 3-4 февраля 2022 г.). Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 1. С. 16-17.
3. Гаврилин Ю.В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 122-129.
4. Дульцев М.В., Котязов А.В. Актуальные вопросы информационно-аналитического обеспечения выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 45-52.
5. Земцова С.И. Бесконтактный сбыт наркотических средств с использованием интернет-магазинов: актуальные вопросы // Наркоконтроль. 2019. № 3. С. 17-22.
6. Баньковский А.Е., Деринг А.В. Актуальные проблемы незаконного оборота наркотических средств посредством сети Интернет: современное состояние и перспективы противодействия // Наркоконтроль. 2019. № 1. С. 11-16.
7. Прогнозирование и противодействие региональной преступности (по материалам Алтайского края): монография / Р.М. Абызов, Е.Р. Шестопалова, П.Д. Фризен, А.В. Коняев и др.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста Российской Федерации Р.М. Абызова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 152 с.

Научная статья
УДК 343.7:004

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ

Вячеслав Николаевич Кукарцев

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vkukarcev@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы раскрытия преступлений, совершаемых с использованием средств коммуникации. Выявлены современные особенности оперативно-розыскной характеристики хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Даны рекомендации по совершенствованию мер предупреждения и раскрытия указанных преступлений, а также возмещения вреда потерпевшим.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, дистанционные хищения, преступления, совершаемые с использованием средств коммуникации, противодействие преступлениям, предупреждение преступлений, раскрытие преступлений

Для цитирования: Кукарцев В.Н. Особенности современной характеристики и противодействия хищениям, совершаемым с использованием средств коммуникации // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 116-119.

Original article

FEATURES OF MODERN CHARACTERISTICS AND COUNTERACTION TO THEFT COMMITTED WITH THE USE OF COMMUNICATIONS

Vyacheslav N. Kukartsev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vkukarcev@mail.ru

Abstract. Topical issues of crimes committed using means of communication are considered. The modern features of the operational-search characteristics of thefts committed with the use of information and telecommunication technologies are revealed. Recommendations are given for improving measures to prevent and disclose these crimes, as well as compensation for harm to victims.

Keywords: operational-search activity, remote theft, crimes committed using means of communication, counteraction to crimes, prevention of crimes, detection of crimes

For citation: Kukartsev V.N. Features of modern characteristics and counteraction to theft committed with the use of communications. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:116-119 (In Russ.).

В соответствии с п. 1 Директивы МВД России от 03.11.2021 № 1 дсп [1] противодействие кражам, мошенничествам, совершаемым с использованием средств коммуникации, определено одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел в 2022 г., поскольку, согласно статистическим сведениям, на протяжении последних пяти лет отмечается существенный прирост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также увеличивается доля таких преступлений в структуре преступности. Так, на территории края в 2021 г. зарегистрировано 3865 мошенничеств (2020 г. – 3121), совершенных с использованием IT-технологий, прирост составил 23,8%, 3886 краж денежных средств с банковских счетов граждан (2020 г. – 4143), снижение составило 6,2%. Доля указанных преступлений в общей массе зарегистрированных в 2021 г. преступных деяний составила 19,8% (почти каждое пятое из зарегистрированных преступлений) с увеличением на 1,2% в сравнении с 2020 г. [2].

Между тем уже в текущем году наблюдается изменение оперативной обстановки по указанным видам регистрируемых преступлений. Так, по состоянию на 16.03.2022 зарегистрировано 780 дистанционных мошенничеств (2021 г. – 940), т.е. на 17% меньше, чем в 2021 г., краж денежных средств со счетов граждан зарегистрировано 496 (2021 г. – 1066), снижение составило 53,5%. Причиной такой положительной тенденции, по нашему мнению, являются последние мировые политические события и установленные ограничения в банковской сфере, препятствующие выводу преступниками денежных средств за пределы России. Подтверждается и основная версия правоохранителей о том, что к совершению указанных преступлений причастны в первую очередь организованные преступные формирования, действующие в виде колл-центров за пределами Российской Федерации, профессионально использующие для совершения преступлений средства анонимизации: IP- и SIP-телефонию, VPN и др.

Снижение вала указанных преступлений не свидетельствует о том, что преступники отказались от их совершения, они предпринимают меры к поиску других эффективных способов совершения преступных деяний, а также использования других технологий и средств.

Злоумышленники отказываются от использования такого способа совершения преступлений, когда они, выдавая себя за сотрудников банка (службы безопасности банка), осуществляют звонок на мобильный телефон потерпевшего, сообщают о возможной блокировке его счета (подозрительных операциях по списанию средств со счета), добиваются перевода

его средств на другой «безопасный» счет и впоследствии распоряжаются ими.

Вместо вышеуказанного способа для совершения хищений преступники возродили использование устаревшего способа, так называемого «ваш родственник попал в беду», когда мошенник звонит на телефон потерпевшего, представляясь его родственником (сыном, дочерью, внуком), сообщает, что находится в сложной жизненной ситуации (например, стал виновником либо пострадавшим от дорожно-транспортного происшествия), и просит денежные средства для использования при разрешении ситуации. В течение февраля-марта 2022 г. на территории края зарегистрировано более 140 фактов преступлений, совершенных указанным способом.

Анализ совершенных преступлений позволил выделить особенности, учитывая которые можно сформировать меры, направленные на противодействие данным преступным проявлениям:

1. Для совершения звонков преступники используют технологии IP-телефонии, соответственно, непреодолимо затруднена возможность установления подлинных идентификационных номеров и получения иной информации, позволяющей определить технические средства, оборудование, используемое злоумышленниками.

2. Преступники осуществляют звонки преимущественно не на сотовые, а на телефоны стационарной связи, обслуживаемые ПАО «Ростелеком», входящие соединения распознаются аппаратурой оператора связи как международные звонки, не требующие оплаты со стороны получателя услуг.

3. Избранный мошенниками алгоритм выбора абонентских номеров потерпевших не известен, однако установлено, что номера не выбираются путем простого последовательного перебора последних цифр абонентского номера, поэтому спрогнозировать, кто из абонентов может стать следующей жертвой преступников, невозможно.

4. Учитывая, что злоумышленники в большинстве случаев обращаются к потерпевшим, называя их по имени, можно утверждать, что при совершении преступлений они используют базы данных абонентских номеров городской, междугородней связи.

5. Непосредственное завладение денежными средствами потерпевших осуществляется путем использования услуг курьеров или таксистов, которые направляются мошенниками по адресам, указанным потерпевшими, забирают у них денежные средства и, оставляя себе как плату за оказанную услугу до 10% от всей суммы, перечисляют оставшиеся денежные средства на указанные мошенниками счета, открытые преимущественно в онлайн-банке «Тинькофф Банк». Имеются сведения о том, что мошенники при подготовке к совершению преступлений за-

благовременно с использованием телеграмм-каналов осуществляют поиск кандидатов в курьеры, руководят их деятельностью, обучают правилам конспирации, перенаправляют их из одного региона в другой и, полагаем, избирают для совершения преступлений тот регион, в населенном пункте которого уже находятся курьеры.

Учитывая указанные особенности совершения хищений, деятельность органов внутренних дел и других заинтересованных учреждений должна строиться по следующим направлениям:

1. Недопущение совершения новых преступлений, увеличения количества потерпевших и размера причиненного ущерба.

Считаем, что данная задача может быть эффективно и оперативно решена путем отключения для абонентов «Ростелекома» Алтайского края услуги по приему входящих междугородних, международных звонков, однако руководство ПАО «Ростелеком» отказывается принимать решение об отключении данной услуги в связи с тем, что будут существенно ограничены права абонентов. На такой ответ напрашивается возражение. Не вдаваясь в правовую полемику и не прибегая к анализу правовой базы по возникшему вопросу, т.к. это зачастую путь в никуда, предлагаем оценить следующие суждения:

Оператор связи, прекращая прием входящих междугородних, международных звонков, сохраняет абонентам возможность осуществлять исходящие международные звонки. Таким образом, право на осуществление исходящего звонка абонента, находящегося за пределами края, ограничивается более, чем права абонента, находящегося на территории Алтайского края.

Оператор связи, предоставляя соответствующие услуги, обязан обеспечить абоненту право на установление звонящего и на отказ от соединения с нежелательным абонентом, которое не может быть гарантировано, потому что оператор не имеет возможности идентифицировать оборудование звонящего, использующего подменный номер.

Оператор связи обязан предоставлять абонентам достоверные сведения об оказанных услугах, однако он не может предоставить абоненту достоверную детализацию его телефонных соединений.

Сравнивая тяжесть последствий совершенного хищения и неполученного входящего телефонного звонка для абонента, приходим к выводу, что они несоизмеримы, тем более что во втором случае возможность наступления негативных последствий стремится к нулю, поскольку абонент стационарной телефонной связи имеет значительное количество альтернативных каналов получения поступающей информации: сотовая связь, интернет и пр.

Оператор связи обязан предоставлять услуги связи, соответствующие требованиям безопасности, однако, не имея возможности идентифицировать звонящего абонента и даже определить страну, из которой осуществляется звонок. Ни о какой безопасности речи быть не может, поскольку анонимный абонент, понимая, что установить и разыскать его невозможно, не опасается последствий за свои деяния и может с легкостью угрожать расправой, террористическим актом, совершать хищения, распространять фейки и др.

Для того чтобы максимально обеспечить соблюдение прав абонентов, реализовывая наше предложение, можно было бы предварительно оповестить всех абонентов посредством автоинформирования, рассылки аудиосообщений, СМС-сообщений о том, что услуга входящих междугородних, международных звонков будет отключена по прошествии трех суток, и предложить абонентам, желающим сохранить данную услугу, обратиться к оператору по телефону, в офис, через личный кабинет на сайте организации с соответствующим требованием.

В настоящее время реализуется лишь один примитивный способ профилактики хищений – это информирование абонентов о том, что они могут стать жертвой преступления.

2. Раскрытие хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Нами отмечено, что использование преступниками средств анонимизации препятствует их идентификации, как следствие, установлению их личности и привлечению к уголовной ответственности. Поэтому следует приложить усилия к проведению в соответствии с федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление и задержание курьеров и таксистов, участвующих в преступной схеме. С этой целью сотрудник подразделения уголовного розыска выясняет подробные приметы курьера; устанавливает все предметы, которых он касался и инициирует их исследование; организует составление композиционного портрета преступника; проводит отождествление личности по информационной системе оперативно-розыскной информации бюро специальных технических мероприятий; осуществляет мероприятия по установлению свидетелей и очевидцев прибытия курьера к месту происшествия, передачи денежных средств; устанавливает наличие видеонаблюдения (видеокамер на зданиях и в помещениях учреждений, организаций, видеорегистраторов в автомобилях) в месте совершения преступления и по маршруту следования курьера; проводит мероприятия по установлению транспортного средства, которое использовалось предполагаемым

преступником для передвижения; организует проведение специальных технических мероприятий по абонентскому и иным идентификационным номерам сотового телефона, используемого курьером.

При установлении лица, которому потерпевший передал деньги, незамедлительно осуществляется его задержание, изъятие (до блокировки или разряда аккумулятора) сотового телефона (иных средств коммуникации) с переводом в режим «полет», его исследование с копированием, фиксацией переписки в мессенджерах и иной информации.

Путем опроса курьера устанавливается: кому и каким способом (на какой счет) он передал (перечислил) денежные средства, полученные от потерпевшего; каким способом осуществлялась связь с преступником (номер телефона, никнейм, ID-анкеты и др.).

Проводятся следственные и иные действия, направленные на привлечение курьера к уголовной ответственности.

3. Обеспечение возможности возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением.

Как нами было отмечено, в большинстве случаев при совершении дистанционных хищений денежные средства переводятся потерпевшими или зачисляются курьерами на счета в кредитных организациях, управляемые или контролируемые преступниками. Таким образом, имеется возможность даже в течение непродолжительного периода времени заблокировать поступившие на счет денежные средства, поэтому оперативными сотрудниками должны пред-

приниматься меры по незамедлительному направлению в службы безопасности кредитных организаций информации для временного приостановления всех операций по таким счетам. Органами предварительного расследования, в свою очередь, должны быть подготовлены документы для принятия судом решения о наложении ареста на счета. Арестованные таким образом средства в последующем можно направить на возмещение вреда, причиненного потерпевшим.

Мы также считаем, что в ходе производства расследования по уголовным делам о дистанционных хищениях следует убеждать потерпевших в необходимости обращения в суд с исковыми требованиями к курьерам (лицам, на счета которых переводились похищенные денежные средства с целью их последующего обналичивания) о взыскании денежных средств, полученных в результате неосновательного обогащения, в соответствии с положениями главы 60 ГК РФ [4]. Реализация данного предложения позволила бы расширить возможности возмещения потерпевшим причиненного ущерба, а также создала трудности для курьеров (обналичников) в дальнейшем ведении преступной деятельности, поскольку в случае принудительного исполнения судебного решения аресту подвергались бы денежные средства ответчика, поступающие на все принадлежащие ему счета.

Полагаем, что высказанные нами предложения могли бы способствовать повышению эффективности противодействия хищениям, совершаемым с использованием средств коммуникации.

Список источников

1. Директива МВД России от 03.11.2021 № 1дсп «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2022 году».
2. Статистические сведения Информационного центра Главного управления МВД России по Алтайскому краю.
3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

Информация об авторе

В.Н. Кукарцев – кандидат юридических наук.

Information about the author

V.N. Kukartsev – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.61

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ

Денис Владимирович Кураков

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия,
denis.kurakoff@yandex.ru

Аннотация. Защита личности от преступных посягательств является важнейшей задачей законодательства Российской Федерации. В статье рассматриваются правовые особенности деятельности подразделений, касающиеся проблем первоначальных и последующих действий при обнаружении признаков некоторых составов преступлений против личности, раскрываются некоторые криминалистические версии особенности действий оперуполномоченного уголовного розыска и следователя по раскрытию и расследованию убийств, а также по оптимизации этого процесса.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, негласное получение информации, следственные подразделения, следственные действия, убийство, орудия преступления

Для цитирования: Кураков Д.В. Некоторые аспекты деятельности сотрудников органов внутренних дел при раскрытии и расследовании убийств // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 120-123.

Original article

SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS DURING THE MURDER DISCLOSURE AND INVESTIGATION

Denis V. Kurakov

Lukyanov Orel Law Institute of the Interior of the Russian Federation, Orel, Russia, denis.kurakoff@yandex.ru

Abstract. Protecting an individual from criminal encroachments is the most important task of criminal legislation. The article discusses legal features of units activities relating to the problems of initial and subsequent actions when signs of certain elements of crimes against a person, some forensic versions of the features of the actions of the detective of the criminal investigation department and the investigator in detecting and investigating murders, as well as optimizing this process are revealed.

Keywords: operational-search measures, surreptitious obtaining of information, investigative units, investigative actions, murder, crime instrument

For citation: Kurakov D.V. Some aspects of the activities of internal affairs officer during the murder disclosure and investigation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:120-123 (in Russ.).

Права человека и гражданина являются незыблемой ценностью и охраняются государством. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1], – такой принцип провозглашает ст. 2 Конституции РФ.

Высокий уровень преступности и насилия представляет собой серьезную проблему для развития страны, поскольку они напрямую влияют на благосостояние людей в краткосрочной перспективе и экономический рост – в долгосрочной. К сожалению, рост насильственных преступлений остается одной из главных проблем.

Одной из немаловажных причин роста количества насильственных преступлений, в частности убийств, может являться повсеместная доступность оружия. Ежегодное проведение оперативно-профилактических операций «Оружие», «Арсенал», направленных на выявление фактов незаконного хранения и ношения оружия, оказывает влияние на снижение количества различных преступлений с его применением. При этом количественные показатели убийств считаются наиболее надежным индикатором насильственных преступлений и показывают реальную картину сложившейся оперативной обстановки, поскольку большинство этих преступлений попадает в поле зрения полиции.

Любая стратегия, направленная на сокращение количества насильственных преступлений, должна учитывать факторы, оказывающие влияние на их рост, такие как уровень безработицы, наличие зарегистрированного огнестрельного гражданского оружия, показатели эффективности профилактической работы некоторых подразделений полиции (подразделения организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних), только в этом случае возможно получить положительный результат.

При организации работы по раскрытию и расследованию рассматриваемой категории преступлений значительных результатов позволяет добиться применение научных знаний из таких областей, как судебная биология, химия, криминалистика. Различия в используемых средствах и методах оперативных и следственных подразделений, а также формах их проведения позволяют внести значительный вклад в обнаружение следов преступления, позволяющих установить причастность лица к совершенному преступлению.

Большое значение в раскрытии и расследовании убийств имеет информация, которая может носить гласный и негласный характер. Однако в большинстве случаев рассматриваемые преступления раскрываются только в результате использования комплекса мероприятий, проводимых сотрудниками оперативных подразделений.

Начальный этап раскрытия преступлений условно ограничен десятью днями со дня обнаружения признаков преступления, включая разработку исходных данных о преступлениях и правонарушителях, полученных на предыдущем этапе. Последующий этап условно начинается через десять дней после момента обнаружения признаков преступления.

Главная задача на начальном этапе раскрытия преступлений – принять необходимые меры для сохранения обстановки на месте преступления в нетронутом, первоначальном виде, что позволяет обеспечить сохранность объекта от уничтожения, изменения и утраты вещественных доказательств до переноса информации.

По прибытии на место происшествия в обязательном порядке со следователем работают оперативные сотрудники, участковые уполномоченные полиции, специалисты-криминалисты, судмедэксперт, а также кинологи со служебными собаками. При необходимости перечисленные выше лица оказывают помощь в проведении неотложных следственных действий и других значимых мероприятий.

До прибытия следственно-оперативной группы необходимо принять первоначальные меры по обеспечению сохранности обстановки на месте совершения преступления. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия на месте происшествия не должны ограничиваться ближайшей территорией нахождения потерпевшего или обнаруженного трупа. Расширение границ осмотра позволит собрать больше оперативно значимой информации.

В то же время при производстве первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий сотрудники оперативных подразделений должны организовать подворно-поквартирный обход с целью поиска и установления возможных очевидцев или местонахождения вещей и предметов, имеющих доказательственное значение. При этом следует обращать внимание не только на территорию вблизи места совершения преступления, где было обнаружено тело потерпевшего, но и по возможности установить направление движения преступника после совершения преступления.

Также важно установить личность потерпевшего на основании предметов, документов, средств связи при нем. Если по лицу можно идентифицировать трупы, сотрудники полиции прибегают к функции использования в оперативно-розыскной деятельности «отождествления личности». Производя осмотр трупа, его фотографируют, а также проверяют базы по трупам, которые поставлены на учет как пропавшие без вести лица.

Кроме того, в рамках начального этапа расследования важно предпринять ряд действий, направленных на установление личности трупа, использование

автоматизированных информационно-справочных баз данных позволяет предъявлять результаты для опознания возможным знакомым или очевидцам.

В некоторых случаях эффективным способом установления личности неопознанного трупа является использование возможностей средств криминалистической регистрации Министерства внутренних дел Российской Федерации, в которых фиксируется информация об исчезновении граждан. Одной из областей поиска преступников является оценка отношений между жертвой и преступником. Как показывает практика, в семи из десяти случаев это были родственники, знакомые, коллеги, соседи и т.д. В основном жертвы и преступники живут в одном и том же месте, из них около 50% живут в одной квартире, доме или общине, и только в 10% случаев они живут в разных местах. В других случаях они не знают друг друга или это ситуативное знакомство накануне криминального конфликта: вместе выпивают, вступают в случайные сексуальные отношения, участвуют в азартных играх.

Социальный имидж людей, посягающих на жизнь и здоровье граждан, характеризуется снижением доли рабочих и служащих, а также студентов. Среди них доля лиц, не имеющих работы, увеличилась: на каждые четыре человека, совершивших преступления, приходится более половины лиц, совершивших ранее тяжкие преступления. Кроме того, значительно возросло число особых рецидивов в таких преступлениях.

Большое количество убийств (около 80%) совершается в состоянии алкогольного опьянения. Кроме того, 3/4 убийств произошло после совместного употребления алкогольных напитков с жертвой.

Первоначальные оперативно-розыскные мероприятия включают в себя допросы лиц, сообщивших об обнаружении тел, лиц, присутствующих на месте происшествия, лиц, работающих или проживающих в месте обнаружения тел или знавших о расследуемом происшествии, лиц, связанных с погибшим (родственников, друзей, знакомых), и других свидетелей.

Организационная работа, проводимая на начальном этапе раскрытия и расследования убийств, имеет большое значение при установлении лиц, причастных к их совершению, а именно:

- грамотность и последовательность первоначальных оперативно-розыскных и следственных действий на месте совершения преступления;
- привлечение к раскрытию преступления сотрудников оперативных и следственных подразделений с опытом работы по раскрытию рассматриваемой категории преступлений;
- организация взаимодействия с различными подразделениями органов внутренних дел с целью полного обмена информацией.

Однако следует помнить, что подготовительные действия, как бы аккуратно и тайно они ни осуществлялись, всегда оставляют следы – их надо только искать, они непременно будут найдены, при этом «следователь обязан стремиться к тому, чтобы в его арсенале имелись такие технические средства, с помощью которых можно было решить любую возникшую задачу» [3, с. 91]. Рассматриваемая категория преступлений требует от сотрудников оперативных подразделений оптимизации всех профессиональных навыков и возможностей, которые позволяют установить необходимые источники информации, способные предоставить оперативно значимую информацию.

В числе основных задач при обнаружении трупа необходимо обеспечить сбор информации, касающейся сопутствующих событий:

- место и время совершения преступления;
- обстоятельства, предшествовавшие убийству;
- мотивы и цели совершения преступления;
- способы и орудия, которыми лишен жизни убитый;
- лицо или лица, причастные к совершению преступления, их количество.

В результате анализа полученной информации должен быть составлен план мероприятий. При его составлении необходимо учитывать не только личность преступника, но и личность жертвы, т.к., прежде всего, это зависит от индивидуальных особенностей каждой личности и может повлиять на результативность раскрытия преступления в целом. Эффективность раскрытия преступлений зависит от совокупности различных факторов, таких как: творческий подход, специфика совершенного преступления, учет общих закономерностей при планировании своей деятельности. Другими словами, при наличии алгоритмического подхода необходим и креативный подход [4, с. 42].

Разнообразие способов совершения и сокрытия убийств, их мотивов и целей, специфичность используемых преступниками орудий и средств, особенности места и времени совершения этих преступлений обуславливают наличие в общей методике их расследования ряда частных методик, отражающих специфику расследования убийств различных видов. К последним в зависимости от типичной криминальной ситуации могут быть отнесены убийства, связанные с применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, колюще-режущих предметов, убийства, сопряженные с расчленением трупа, замаскированные убийства, убийства, совершенные на транспорте, в драке, по корыстным, хулиганским мотивам, заказные убийства и т.д. [5, с. 98].

Виды убийств различны, по внешней обстановке бесконечно разнообразны, и не всегда бывает легко

в процессе раскрытия и расследования точно установить квалификацию данного преступления, а тем более найти лиц, причастных к его совершению, и изобличить их достаточно вескими доказательствами. Нераскрытые убийства в большинстве случаев являются следствием некачественного проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на начальном этапе расследования и связаны с оценкой версии об убийстве как маловероятной.

В случае, когда убийство остается нераскрытым, деятельность оперативных подразделений на этом не приостанавливается. По нераскрытым преступлениям одновременно проводятся два производства: оперативно-розыскное и процессуальное.

Оперативный работник в обязательном порядке обеспечивает сопровождение уголовного дела, под которым понимается комплекс оперативно-розыскных мероприятий, с целью получения или добывания информации, которую получить гласным путем не представляется возможным.

Следует отметить, что на данном этапе на оперуполномоченного распространяются положения ч. 4 ст. 157 УПК РФ, т.е. следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, возникающие по уголовным делам, представляет только следователь, а согласно ст. 38 УПК РФ до установления личности убийцы сотрудники оперативного подразделения вправе самостоятельно принимать следственные и оперативно-розыскные меры и информировать следователя о результатах расследования.

Благодаря использованию методов составления психологических и криминалистических портретов

обвиняемых преступников важную роль сыграло определение лица, виновного в убийстве.

Общим объектом данного метода является криминальное событие. Предметом портрета является содержание субъективных аспектов преступного поведения. Целью данного подхода является разработка поисковых признаков преступлений, которые следователи-криминалисты могут использовать для определения круга подозреваемых, а также для формирования поисковых версий, оперативно-розыскных мероприятий.

Следует отметить, что степень полноты и эффективности оперативно-розыскных мероприятий в каждом конкретном случае будет зависеть от количества и характера сведений, содержащихся в материалах уголовных и оперативных дел о конкретных преступных событиях.

Все оперативно-розыскные мероприятия, которые используют сотрудники оперативных подразделений, помогают следователям при расследовании и раскрытии преступлений.

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что наиболее положительные результаты при раскрытии и расследовании убийств достигаются в результате взаимодействия следственных и оперативных подразделений, т.е. наиболее целесообразно создание специализированных рабочих групп. При этом наряду с прямыми функциональными обязанностями необходимо детальное и четкое разграничение полномочий между подразделениями, включенными в состав групп по раскрытию убийств, а также использование принципа единоначалия.

Список источников

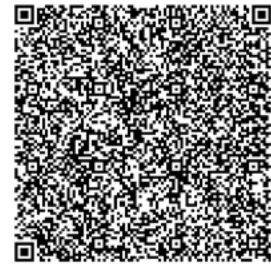
1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Шишкин В.Н., Белый А.Г. Оперативно-розыскные меры по выявлению и раскрытию убийств, замаскированных под безвестное исчезновение // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 138-140.
3. Турчин Д.А., Чижикова И.С. Полевая криминалистика и ее практическое применение: научно-практ. пособие / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2006.
4. Екимцев С.В. Некоторые аспекты деятельности ОВД по раскрытию убийств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2018. № 3 (76). С. 41-43.
5. Суханов В.Н. Особенности организации раскрытия и расследования умышленных убийств // Сборник материалов криминалистических чтений. 2014. № 10. С. 98-99.

Информация об авторе

Д.В. Кураков – кандидат юридических наук.

Information about the author

D.V. Kurakov – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.13(470)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Эльдар Кяримович Кутуев¹, Рамиля Рамилевна Гумерова²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ kutuev@inbox.ru

² gumerova.ramilia2015@yandex.ru

Аннотация. В данной статье анализируется взаимодействие следователя и органа дознания на этапе раскрытия и расследования преступлений. Статистические данные и результаты анкетирования свидетельствуют о том, что взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений находится еще не на должном уровне, что сказывается на результатах работы. Особое внимание уделяется совместному анализу и оценке материалов. Автором даны предложения, способствующие изменению сложившейся ситуации, суть которых заключается в необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: следователь, орган дознания, взаимодействие, поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, результаты оперативно-розыскной деятельности, материалы дел оперативного учета

Для цитирования: Кутуев Э.К., Гумерова Р.Р. Совершенствование взаимодействия следователя и органа дознания в уголовном судопроизводстве России // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 124-127.

Original article

IMPROVING THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR AND THE BODY OF INQUIRY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Eldar K. Kutuev¹, Ramilya R. Gumerova²

^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

¹ kutuev@inbox.ru

² gumerova.ramilia2015@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the interaction of the investigator and the body of inquiry in the process of detecting and investigating crimes. The given statistical data, the results of the survey, testify to the still insufficiently high-quality work on the interaction of investigative and operational-search units. The author of the article pays special attention to the joint analysis and evaluation of materials. As a result of the study, some directions for improving the norms of criminal procedural legislation were identified.

Keywords: investigator, body of inquiry, interaction, order to conduct operational-investigative measures, results of operational-investigative activities, case files of operational records

For citation: Kutuev E.K., Gumerova R.R. Improving the interaction of the investigator and the body of inquiry in criminal proceedings in Russia. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:124-127 (In Russ.).

© Кутуев Э.К., Гумерова Р.Р., 2022

Обострившаяся социально-экономическая обстановка в России, правовая безграмотность граждан привели к появлению достаточно устойчивой тенденции к росту тяжких и особо тяжких преступлений. Успешным противостоянием преступности является безусловное соблюдение требований закона о быстром и полном раскрытии преступлений, обеспечение неотвратимой ответственности за противоправное деяние. Однако из года в год наблюдается спад показателей, характеризующих выполнение обозначенных требований.

По данным Генерального прокурора Российской Федерации И.В. Краснова, в 2020 г. зафиксировано увеличение числа зарегистрированных преступлений, которое составило около 2 млн 400 тыс. Такая закономерность прослеживается с 2018 г. При этом на 16% увеличилось число тяжких и на 5% особо тяжких преступлений [1]. Отмечается постоянное увеличение количества уголовных дел, приостановленных в связи с неустановлением и «нерозыском» лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Наиболее сложная ситуация сложилась с противодействием дистанционным хищениям. Темпы их роста остаются высокими, что, в свою очередь, представляет немалую опасность имущественным правам граждан и организаций. Полагаем, что данная тенденция свидетельствует о недостаточном уровне взаимодействия и должна находить отражение в оценке деятельности каждой службы, задействованной в раскрытии преступлений.

Раскрытие тщательно подготовленных преступных деяний, особенно совершаемых организованными преступными группами, существенно затруднено, а иногда и вовсе невозможно исключительно процессуальным путем. По нашему мнению, успешно решить эту задачу можно только путем применения уголовно-процессуальных норм и оперативных средств, а также методов, которые используются оперативными подразделениями.

Совместная согласованная деятельность следствия и органа дознания, вовлечение лиц, оказывающих содействие правосудию [2], являются важным компонентом в процессе выявления, раскрытия и расследования каждого деяния, объектом которого являются жизнь, здоровье и имущество граждан или юридических лиц.

В научной литературе отмечается, что необходимым элементом согласованной деятельности следователя и органа дознания при раскрытии и расследовании преступлений является совместный подход к анализу и оценке материалов. Обмен информацией по различным вопросам взаимодействия дает возможность участникам прийти к единому заключению. Однако открытым по-прежнему остается вопрос о моменте, с которого следователь может начать

знакомиться с документами и иными объектами, полученными при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также об объеме таких документов. Мы согласны с мнением А.И. Кривенко, считающего, что тщательное нормативное регулирование взаимодействия следователя и оперативных подразделений правоохранительных органов в значительной степени будет способствовать этому процессу [3, с. 215].

Полагаем, что целесообразно увеличить перечень прав следователя и оптимизировать процедуру их реализации. Для этого необходимо предусмотреть в ст. 38 УПК РФ право следователя знакомиться с материалами дел оперативного учета, относящимися к расследуемому уголовному делу.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь вправе давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве розыскных, следственных или иных процессуальных действий либо о проведении оперативно-розыскных мероприятий. При этом законодатель не посчитал необходимым создать условия для проверки того, как исполняется указанное поручение. Считаем, это достаточно логично ввиду того, что именно следователь ответственен за уголовное дело, находящееся в его производстве, поэтому он сам обязан убедиться в законности и полноте полученных сведений, в т.ч. и при проведении оперативно-розыскной деятельности. Также необходимо соблюдать требования, предусмотренные в законе к данным сведениям, в противном случае они будут признаны незаконными. Так, в ходе проведения прокурорских проверок установлено наличие однотипных нарушений, допускаемых оперативными сотрудниками при оформлении материалов оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий. Преобладающее большинство нарушений установленного порядка производства по делам оперативного учета выражается в формальном подходе и бессистемном планировании оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий оперативными сотрудниками, нарушении сроков ведения дел, необоснованном прекращении дел и т.д. [4].

При отсутствии четкой координации действий оперативного сотрудника и следователя в ходе реализации оперативных материалов трудно рационально спланировать работу по уголовному делу, определить оптимальные способы и возможности целенаправленного сбора доказательств. Ознакомление следователя с имеющимися оперативными материалами на стадии их подготовки к реализации, совместное планирование мероприятий являются ключевыми условиями своевременного и обоснованного возбуждения уголовного дела. Следователь имеет возможность в короткие сроки выявить все преступные эпизоды, получить сведения, характеризующие состав

группы, мотивы поведения, обнаружить и изъять вещественные доказательства, опровергнуть имеющиеся версии, в т.ч. выдвинутые обвиняемыми с целью избежать предусмотренного наказания. Это особенно важно при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами. Несоблюдение этого условия часто приводит к невосполнимой утрате доказательств, невозможности лишь уголовно-процессуальным путем установить целый ряд существенных обстоятельств и привлечь к ответственности всех лиц, причастных к преступлению.

Следует согласиться с Е.А. Соломатиной и А.В. Трощанович в том, что большинство ошибок и нарушений закона, которые допускают оперативные сотрудники, отражается в представляемых следователю оперативно-служебных документах. Затем эти ошибки переключаются в материалы уголовного дела и могут использоваться стороной защиты с целью признания их недопустимыми доказательствами [5], по нашему мнению, также и для прекращения уголовных дел и вынесения оправдательных приговоров.

Кроме обозначенных проблем, между следователем и органами дознания возникает множество других вопросов, требующих взаимодействия. Так, 38% респондентов проведенного в 2021 г. анкетирования сотрудников следственных подразделений Следственного комитета и органов внутренних дел Российской Федерации в Республике Башкортостан, Челябинской и Оренбургской областях отметили отсутствие надлежащего законодательного регулирования форм и условий взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений; 36% – отсутствие руководящей роли следователя; 18% – отсутствие понимания общности задач; 8% – отсутствие доверия между участниками взаимодействия. В этой связи мы солидарны с Т.А. Паутовой в том, что необходимо включить в полномочия следователей органов внутренних дел право определения конкретного срока исполнения органами дознания поручений о производстве следственных и оперативно-розыскных действий [6].

На основе проведенного исследования мы пришли к выводу о необходимости закрепить в УПК РФ право следователя знакомиться с материалами дел оперативного учета, относящимися к расследуемому уголовному делу, и требование предоставления отчета органа дознания, дознавателя о проделанной работе по конкретному поручению. Это позволит работать по единому плану, предоставит возможность следователю шире использовать сведения, полученные негласным путем, а также с учетом полученной информации менять тактику расследования уголовного дела. Подчеркнем, что именно следователь играет особую роль в уголовном судопроизводстве,

т.к. именно на него законом возложена персональная ответственность за ход и результаты расследования. Являясь субъектом организации взаимодействия, он завершает усилия многих служб по раскрытию и расследованию преступления.

Вместе с тем может возникнуть справедливый вопрос о том, не будет ли право следователя на ознакомление с делами оперативного учета противоречить федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [7], в соответствии со ст. 2 которого полномочия по раскрытию противоправных деяний возложены на осуществляющие оперативно-розыскную деятельность органы. Полагаем, что необходимо будет внести изменения и в федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Для того чтобы более эффективно использовать результаты оперативно-розыскной деятельности, необходимо уходить от старых шаблонов, как это сделал, например, казахстанский законодатель. Согласно п. 9 ст. 60 УПК Республики Казахстан следователь вправе знакомиться с материалами дел оперативного учета и негласных следственных действий органов дознания, относящимися к расследуемому им делу, истребовать их для приобщения к данному делу, давать органам дознания обязательные для исполнения поручения и указания о производстве розыскных, следственных и негласных следственных действий и требовать от них содействия в производстве следственных действий [8]. В этой связи целесообразно расширить возможности следователя по получению доказательственной базы, для чего закрепить в УПК РФ положение о праве следователя на ознакомление с материалами дел оперативного учета, относящимися к расследуемому им уголовному делу. При этом, безусловно, должен присутствовать ведомственный контроль и прокурорский надзор. В определенной мере данное предложение согласуется и с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [9]. Вместе с тем следует отметить, что дела оперативного учета истребуются и представляются следователю, за исключением оперативных материалов о негласном содействии лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

С целью реализации изложенного предлагаем ч. 2 ст. 38 УПК РФ дополнить п. 41 в следующей редакции: «...знакомится с материалами дел оперативного учета, относящимися к расследуемому уголовному делу, за исключением оперативных материалов, относительно негласного содействия лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность».

Таким образом, успешное раскрытие и расследование преступлений зависит от эффективности

взаимодействия, оперативности и организованности совместной служебной деятельности подразделений и служб органов внутренних дел. Устранение имеющихся пробелов как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и в иных нормативных

актах не только потенциально улучшит качество оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступлений, но и в целом повысит авторитет следствия и его роль в обеспечении законности и правопорядка.

Список источников

1. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: [www.http://epp.genproc.gov.ru](http://epp.genproc.gov.ru) (дата обращения: 16.12.2021).
2. Латыпов В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 29 с.
3. Кривенко А.И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М.: Юрлитинформ, 2008. 240 с.
4. Никитин Е. Обеспечение прокурором законности документирования оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2020. № 4 (1026). С. 11.
5. Соломатина Е.А., Трощанович А.В. Материалы оперативно-розыскной деятельности как доказательства, проблемы их использования [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
6. Паутова Т.А. Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 20 с.
7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. а от 01.04.2022 № 77-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (принят 4 июля 2014 г.; по состоянию на 9 июля 2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 11.07.2022).
9. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 (зарегистрирован в Минюсте России 05.12.2013 № 30544). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 19.06.2012 № 608 (ред. от 04.02.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторах

Э.К. Кутуев – доктор юридических наук, профессор;

Р.Р. Гумерова – соискатель Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the authors

E.K. Kutuev – Doctor of Science (Law), Professor;

R.R. Gumerova – degree-seeking student of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Андрей Григорьевич Лисицын

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия,
aav28010208@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье проведен анализ подходов различных ученых к разграничению понятий «оперативно-розыскное сопровождение» и «оперативно-розыскное обеспечение». Рассмотрены основные задачи оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел и обозначены основные принципы, на которых строится эта деятельность. В статье также выражена авторская позиция, касающаяся определения данного понятия.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное сопровождение уголовных дел, оперативно-розыскное обеспечение, организационно-тактическая форма оперативно-розыскной деятельности

Для цитирования: Лисицын А.Г. Некоторые аспекты оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 128-132.

Original article

SOME ASPECTS OF OPERATIONAL-SEARCH SUPPORT OF CRIMINAL CASES

Andrey G. Lisitsyn

Lukyanov Orel Law Institute of the Interior of the Russian Federation, Orel, Russia, aav28010208@yandex.ru

Abstract. This article analyses the approaches of various scientists to the distinction between the concepts of «operational-search support» and «operational-search secure». The main tasks of operational-search support of criminal cases are considered and the main principles on which this activity is based are outlined. The article also expresses the author's position regarding the definition of this concept.

Keywords: operational-search activity, operational-search support of criminal cases, operational-search support, organizational and tactical form of operational-search activity

For citation: Lisitsyn A.G. Some aspects of operational-search support of criminal cases. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;4:128-132 (In Russ.).

Оперативно-розыскное сопровождение уголовных дел наравне с такими формами, как оперативный поиск, оперативная разработка и оперативно-розыскное предупреждение преступлений относится к организационно-тактическим формам оперативно-розыскной деятельности и каждодневно используется оперативными подразделениями в целях исполнения задач оперативно-розыскной деятельности, обозначенных в федеральном законе № 144 от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») [1, с. 72].

В теории оперативно-розыскной деятельности понятие сопровождения является новым направлением и поэтому считается не до конца изученным. Большое количество научных исследований, посвященных данному вопросу, лишь подтверждает это.

Различные ученые по-разному рассматривают данное понятие, употребляя термины «оперативно-розыскное сопровождение» и «оперативно-розыскное обеспечение». В настоящее время нет единой устоявшейся позиции по данному поводу.

Разграничению и соотношению двух указанных понятий посвящено немало работ, и все они без исключения содержат в себе сноски на толковые словари русского языка, где под «сопровождением» понимается «то, что сопровождает какое-нибудь явление либо действие», а термин «обеспечение» имеет смысловую нагрузку в виде «снабжения чем-нибудь в нужном количестве».

Также в контексте разграничения данных понятий используется временной фактор [2, с. 75]. В данном случае авторы разделяют понятия следующим образом: оперативно-розыскное обеспечение осуществляется еще до такой стадии уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела, тогда как оперативно-розыскное сопровождение связано с моментом возбуждения уголовного дела и является основанием для этого. Изложенное вполне соответствует лексическому значению слов «обеспечение» и «сопровождение».

Помимо лексического значения слов, авторы, рассматривая соотношение данных понятий, также обращаются к нормативному регулированию этого вопроса.

В Законе «Об ОРД» вышеуказанные понятия отсутствуют, однако в других актах их можно встретить.

Например, понятие «оперативное обеспечение» в нормативно-правовых актах органов внутренних дел в первый раз было отмечено в Указании МВД СССР от 5 декабря 1984 г. № 124, а в Приказе МВД России от 31.03.2010 № 256 используется понятие «оперативно-розыскное сопровождение».

Также нельзя не согласиться с мнением А.И. Мелихова, О.А. Абрамова, Т.И. Андрущенко

и Л.П. Готчиной, которые разделяют эти понятия, ссылаясь на паспорт научной специальности 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность, где в качестве сферы научных исследований закреплено «оперативно-розыскное обеспечение расследования и судебного разбирательства уголовных дел» и «теоретические и прикладные вопросы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства» [3, с. 135].

Неверность данной позиции видится в том, что соединение оперативно-розыскного обеспечения исключительно с уголовным процессом лишает его той особенной специфики, самостоятельности и независимости организационно-тактических форм оперативно-розыскной деятельности.

Также следует проанализировать мнения различных авторов на этот счет.

Например, И.В. Большов придерживается мнения о том, что данные понятия равнозначны [4, с. 153], тогда как другие авторы (Е.В. Новицкая, А.И. Александров, Б.П. Смагоринский, Е.М. Рябков и др.) подходят к данному вопросу через определение данной организационно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности в качестве комплекса оперативно-розыскных мероприятий разведывательного характера, направленных на собирание информации о факте преступной деятельности и обеспечение возможности её использования в ходе доказывания в уголовном процессе.

Таким образом, видно, что единого подхода к соотношению данных понятий в теории оперативно-розыскной деятельности нет, что не является негативным явлением, а наоборот, позволяет науке развиваться, разрабатывать собственную терминологию.

Не найдя ответа на поставленный вопрос в теории, обратимся к практике.

Как уже отмечалось выше, понятий «оперативно-розыскное сопровождение» и «оперативно-розыскное обеспечение» в Законе «Об ОРД» нет, однако слово «обеспечение» встречается в других словосочетаниях, таких как «финансовое обеспечение», «информационное обеспечение» и др.

А слово «сопровождение» используется в словосочетании «оперативное сопровождение уголовных дел» [5], которое считается классическим.

Из изложенного выше становится ясно, что предпочтение отдается дефиниции «оперативное сопровождение», однако оно не полностью отражает сущность организационно-тактических форм.

Поэтому мы считаем верным использовать термин «оперативно-розыскное сопровождение» уголовных дел применительно к деятельности оперативных подразделений в содействии в расследовании преступлений следственным органам.

Таким образом, определив соотношение понятий «оперативно-розыскное сопровождение» и «оперативно-розыскное обеспечение», необходимо сформулировать понятие, которое отразит все присущие ему признаки.

Перед тем как дать собственное определение рассматриваемому понятию, необходимо привести дефиниции других авторов.

Как считает А.И. Александров, оперативно-розыскное сопровождение – это деятельность оперативных аппаратов ОВД по созданию оптимальных условий для полного, всестороннего и объективного расследования и эффективного поддержания государственного обвинения путем осуществления комплекса ОРМ преимущественно разведывательного характера в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, их связей и преодолению неправомерного противодействия процессуальному доказыванию [6, с. 22].

Согласно определению Б.П. Смагоринского, оперативно-розыскное сопровождение является комплексом действий, связанных с собиранием фактических данных, оказывающих влияние на событие преступления, выявление лиц, их совершивших, возможность использования этих данных в уголовном процессе, их легализацию в целях получения судебных доказательств [7, с. 30].

Как видно из вышеизложенного, авторы определяют данный термин в качестве одного из видов оперативно-розыскной деятельности, что в соответствии с настоящей научной статьей не является абсолютно верной позицией, т.к. выше уже отмечалось, что оперативно-розыскное сопровождение – это одна из организационно-тактических форм оперативно-розыскной деятельности, которая наравне с такими формами, как оперативная разработка, оперативный поиск и оперативно-розыскное предупреждение преступлений, каждодневно используется оперативными подразделениями в целях выполнения задач ОРД.

Сопровождение уголовных дел должно решать следующие основные задачи:

- установление лиц, обладающих информацией о совершенном преступлении, – сюда входят не только лица, непосредственно совершившие преступление, но также лица, которые могут стать свидетелями по уголовному делу или потерпевшие, которые в силу различных обстоятельств не смогли обратиться в правоохранительные органы за помощью;

- выявление ранее неизвестных фактов противоправной деятельности подозреваемых по уголовному делу – здесь имеются в виду те случаи, когда подозреваемые могут быть причастны к преступлениям прошлых лет или латентным преступлениям.

Отличным примером изложенного является преступление, совершенное в отношении Викто-

рии Гнедовой из Орловской области. В ходе расследования её пропажи было возбуждено уголовное дело об убийстве. Спустя несколько месяцев труп девочки был обнаружен в подвале дома, где она проживала. В совершении этого преступления следствие подозревало соседа семьи девочки. В ходе обработки данного мужчины было установлено, что он причастен к пропаже ещё одного ребенка – Болотова Константина, который пропал еще в 2005 г. Его тело было найдено в 2021 г., и у сотрудников Следственного комитета и уголовного розыска сразу появилась версия о причастности к данному преступлению убийцы Викторией Гнедовой. По результатам проведенных мероприятий мужчина сознался в убийстве мальчика;

- получение информации, которая может быть использована в процессе доказывания по уголовному делу;

- розыск похищенного, отыскание предметов и орудий совершения преступления и других предметов, которые могут быть использованы в качестве такой разновидности доказательств по уголовному делу, как вещественные;

- пресечение противодействия расследованию преступления – здесь речь идет о том, чтобы не допустить совершения лицом новых преступлений, о пресечении попыток скрыться от органов следствия, а также воспрепятствовать иным попыткам помешать расследованию уголовного дела.

Примером пресечения попыток скрыться от органов следствия являются случаи, когда на первоначальном этапе расследования у следователя нет процессуальных доказательств, необходимых для того, чтобы избрать лицу меру пресечения в виде заключения под стражу. Оперативные сотрудники, осуществляя сопровождение уголовного дела, получают данные, анализируя и документируя которые можно полагать, что лицо может скрыться от следственных органов или продолжит осуществлять преступную деятельность. А это, в свою очередь, является основанием для избрания указанной меры пресечения. Такая информация, если она зафиксирована в соответствии с требованиями законодательства, позволит следователю обоснованно выйти в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и исключить возможность противодействия расследованию со стороны подозреваемого/обвиняемого.

Это лишь малая часть тех задач, которые включаются в рассматриваемую организационно-тактическую форму. Следует отметить, что данные задачи являются содержанием оперативно-розыскного обеспечения уголовных дел, ведь посредством выполнения этих задач повышается эффективность расследования в целом.

Резюмируя вышеизложенное, под оперативно-розыскным сопровождением уголовных дел мы понимаем деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по созданию необходимых условий для наиболее полного и объективного расследования уголовных дел путем осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, предметов и фактов, представляющих оперативный интерес; обеспечению использования их в качестве доказательств по уголовному делу и преодолению противодействия расследованию.

Как и в любом определении, мы можем выделить отличительные признаки, свойственные лишь этому понятию. Выделяют следующие характерные черты оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел:

- субъектами оперативно-розыскного сопровождения являются исключительно оперативные сотрудники;
- объектом оперативно-розыскного сопровождения являются лица, факты и предметы, представляющие оперативный интерес;
- оперативно-розыскное сопровождение осуществляется путем производства оперативно-розыскных мероприятий;
- от этапа расследования уголовного дела зависит вид оперативно-розыскного сопровождения;
- направленность иная, нежели у других форм оперативно-розыскной деятельности.

В зависимости от этапа расследования уголовного дела:

- оперативно-розыскное сопровождение возбуждения уголовного дела – в данном случае оперативным сотрудникам необходимо оказать содействие в получении информации, которая может стать основанием для возбуждения уголовного дела;
- оперативно-розыскное сопровождение первоначального этапа расследования;
- оперативно-розыскное сопровождение основного этапа расследования;
- оперативно-розыскное сопровождение такой категории уголовных дел, которые были приостановлены по основаниям, предусмотренным статьей 208 УПК РФ.

По субъектам взаимодействия:

- ведомственное – когда осуществляется сопровождение уголовных дел, возбужденных одним ведомством, например, сотрудники уголовного розыска сопровождают уголовные дела, подведомственные органам внутренних дел;

- межведомственное – когда оперативно-розыскное сопровождение необходимо следственным подразделениям другого ведомства, например Следственному комитету России.

В заключение рассмотрения основ оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел необходимо определить его принципы.

Данные исходные положения во многом аналогичны принципам самой оперативно-розыскной деятельности, поэтому для полного и всестороннего изучения настоящего вопроса необходимо кратко их рассмотреть.

Итак, к настоящим принципам относятся:

- принцип законности, означающий неуклонное соблюдение требований нормативно-правовых актов при оперативном сопровождении уголовных дел;
- принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина;
- принцип конспирации – сохранение в тайне своих действий и отличающегося порядка использования оперативно-розыскных данных;
- принцип научности означает, что при осуществлении этой деятельности необходимо основываться на современных достижениях науки и техники;
- принцип комплексности, заключающийся в необходимости использования всех возможностей оперативно-розыскной деятельности;
- принцип активности и наступательности выражается в занятии активной позиции по получению оперативной информации о лицах, предметах и фактах, представляющих оперативный интерес;
- сочетание гласных и негласных методов и средств;
- принцип самостоятельности относится не только к оперативным сотрудникам, но и к лицу, производящему расследование, и означает, что при принятии решений о производстве тех или иных действий оперуполномоченный или следователь самостоятелен;
- принцип соразмерности.

Подводя итог всему вышеизложенному, мы приходим к выводу, что оперативно-розыскное сопровождение является одной из самостоятельных форм оперативно-розыскной деятельности, целью которой является создание необходимых условий для наиболее полного и объективного расследования уголовных дел. Рассмотренная организационно-правовая форма имеет свои отличительные черты и принципы, не может быть отождествлена с понятием оперативно-розыскного обеспечения.

Список источников

1. Яскевич А.В., Стефаненко А.П. Оперативно-розыскное сопровождение уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1 (39). С. 71-75.

2. Замылин Е.И. Оперативно-разыскное «обеспечение» или оперативно-разыскное «сопровождение»? // Оперативно-разыскное право: сборник научных трудов. 2015. С. 74-78.
3. Мелихов А.И., Абрамов О.А., Андрущенко Т.И., Готчина Л.П. Оперативно-разыскное сопровождение как способ обеспечения национальной безопасности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 133-142.
4. Большов И.В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 150-154.
5. Положение о Главном управлении уголовного розыска МВД России. URL: https://xn-b1aew.xn--plai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_ugolovnogo_roziska/Polozhenie.
6. Александров А.И. Оперативно-розыскное сопровождение уголовного преследования организованных преступных групп: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
7. Смагоринский Б.П. Проблемы совершенствования оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования тяжких преступлений // Тактика, методика и психология расследования тяжких преступлений: сборник научных трудов. 1994. С. 28-35.
8. В деле об убийстве Виктории Гнедовой появился новый эпизод. URL: https://newsorel.ru/fn_768585.html.

Научная статья
УДК 343.13:342.7

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СВЯЗАННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДЛОЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Владимир Емельянович Ляпичев¹, Дарья Андреевна Глухова²

^{1,2} Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

¹ a_nado@bk.ru

² ya.kulikova212@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечается, что при совершении таких преступлений, как мошенничество, используются документы, которые являются важнейшим источником криминалистически значимой информации об отдельных обстоятельствах совершения данного вида преступлений. Проведение экспертных исследований по таким видам объектов способствует установлению фактов, которые относятся к разным сторонам рассматриваемого вида преступлений, прежде всего к объективной, т.к. несут информацию о способе изготовления документа в целом или его отдельных реквизитов, использованных при этом устройствах, предметах и материалах, а также о действиях субъекта деяния.

Ключевые слова: мошенничество, подложные документы, обстоятельство преступления, следы подлога, экспертные исследования, заключение эксперта, доказательства

Для цитирования: Ляпичев В.Е., Глухова Д.А. Значение экспертных исследований в установлении обстоятельств совершения мошенничества, связанного с использованием подложных документов // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 133-138.

Original article

THE IMPORTANCE OF EXPERT INVESTIGATION IN ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF FRAUD RELATED TO THE USE OF FORGED DOCUMENTS

Vladimir Ye. Lyapichev¹, Darya A. Glukhova²

^{1,2} Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

¹ a_nado@bk.ru

² ya.kulikova212@yandex.ru

Abstract. The article notes that documents used in fraud are among the most important sources of criminologically significant information about certain circumstances of the commission of this type of crime. This determines the need for expert studies of these objects, which contribute to the establishment of facts related to different parties to the crime in question, and, above all, to objective, since they carry information about the method of producing the document as a whole or its individual details, devices, objects and materials used in this, as well as about the actions of the subject of the act.

Keywords: fraud, fraudulent documents, circumstance of crime, traces of forgery, expert research, expert opinion, evidence

For citation: Lyapichev V.E., Glukhova D.A. The importance of expert investigation in establishing the circumstances of fraud related to the use of forged documents. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:133-138 (In Russ.).

© Ляпичев В.Е., Глухова Д.А., 2022

Основываясь на результатах анализа практики выполнения экспертных исследований в подразделениях МВД, рассмотрим особое значение идентификационных исследований, осуществляемых в рамках технико-криминалистической экспертизы документов и почерковедческой экспертизы, в раскрытии механизма мошенничества, связанного с изготовлением и использованием подложных документов, в установлении роли конкретного лица в совершенном деянии.

Установлению отдельных элементов объективной стороны совершения мошенничества наряду с названными выше экспертизами может способствовать производство других родов криминалистических экспертиз, к примеру автороведческой, дактилоскопической, а также компьютерной экспертизы съемных носителей и (или) жестких дисков персональных компьютеров (серверов), изъятых в процессе производства оперативно-следственных мероприятий. Назначение производства того или иного рода криминалистической экспертизы определяется предметом преступного посягательства и реально сложившимися обстоятельствами, образующими конкретную следственную ситуацию.

К числу распространенных видов преступлений, совершаемых в нашей стране, относится мошенничество. В соответствии с российским законодательством оно представляет собой одну из форм хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ). Преступления данного вида в настоящее время относятся к числу наиболее массовых и разнообразных по способу их совершения и предмету преступных посягательств, приобретая характер социального явления. Об этом свидетельствует тот факт, что в ныне действующем УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за целый ряд следующих разновидностей мошенничества: «Мошенничество в сфере кредитования» (ст. 159.1); «Мошенничество при получении выплат» (ст. 159.2); «Мошенничество с использованием платежных карт» (ст. 159.3); «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» (ст. 159.4); «Мошенничество в сфере страхования» (ст. 159.5); «Мошенничество в сфере компьютерной информации» (ст. 159.6).

Следователи при выявлении и расследовании мошенничества зачастую испытывают значительные трудности, обусловленные различными причинами, прежде всего тем, что криминальная деятельность в указанных сферах сочетается, как правило, с законной и характеризуется к тому же высоким уровнем ее интеллектуального обеспечения [1, с. 148].

Необходимо также отметить, что мошенничество как форма действия, направленного на изъятие из законного владения и присвоение чужого имущества

или денежных средств, сопровождается, как правило, использованием подложных документов. В результате этого следователь изначально сталкивается не с одним правонарушением, а с целой цепочкой последовательно совершаемых преступлений, объединенных общим замыслом, которые установить в процессе расследования далеко не всегда просто.

Специфика раскрытия и расследования мошенничества, связанного с использованием подложных документов, состоит в том, что эти объекты служат источниками важнейшей информации о преступной деятельности субъектов по подготовке и совершению преступления, прежде всего о способах изготовления подложных документов, примененных при этом устройствах, предметах, материалах и технологиях.

Данное обстоятельство предопределяет необходимость назначения и производства экспертизы документов, изъятых в процессе производства оперативно-следственных мероприятий, поскольку «среди различных видов доказательств по делам, связанным с изготовлением подложных документов, заключение эксперта выглядит как одно из самых весомых и объективных, так как основано на использовании специальных, научно обоснованных методик» [2, с. 89].

Документы, приобщаемые к делам о мошенничестве в качестве вещественных доказательств, могут подвергаться экспертному исследованию в границах различных криминалистических экспертиз, но к числу наиболее часто назначаемых относятся технико-криминалистическая экспертиза документов (ТКЭД) и почерковедческая. При этом основной целью таких исследований является выявление в этих объектах следов материального подлога.

Анализ судебной и экспертной практики свидетельствует о том, что зачастую подложные документы не содержат явных признаков подлога, т.е. по форме и наличию необходимых реквизитов они соответствуют образцам подлинных документов. Это обусловлено тем, что к преступной деятельности по изготовлению фальшивых документов нередко привлекаются лица, профессионально владеющие технологиями изготовления таких объектов и использующие при этом современную полиграфическую, копировально-множительную и (или) организационную технику. Кроме того, известны многочисленные случаи изготовления подложных документов путем интеллектуального подлога. Тем не менее добытые в процессе производства экспертизы сведения могут способствовать выяснению важных обстоятельств подготовки и совершения мошенничества.

Показательным примером в этом отношении может служить расследование уголовного дела, возбужденного в 2021 г. Главным следственным управлением МВД России по *** области по обвинению руководителя кредитно-кассового офиса коммерческого

банка «***» гр. Н., а также гр. Ш. и гр. Г. в совершении серии преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 159 УК РФ.

В ходе расследования было установлено, что в течение 2019-2020 гг. гр. Н., действуя по предварительному сговору с гр. Ш. и гр. Г. с целью получения кредитов в выше указанном коммерческом банке и последующего хищения выдаваемых при этом денежных средств, подыскивала потенциальных заемщиков, которых они снабжали подложными справками, содержащими недостоверные сведения о месте их работы и размерах заработной платы. На основании этих документов банк предоставлял заемщикам кредит, чему способствовала гр. Н., используя свое служебное положение. Полученные денежные средства в дальнейшем не возвращались кредитору, а присваивались и распределялись между участниками преступной группы.

Сложность раскрытия и расследования данного преступления во многом была обусловлена тем, что в его организации непосредственное участие принимало должностное лицо, являющееся сотрудником банка. К тому же при получении кредита использовались документы, изготовленные путем интеллектуального подлога, т.е. фальшивые по содержанию, но внешне ничем не отличающиеся от подлинных, поскольку имели все необходимые реквизиты. Поэтому эксперту, проводившему технико-криминалистическую экспертизу документов, выявить в них следы материального подлога не представилось возможным.

Однако в процессе идентификационного экспертного исследования оттисков печати, имевшихся в этих документах, удалось установить, что они были нанесены печатью, принадлежащей легально действующей ООО «***»¹. Полученные в процессе производства ТКЭД результаты послужили важнейшим основанием для выдвижения версии о причастности к изготовлению подложного документа сотрудника организации, в чьем распоряжении находилась печать, а также о наличии преступного сговора этого сотрудника с гр. Н.

Приведенный пример наглядно демонстрирует важное значение результатов технико-криминалистической экспертизы документов, проходящих по делу о мошенничестве в качестве вещественных доказательств, в установлении фактов, характеризующих прежде всего элементы объективной стороны деяния. Но полученная экспертным путем информация опосредованно указывала на причастность к изготовлению подложного документа лицом, использовавшим свое служебное положение, – деянию, подпадающему под действие ч. 2 ст. 159 УК РФ.

¹ Заключение эксперта № **** от 15 мая 2021 г. Архив ЭКЦ ГУ МВД России по *** обл.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при мошенничестве злоумышленники прибегают иногда к использованию наряду с поддельными документами подлинных, похищенных у законного владельца. Именно такой случай был выявлен при расследовании уголовного дела, возбужденного по факту незаконной регистрации перехода права собственности на квартиру, расположенную в Советском районе г. Х., от умершего гр. Н. к одному из членов преступной группы. В ходе следствия был установлен факт подделки подписи от имени нотариуса в копии свидетельства о праве наследования, чему способствовали результаты почерковедческой экспертизы указанного реквизита². В то же время эксперт, проводивший технико-криминалистическую экспертизу паспорта, предъявленного при регистрации квартиры, не выявил признаков замены фотокарточки. Результаты экспертизы позволили следовательно предположить, что перерегистрация осуществлялась от имени умершего путем использования его же паспорта. В ходе дальнейших следственных действий эта версия подтвердилась. Как выяснилось в дальнейшем, успеху противоправной операции способствовало значительное сходство черт лица бывшего хозяина квартиры и злоумышленника, действовавшего от его имени. Как известно, при мошенничестве используются документы, подготовленные как путем интеллектуального подлога, так и материального.

С позиций современных криминалистов, преступную деятельность по изготовлению подложных документов следует рассматривать как совокупность взаимосвязанных, последовательных и осмысленных действий преступника по подготовке и совершению преступления, порождающую следы подлога как изменения в реальной среде [3, с. 40]. Добываемые в процессе экспертного исследования материальных следов подлога сведения отражают по существу непосредственно сами действия субъекта преступления (использованные им материалы, устройства, предметы, технологии), поэтому можно утверждать, что последние устанавливаются экспертным путем, ибо они как раз и являются искомыми.

Причем, полученная экспертным путем информация выражает собой не просто произошедшие в реальной среде изменения, связанные с изготовлением подложного документа, а зеркальный образ отобразившейся функциональной системы субъекта подлога, благодаря чему свойства преступника в той или иной степени могут быть опознаны [4].

В связи с этим следует подчеркнуть особое значение почерковедческой экспертизы рукописных реквизитов в документах. Поскольку почерк представляет собой совокупность действий, образующих

² Заключение эксперта № **** от 18 мая 2021 г. Архив ЭКЦ ГУ МВД России по *** обл.

специфическую структуру письменно-двигательного функционального комплекса каждого индивида, обладающую стандартностью, стабильностью во времени и по отношению к разнообразным внешним и внутренним сбивающим факторам, производство почерковедческой экспертизы позволяет идентифицировать конкретного исполнителя подписи и (или) текста.

Так, при расследовании уголовного дела, возбужденного по фактам совершения неоднократных преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, следователем была выдвинута версия о том, что подозреваемый М., являясь руководителем филиала строительного управления № 8114 (СУ № 8114), расположенного в г. Н., преследуя корыстные цели, оформил документы с заведомо ложными сведениями об объеме выполненных работ возглавляемой им организацией. На основании этих документов СУ № 8114 незаконно получило от головного строительного управления 25 179 853 руб. 62 коп. Подтверждению факта причастности к совершению мошенничества вышеуказанного должностного лица способствовало назначение и производство почерковедческой экспертизы подписей, поставленных от его имени в справках и заявке. В результате было установлено, что эти удостоверительные реквизиты были выполнены подозреваемым гр. М.¹

Следует заметить, что при расследовании групповых преступлений рассматриваемого вида производство почерковедческой экспертизы способствует не только установлению самого факта использования подложного документа, но и дифференцированию роли конкретного лица в совершенном преступлении. Так, при расследовании уголовного дела, возбужденного 11 января 2019 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в отношении группы лиц, была произведена почерковедческая экспертиза подписей и записей, имевшихся в поддельных правоустанавливающих документах на квартиру, приобретенных к делу в качестве вещественных доказательств. В результате исследования эксперт пришел к категорическому выводу о том, что рукописные тексты и подписи в этих документах выполнены одним из подозреваемых, а именно гр. А.²

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют роль экспертного исследования (в данном случае почерковедческого) в получении прямой информации об исполнителе документов, приобретенных к делу в качестве вещественных доказательств.

Следует заметить, что носителями ценной криминалистически значимой информации о возможной

причастности конкретного лица к мошенничеству, реализуемому с помощью подложных документов, могут являться не только следы подлога в этих объектах, но и следы биологического характера (например, частицы крови), а также следы пальцев рук, обнаруженные на предметах, изъятых в процессе производства оперативно-следственных мероприятий.

Поэтому для извлечения такой информации необходимо назначать производство соответственно биологической или дактилоскопической экспертизы. Однако при этом следует учитывать, что наличие на подложном документе вышеуказанных следов, принадлежащих конкретному человеку, может служить прямым доказательством лишь того, что последний имел контакт с этим объектом, и не может служить доказательством участия индивида в совершении преступления.

При установлении обстоятельств изготовления подложных документов ценные сведения доказательного характера могут быть добыты в процессе экспертного исследования изъятых на месте происшествия материалов, предметов и устройств, обычно используемых при производстве и оформлении подлинных документов. Полученная при этом информация может служить косвенным доказательством причастности лица, у которого они изъяты, к изготовлению фальшивых документов.

Так, в ходе обыска, произведенного по месту жительства гр. С. – одной из обвиняемых по ч. 4 ст. 159 УК РФ в совершении преступных мошеннических действий, направленных на получение незаконных выплат по безработице в сумме около 600 000 рублей и осуществленных группой лиц с помощью поддельных документов (трудовых книжек и справок о средней зарплате), была изъята печать. В результате сравнительного технико-криминалистического исследования оттисков-образцов, нанесенных этой удостоверительной формой, и оттисков, имевшихся в вышеуказанных документах, было установлено полное совпадение как общих, так и частных признаков, отобразившихся в сравниваемых оттисках³. Это послужило основанием для вывода о том, что в подложных документах оттиски наносились одной и той же печатью, а именно изъятой при обыске.

Важно подчеркнуть, что полученные экспертным путем сведения имеют, несомненно, важное значение для определения степени общественной опасности и преступления, и преступника. Но окончательный вывод о причастности подозреваемого к изготовлению подложных документов делает суд с учетом всей имеющейся в его распоряжении доказательной информации.

¹ Заключение эксперта №**** от 26 мая 2021 г. Архив ЭКЦ МВД России по *** Республике.

² Заключение эксперта №**** от 30 апреля 2021 г. Архив ЭКЦ УВД России по г. Н.

³ Заключение эксперта № **** от 14 мая 2021 г. Архив ЭКЦ ГУ МВД России по *** Республике.

При выяснении механизма преступлений, связанных с использованием подложных документов, ценное значение имеют сведения не только о способе, но и о качестве подделки того или иного реквизита. Такого рода информация добывается, как правило, в процессе производства технико-криминалистической экспертизы документов.

Так, при расследовании обстоятельств совершения неоднократных мошеннических действий, направленных на незаконное приобретение прав на квартиры, расположенные в г. Х., и осуществленных группой лиц, возглавляемой гр. С., было проведена идентификационная технико-криминалистическая экспертиза оттисков печатей в доверенностях, предназначенных для противоправной государственной регистрации права собственности на указанные квартиры и изъятых по месту жительства гр. С.¹ При этом было установлено, что оттиски гербовых печатей, расположенные в указанных доверенностях, не были нанесены печатями, имеющимися в распоряжении нотариусов, проходящих по делу в качестве свидетелей. Это послужило важным свидетельством непричастности последних к подлогу документов.

В заключении эксперта особо отмечалось высокое качество изображений поддельных оттисков, что выражалось в полном совпадении общих признаков (размеров, размещения текста, конфигурации знаков) и лишь в незначительном отличии частных признаков, отобразившихся в поддельных оттисках и образцах оттисков подлинных печатей, принадлежащих нотариусам. Полученные экспертным путем сведения позволили сделать вывод о том, что изготовление подложной печати осуществлялось по одной из современных технологий, связанных с использованием компьютеров и применяемых на предприятиях, занимающихся изготовлением удостоверительных форм на легальной основе. Причем, в качестве оригинал-макета при этом был использован, очевидно, оттиск подлинной печати, обнаруженный на листе бумаги, изъятом при обыске по месту жительства подозреваемого гр. С.

Поскольку указанные технологии предполагают использование при изготовлении удостоверительных форм электронных носителей информации, то установлению этого факта может способствовать производство компьютерной экспертизы, направленной на изучение так называемых виртуальных следов как носителей криминалистически значимой информации.

К такого рода следам криминалисты относят любое криминалистически значимое уголовно-релевантное изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации на материальном носителе (например, на съемных носителях и жестких дисках персональных компьютеров) [5, с. 76].

В подложном документе находят свое отражение различные свойства личности изготовителя, в частности степень владения индивидом полиграфической, копировальной или организационной техникой, а также уровень письменной речи автора документа, характерный для него стиль оформления документа в целом. Получение таких сведений осуществляется в рамках производства ТКЭД и автороведческой экспертизы соответственно.

Таким образом, экспертные исследования, осуществляемые при расследовании мошенничества, связанного с использованием подложных документов, относятся к числу важнейших следственных действий, способствующих установлению фактов, характеризующих прежде всего объективную сторону деяний по изготовлению подложных документов: в частности, о применении нерегламентированных материалов и способов нанесения реквизитов; несоответствии формы документа образцам подлинных.

Эти факты по отношению к предмету доказывания по делу о мошенничестве являются лишь косвенными доказательствами. Однако они имеют также существенное значение при установлении обстоятельств, характеризующих иные элементы состава преступления, в частности, способствуют правильной квалификации деяния, выяснению причастности конкретного лица к изготовлению подложных документов и, следовательно, определению его роли в подготовке и совершении мошенничества.

Род назначаемой следователем экспертизы определяется видом документа (официальный или неофициальный, степень его защиты, способ выполнения в нем текста), а также характером решаемой задачи.

Значимость заключения эксперта как доказательства в общей системе доказательств по делам о мошенничестве, связанным с использованием подложных документов, определяется прежде всего особенностями предмета преступного посягательства, конструкцией состава расследуемого преступления в законе, той ролью, которую играет в расследовании устанавливаемое экспертом обстоятельство.

¹ Заключение эксперта № **** от 27 апреля 2021 г. Архив ЭКО Межмуниципального управления МВД России «***» ГУ МВД по *** обл.

Список источников

1. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
2. Задоров А.Г. Техничко-криминалистическое обеспечение установления обстоятельств изготовления подложных официальных документов (теоретические и прикладные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: ВА МВД России, 2018.
3. Кустов А.М. Понятие и элементы механизма преступления // Вестник криминалистики. М., 2005. Вып. 2 (14). С. 40.
4. Турчин Д.А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. Владивосток, 1983.
5. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж, 2001.

Информация об авторе

В.Е. Ляпичев – кандидат технических наук, доцент.

Information about the author

V.E. Lyapichev – Candidate of Science (Engineering), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Игорь Павлович Напханенко¹, Дмитрий Валерьевич Попандопуло²,
Сергей Михайлович Сергеев³

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, nip1966@yandex.ru

² Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, dwp2005@yandex.ru

³ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, ssmirk@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены исторические аспекты таких видов правоохранительной деятельности полиции, как уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная, современное состояние законодательной базы и проблемы деятельности органов дознания и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также возможные модели совершенствования законодательства России в указанных областях. Результаты исследования позволили авторам обобщить материалы, собранные в процессе изучения вопросов, связанных со становлением и развитием разделения полномочий в процессе досудебного производства по уголовным делам. Удалось выделить некоторые особенности его развития и научно обосновать их.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, стадии уголовного судопроизводства, поводы, основания, правовое решение, преступление, информация, рапорт

Для цитирования: Напханенко И.П., Попандопуло Д.В., Сергеев С.М. К вопросу о разделении полномочий в процессе досудебного производства по уголовным делам // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 139-144.

Original article

REVISITING THE SEPARATION OF POWERS IN THE PROCESS OF PRE-JUDICIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES

Igor P. Naphanenko¹, Dmitry V. Popandopulo², Sergey M. Sergeyev³

¹ Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, nip1966@yandex.ru

² Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, dwp2005@yandex.ru

³ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, ssmirk@mail.ru

Abstract. The article deals with the historical aspects of such types of law enforcement activities of the police (internal affairs bodies) as criminal procedural and operational-search, the current state of the legislative framework and the problems of the activities of the bodies of inquiry and bodies engaged in operational-search activities, as well as possible models for improving legislation Russia in the specified areas. The results of the study allowed the authors to summarize the materials collected in the process of studying issues related to the formation and development of the separation of powers in the process of pre-trial proceedings in criminal cases. It was possible to identify some features of its development and scientifically substantiate them.

Keywords: initiation of a criminal case, stages of criminal proceedings, reasons, grounds, legal decision, crime, information, report

For citation: Naphanenko I.P., Popandopulo D.V., Sergeyev S.M. Revisiting the separation of powers in the process of pre-judicial proceedings in criminal cases. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:139-144 (In Russ.).

© Напханенко И.П., Попандопуло Д.В., Сергеев С.М., 2022

Каждый сотрудник оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в своей служебной деятельности сталкивался с ситуацией выбора законных оснований для своих конкретных действий. Исторически в нашей стране, её правовой системе сложилось так, что именно те подразделения органов исполнительной власти, которые наделены полномочиями по осуществлению негласной деятельности, направленной на борьбу с преступностью, могут использовать все вышеуказанные виды российского законодательства. При этом и теоретический, и практический интерес представляет анализ соотношения и разделения их полномочий в процессе досудебного производства по уголовным делам.

Внимание этим вопросам так или иначе уделяют практически все правоведы, занимающиеся всегда взаимосвязанными проблемами оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и уголовного процесса. Знаковым может считаться мнение А.Н. Васильева о том, что: 1) ОРД, хотя и основана на законе, но протекает в непроцессуальных формах; 2) закон требует четкого распределения обязанностей следователя и оперативного работника, которые, в разной степени отвечая за раскрытие преступления, идут к общей цели разными путями, используя различные методы [1]. А тенденциями последнего времени становятся попытки придания процессуальности ОРД и негласного характера следственным и иным процессуальным действиям. Все эти тенденции, очевидно, имеют в своей основе опыт прошлого, когда розыск преступников, дознание («до правды»), исследование обстоятельств совершенного преступления (следствие) и даже суд производились полицией или иными чиновниками государственных органов с полицейскими функциями. Вопрос о том, следует или не следует повторять в будущем этот опыт, исследованию которого посвящена настоящая статья, должен решаться в настоящее время.

Начиная анализ, необходимо определиться, что термин «оперативно-розыскная» применительно к той деятельности, которая сегодня имеет отношение и к соответствующей теории, и к созвучной отрасли законодательства, появился только во второй половине XX в. В любом учебнике, учебном пособии по ОРД, комментарии к Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) историю этой деятельности начинают с русских слов «сыск» и «розыск».

До реформ российского императора Александра II, произведенных в 1858-1864 гг. по отношению к судебной, следственной и полицейской деятельности, правовые взгляды в России на «розыск» и «уголовный процесс» были полностью идентичны,

в отдельных юридических исследованиях XIX в. устанавливалось отличие для «сыска» («изысканий») лиц и следов преступлений) и «следствия» («исследований») обстоятельств преступления). По сути, до указанного времени расследование преступлений носило характер классического инквизиционного (от лат. *inquisitio* – розыск) процесса, сложившегося таковым в нашей стране с XVI в. Однако большинство европейских стран около 200 лет назад от него стали отказываться, отдавая приоритет судебному принципу состязательности сторон, разделявшему обвиняющую сторону государственного аппарата и сторону защиты, которые должны были суду представлять свои доводы и доказательства.

Аналогичную цель преследовали и российские реформы 1860-х гг., которые привели к введению в уголовный процесс понятия «дознание», означавшего тогда фактически действие полицейских органов власти, способствующее доследственному сбору информации (в т.ч. и негласному), выявлению признаков и сохранению материальных следов преступления, а при наличии подозреваемого в его совершении – пресечению возможности скрыться в случае производства расследования органами судебного следствия.

Следует отметить, что в первых проектах документов 1858-1859 годов, в дальнейшем вошедших в «Учреждение судебных следователей» [2, с. 710], утвержденное в июне 1860 г. указом Александра II, доследственная деятельность обозначена терминами «розыск» или «дознание» в качестве синонимов. Позднее рукой именитого судебного деятеля Н.И. Стояновского, члена комиссии при МВД Российской империи, занимавшегося проектами новых правовых актов, слова «розыск» во многих местах были просто зачеркнуты или зачеркнуты и написано слово «дознание» [3, с. 11], что послужило закреплению последнего в законах России.

Анализируя процессуальные законы времен реформ, Л.Л. Камбек отмечал: «Следствие бывает двух родов, предварительное, иначе называемое дознание (в другом месте добавлено "или изыскание" – прим. авт.), и формальное, собственно следствие.... Формальное следствие без предварительного быть не может. Предварительное следствие или предшествует формальному, или, если время и обстоятельства это позволяют, идет с ним рядом. Формальное следствие есть только приведение в законные формы того, что открыто предварительным следствием» [4, с. 55-56]. При этом известный автор учебников по дореволюционному уголовному процессу М.В. Духовской писал, что «дознаться» означает узнать что-либо и подразумевает действия в виде негласного разведывания [5, с. 152]. Исследуя дознание того времени, М.В. Королев прямо приходит к выводу о том, что

деятельность, «называемая дознанием, заключается в проведении сочетания мер как гласного, так и негласного характера, конечной целью которого является установление всех обстоятельств преступления и лица, его совершившего» [6, с. 56]. Такому дознанию как формализм, так и достоверность не обязательны. «Для получения сведений и открытия следов ...предоставляется расспрашивать всякого, кто может сообщить полезные для следствия сведения, хотя бы он и не имел всех качеств достоверного свидетеля» [7, с. 67]. Представляется, многие согласятся, что сегодня такой подход скорее характеризует законодательно установленные черты не дознания, а ОРД.

Закреплению новой терминологии способствовал и Устав уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 г. [8], в ст. 254 определявший, что средствами дознания для полиции являются «розыски», «словесные расспросы» и «негласное наблюдение». Можно констатировать, что ст. 252-254 и 312 указанного устава фиксируют двойственность законодательного и практического применения «дознания», вкладывая в него и следственный (процессуальный, открытый), и негласный (тайный, розыскной и даже разведывательный) смысл, не давая при этом легального определения ни дознанию, ни негласным методам полицейской работы.

Несмотря на создание с 1866 г. сыскных подразделений и появление ряда инструкций для негласной работы полиции в 1882-1884 гг., рассмотренное отношение к дознанию сохранилось вплоть до смены общественно-политической системы государства, что следует из соответствующих разделов «Дознание» и «Розыск» самого распространенного энциклопедического словаря. Новых законов, выделявших бы негласную деятельность, соответствующую современной ОРД, в России не появилось. Не было на уровне закона и должного закрепления рассмотренных выше функций дознания и негласной деятельности за какими-либо конкретными подразделениями или органами, учитывая возложение полицейских задач на многочисленных должностных лиц, представлявших государственную власть на просторах Российской империи. Как представляется, отмеченная А.Е. Четинным, А.Ю. Шумиловым, Н.П. Яблоковым [9, с. 18-19] попытка выделения «ОРД» (в контексте розыска по делам общеуголовного характера) как самостоятельной функции правоохранительных органов в Законе Российской империи от 06.07.1908 «Об организации сыскной части» не привела ни к созданию полноценной системы органов, осуществляющих «розыск» (мешала полуженитализованная система управления общеуголовной полицией), ни к четкому разделению дознания на процессуальную и непроцессуальную части в их современной трактовке.

Пытаясь устранить из официальных документов методы негласной работы сыскных подразделений («царской охранки»), власти Советской России не могли полностью исключить использование возможностей такой деятельности. Даже в названии оперативной службы остался термин «розыск», а в функциях – проведение дознания, идея которого также осталась, по сути, прежней. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР, принятые в 1922 и 1923 гг., предписывали: «В случаях, когда дознанием добыты данные, по которым обязательно предварительное следствие, органы дознания, сообщив о нем немедленно следователю и прокурору, передают весь материал дознания следователю немедленно же, ...принимая до вступления следователя в дело лишь меры, препятствующие уничтожению следов преступления или уклонению подозреваемых от следствия и суда» [10, ст. 108; 11, ст. 106]. Прямого указания в кодексах на возможность осуществления негласных действий не было. В то же время поводом к возбуждению уголовного преследования могли признаваться анонимные заявления, но лишь «после предварительной негласной проверки их органами дознания» [10, ст. 98; 11, ст. 93]. Как видно, появляется понятие «орган дознания», и на этот орган возлагается «негласная» проверка. Органы дознания в том же понимании остаются в действующем законодательстве Российской Федерации, хотя сегодня их функции как органов предварительного расследования значительно расширены и несколько уточнены полномочия оперативно-розыскной направленности.

Термины «ОРД», «оперативно-розыскная работа», «оперативно-розыскные меры», «оперативно-розыскные мероприятия», исходя из анализа правовых актов СССР, официально не упоминались до 1958 г. Для обозначения деятельности оперативных подразделений использовались следующие понятия: агентурная, оперативная, агентурно-оперативная, чекистская, агентурно-чекистская или оперативно-чекистская (чаще других – «оперчекотдел», «оперчекослуживание») работа, агентурная или оперативная разработка, оперативный розыск, оперативный учет, негласная агентура, наружное наблюдение и др. «Оперативно-розыскной» был только отряд (как правило, в составе конвойных войск НКВД), действовавший в системе исполнения наказаний и формировавшийся (в отдельных документах – создававшийся штатно) для работы в чрезвычайных ситуациях побега заключенных из мест отбывания наказания в целях розыска и задержания лиц, совершивших побег из исправительных лагерей. Кроме того, в состав одного из отделений спецотдела НКВД СССР, отвечавшего за оперативную технику, входили «контрольно-слежечная» и «оперативно-розыскная» группы [12].

Очевидно, при реализации курса на преодоление «культы личности» в 1950-е гг. потребовалось сменить и отдельные, напоминающие о нем термины, в связи с чем уходит в прошлое «чекистская» работа. Согласно ч. 2 ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. впервые «на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших». В УПК РСФСР 1960 г. [13] в части, регулирующей основания осуществления ОРД, появились две значимые нормы:

- статьей 118 на органы дознания возлагалось принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших;

- статья 119 определяла: «в случае передачи следователю дела, по которому не представилось возможным обнаружить лицо, совершившее преступление, орган дознания продолжает принимать оперативно-розыскные меры для установления преступника, уведомляя следователя о результатах» [13].

Аналогичные положения были приняты в уголовно-процессуальных законах других союзных республик и действовали до принятия новых уголовно-процессуальных законов независимых государств.

Развитие теории ОРД и необходимость законодательной регламентации работы органов, осуществляющих ОРД, привели к изданию в большинстве стран СНГ в 1992-1993 гг. соответствующих законов. В настоящее время в Российской Федерации действует ФЗ об ОРД, в достаточной мере взаимосвязанный с иными законами, в первую очередь с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [14].

УПК РФ, вступивший в силу в 2001 г., в настоящее время содержит уже 17 упоминаний термина «оперативно-розыскной», которые разделим на 3 группы:

1. Оперативно-розыскные меры – 1 (положение ст. 157 УПК РФ, по сути, очень сходно с вышеуказанным положением ст. 119 УПК РСФСР 1960 г., но содержит интересное положение, которое проанализируем далее).

2. Оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) – 7 (ст. 38, 40.2, 41, 75, 95, 144 УПК РФ), из них о поручениях проведения ОРМ – 5 (ст. 38, 40.2, 41, 144 УПК РФ).

3. Оперативно-розыскная деятельность – 9: о результатах ОРД – 3 (ст. 5, 89, 108 УПК РФ); о полномочиях органов государственной власти и их сотрудников – 2 (ст. 40, 60 УПК РФ); о должностных лицах органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, – 3 (ст. 163, 164, 223.2 УПК РФ); о должностном лице органа дознания, осуществ-

ляющего оперативно-розыскную деятельность, – 1 (ст. 95 УПК РФ).

Как представляется, в УПК РФ наблюдается уже даже не дуализм, поскольку органы дознания, выполняющие процессуальные и следственные действия и обязанные проводить ОРМ по поручению следователя или дознавателя, дополняются органами, осуществляющими ОРД, хотя и исключительно в контексте «должностных лиц». Но УПК РФ предусматривает и иное должностное лицо – «сотрудника органа дознания, осуществляющего ОРД». Возможно, с практической точки зрения особых проблем здесь нет, но ФЗ об ОРД не предоставляет полномочий на осуществление ОРД сотрудникам органа дознания.

Практическую сложность можно предвидеть и в реализации требований ч. 7 ст. 164 УПК РФ в части привлечения к участию в следственных действиях должностного лица органа, осуществляющего ОРД. Дозволено ли участие сотрудников и работников, не имеющих таких полномочий, или вновь рассматривать такой орган исполнительной власти как орган дознания?

Интерес представляет также то, что в ч. 4 ст. 157 УПК РФ наряду с оперативно-розыскными впервые появляются розыскные меры (ранее в УПК РСФСР встречались «розыскные действия») для установления лица, подозреваемого в совершении преступления, которые, очевидно, не могут относиться к ОРМ, осуществляться негласно, поскольку возложены в т.ч. и на следователя (п. 38 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Самое главное, что определяет современное состояние ОРД, дознания и работы органов, их осуществляющих, заключается в не до конца преодоленном историческом смешении этих понятий в сходных по выполнению, но различных по процессуальному значению действиях. Путаница приводит к тому, что даже высшие судебные инстанции используют не предусмотренную законами терминологию: дознаватель, имеющий возможность осуществления и процессуального расследования, и оперативно-розыскной деятельности [15].

Перспективы, возможности совершенствования ОРД и предварительного расследования (включая дознание) постоянно рассматриваются учеными и практиками, предлагающими законодателям свое видение решения существующих проблем. При условии невозможности возврата к инквизиционной, розыскной модели процесса раскрытия и расследования преступлений вариантов может быть несколько.

Первый предложен авторским коллективом оперативно-розыскной направленности Омской академии МВД России под руководством профессора В.Ф. Луговика – в 2014 г. был разработан проект «Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации», предлагавший существенно расширить ны-

нешние полномочия органов, осуществляющих ОРД, вернув им право непроцессуального задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, включая применение физических мер пресечения противоправных действий даже на стадии приготовления к преступлению. Именно по этой причине, несмотря на большое количество полезных новаций в области ОРД, законопроект не стал предметом рассмотрения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, получил отрицательные отзывы.

Вторым вариантом является выделение органов предварительного следствия в единый следственный орган, лишив остальные государственные структуры полномочий любого предварительного расследования. Вариант предлагался и обсуждался неоднократно, он потребует изменения структуры государственных органов, очень серьезных материальных затрат, почти полного изменения существующей правовой базы, а также сложно реализуем в малонаселенных регионах Российской Федерации.

Третьим можно считать реализованные в ряде стран СНГ (например, Казахстан) модели уголовного процесса, в котором производящему расследование уголовного дела лицу (следователю, дознавателю) предоставлено право проведения негласных следственных действий, а большинство ОРМ осуществляется по правилам этих действий, предусмотренных в уголовно-процессуальных законах. ОРД в таком случае, несмотря на оставшиеся законы о ней, полностью подчиняется уголовному процессу. Предложение об аналогичном изменении в правовой системе России разрабатывалось и обсуждалось учеными Нижегородской академии МВД России. Представляется, что основным недостатком такой модели является упрощенное использование в уголовном процессе результатов, полученных негласным, тайным путем, что сопряжено с вопросом проверки достоверности сведений для принятия законных про-

цессуальных решений. Сегодня практически можно наблюдать последствия такого подхода в области мировой политики. Решения о санкциях (почти в духе терминологии судебно-надзорной системы) западные «партнеры» России в отношении «виновных» государств, их органов, должностных и физических лиц принимают на основании непроверяемых разведывательных сведений, зачастую основанных на недостоверной информации социальных информационно-телекоммуникационных сетей («дело Скрипалей»), химическое оружие в Ираке и Сирии, массовые нарушения прав человека в Крыму). Представляется, в расследовании преступлений это будет несколькими шагами назад в прошлое.

Четвертым вариантом является дальнейшее законодательное разделение функций процессуальных и непроцессуальных, к которому логически приводит вышеизложенный исторический анализ и мнения многих ученых прошедшего и настоящего времени, специалистов в областях уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Думается, вполне логичным было бы в уголовно-процессуальном законодательстве перейти на использование более 25 лет предусмотренных ФЗ об ОРД понятий «оперативное подразделение», «орган, осуществляющий ОРД», полностью убрав у этих частей государственной системы функцию предварительного расследования. Орган дознания как звено государственной системы раскрытия и предварительного расследования преступлений может быть оставлен в УПК РФ с уголовно-процессуальными и широкими административными, но не оперативно-розыскными полномочиями.

Есть основания полагать, что дальнейшее совершенствование регулирования ОРД может стать надежным механизмом гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина, при этом уголовно-процессуальная деятельность не должна становиться негласной.

Список источников

1. Теория судебных доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1968. 415 с.
2. Полный свод законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXV. Отд. 1. № 35890. СПб., 1860. 962 с.
3. Маков М.И. Как рождалось дознание в российской полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8. С. 9-13.
4. Дубонос Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 420 с.
5. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1897. 232 с.
6. Королев М.В. История развития института приостановления предварительного следствия до Революции 1917 года // Следователь. 1997. № 6. С. 56-57.
7. Камбек Л.Л. Судебный следователь, или Полнейшее руководство к производству уголовных следствий, содержащее в себе изложение правил о производстве уголовных следствий, с присовокуплением образцов деловых актов и бумаг, сюда относящихся, как то: описей, показаний, допросов, свидетельств и пр., и с изложением правил, относящихся до производства следствий над лицами православного духовенства: составил по Своду законов изд. 1857 г. и его продолжениях и на основании изменений, произведенных учреждением судебных следователей 8 июля 1860 г. СПб.: тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи, 1861. 164 с.

8. Устав уголовного судопроизводства / под ред. М. Шрамченко, В. Ширкова. Изд. пересмотр. и доп. от 1 января 1902 г. СПб., 1902.
9. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2001. 848 с.
10. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе: постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) (утратило силу) // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
11. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) (утратило силу) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
12. Структура НКВД СССР на 20 мая 1942 г. // Альманах «Россия. XX век». URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside> (дата обращения: 21.07.2022).
13. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
15. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 22-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

Информация об авторах

И.П. Напханенко – кандидат юридических наук, доцент;
Д.В. Попандопуло – кандидат юридических наук;
С.М. Сергеев – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

I.P. Napkhanenko – Candidate of Science (Law), Associate Professor;
D.V. Popandopulo – Candidate of Science (Law);
S.M. Sergeev – Candidate of Science (Economic), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.1

ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬ?

Анна Николаевна Савченко

Омская академия МВД России, Омск, Россия, shilovaanna@inbox.ru

Аннотация. Расширив сферу деятельности лиц, производящих расследование по уголовным делам, возможностью проведения ряда следственных действий с помощью систем видео-конференц-связи на досудебном производстве, законодатель не учел ряд позиций, начиная с оснований и заканчивая порядком применения, оформления, подписания протоколов следственных действий, участия в них представителей потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, понятых, экспертов, переводчиков, адвокатов. Анализ проблем, создающих препятствия для применения видео-конференц-связи на досудебном производстве, приводит к решению внедрения в уголовный процесс видеопротоколов следственных действий.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, свидетель, потерпевший, порядок, основания, видеопротокол, подписка, допрос, очная ставка, опознание

Для цитирования: Савченко А.Н. Видео-конференц-связь при производстве следственных действий: о чем умолчал законодатель? // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 145-151.

Original article

VIDEO CONFERENCING DURING INVESTIGATIVE ACTIONS: WHAT DID THE LEGISLATOR KEEP SILENT ABOUT?

Anna N. Savchenko

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, shilovaanna@inbox.ru

Abstract. Having expanded the scope of activities of persons conducting criminal investigations in carrying out a number of investigative actions using videoconferencing systems in pre-trial proceedings, the legislator did not take into account a number of positions, starting with the grounds and ending with the procedure for applying, formalizing, signing protocols of investigative actions, participation they include representatives of victims, civil plaintiffs, civil defendants, witnesses, experts, translators, lawyers. An analysis of the problems that create obstacles to the use of videoconferencing in pre-trial proceedings leads to a decision on the need to introduce video protocols of investigative actions into the criminal process.

Keywords: video conferencing, witness, victim, procedure, grounds, video protocol, subscription, interrogation, confrontation, identification

For citation: Savchenko A.N. Video conferencing during investigative actions: what did the legislator keep silent about? *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:145-151 (In Russ.).

© Савченко А.Н., 2022

Внесенные Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ изменения в УПК РФ [1] позволяют следователю, дознавателю проводить ряд следственных действий: допрос, очную ставку, опознание, путем использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС).

Законодательные новеллы направлены на реализацию положений о расследовании уголовных дел в разумные сроки. По замыслу законодателя, указанная форма дает возможность не только сократить время расследования, но и сэкономить бюджетные средства. Но одновременно с этим возникает ряд вопросов, требующих разрешения: в каких конкретно случаях возможно проведение следственных действий; почему законодатель не включил в качестве субъектов, которые могут давать поручение, руководителя следственного органа и орган дознания? Кроме того, не регламентирован порядок обеспечения прав и законных интересов участников следственных действий с использованием видео-конференц-связи, не установлен порядок подписания протокола следственного действия.

Прежде чем перейти к обсуждению указанных вопросов, хотелось бы обратить внимание на то, что, внося изменения в УПК РФ, законодатель расположил ст. 189¹ после норм, устанавливающих общие правила проведения допроса. Однако новая норма закона предполагает проведение в режиме ВКС не только допроса, но и очной ставки и опознания. Более последовательным было бы расположение указанной нормы после ст. 164¹ УПК РФ в ряду общих условий проведения следственных действий, что также дает возможность расширения применения этой нормы в будущем. По мнению В.В. Кальницкого, «размещение общих правил производства следственных действий в одной статье позволит избежать многократного повторения одних и тех же положений применительно к каждому действию» [2, с. 251]. В связи с этим верной являлась инициатива в 2015 г. депутата Государственной Думы К.А. Лазарева о закреплении возможности внесения проведения следственных действий в режиме ВКС и внесения соответствующих изменений именно в главу 22 УПК РФ. Законопроектом предлагалось проведение в режиме ВКС не только таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание, но и освидетельствования, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, получения образцов для сравнительного исследования, а также при проведении некоторых процессуальных действий (например, ознакомления участников уголовного процесса с процессуальными документами, заключениями экспертиз) [3].

Общие условия проведения следственных действий неразрывно связаны с правилами их проведения, установленными ст. 164 УПК РФ. Рассмотрим

некоторые из них подробнее применительно к проведению следственных действий в режиме ВКС.

Проведение таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание, детально регламентировано законодателем. Новые положения закона предусматривают возможность их производства путем ВКС при необходимости, однако при каких именно обстоятельствах? Такая формулировка принята по аналогии со ст. 278¹ УПК РФ, в соответствии с которой суд, рассматривающий дело, при необходимости может принять решение о проведении допроса с использованием ВКС.

В проекте статьи 189¹ УПК РФ предусматривалась возможность проведения следственных действий с использованием ВКС только в случаях «невозможности личного участия допрашиваемого лица в производстве по уголовному делу; при нахождении допрашиваемого лица за пределами места производства предварительного расследования; наличии оснований, при которых допрос должен быть произведен именно следователем или дознавателем, осуществляющим расследование уголовного дела, а не должностным лицом органа дознания или следователем по месту нахождения допрашиваемого лица» [4]. В принятой редакции законодатель ограничился формулировкой «при необходимости», тем самым оставил разрешение вопроса о необходимости производства следственных действий с использованием ВКС на усмотрение следователя. Применение положений закона в такой редакции потребует дополнительной регламентации для исключения их субъективного толкования.

Уголовно-процессуальное законодательство ряда стран, имеющих опыт проведения следственных действий путем ВКС, определяет случаи, при которых это возможно. Так, статья 224¹ УПК Республики Беларусь содержит исчерпывающий перечень оснований проведения следственных действий в системе ВКС: при невозможности прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам; при необходимости обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц; если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними; при необходимости обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела [5].

Статья 232 УПК Украины предусматривает возможность проведения следственных действий в системе ВКС при тех же основаниях и, кроме того, «при наличии иных оснований, определенных следователем, прокурором, следственным судьей достаточноными» [6].

По нашему мнению, в законе должен быть установлен исчерпывающий перечень оснований, кото-

рые определяют необходимость проведения следственных действий в режиме ВКС. Порядок применения (реализации) должен отражаться в инструкциях соответствующих ведомств или разъяснениях, которые выступают в качестве правового «навигатора» для лица, ведущего расследование.

Не менее важным является вопрос, в какой именно форме следователь, дознаватель отразят свое решение об использовании системы ВКС и обоснуют ее необходимость. В соответствии с действующим УПК РФ при производстве отдельных следственных действий выносится постановление. При производстве допроса, очной ставки и предъявления для опознания постановления не требуется. Должен ли следователь, дознаватель при проведении указанных следственных действий в режиме ВКС оформлять свое решение постановлением, в котором будет обосновывать необходимость использования ВКС, определять участников, время проведения? Вместе с тем при проведении отдельных следственных действий, к примеру очной ставки, может потребоваться трехсторонняя ВКС. В этом случае придется подключить к работе не одного следователя, дознавателя, а нескольких, потребуется согласовать точное время и порядок проведения, предусмотреть возможность участия в следственном действии всех лиц в соответствии с требованиями УПК РФ. При изложенных выше обстоятельствах ошибки могут быть исключены в случае оформления решения следователя, дознавателя об использовании ВКС путем вынесения постановления с отражением порядка проведения следственного действия.

Следующее обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, – это проведение следственного действия надлежащим субъектом. В соответствии с ч. 2 ст. 189¹ УПК РФ письменное поручение об организации участия лица в следственном действии в режиме ВКС имеет право направить только следователь или дознаватель, в производстве которых находится уголовное дело. Л.В. Головкич подчеркивает, что «правом производства следственных действий наделен не только суд, но и следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания, начальник подразделения дознания, а также прокурор» [7, с. 680]. Кроме того, осуществлять предварительное расследование по уголовному делу, а также проводить отдельные следственные действия без принятия уголовного дела к производству уполномочен следователь-криминалист (ч. 40.1 ст. 5 УПК РФ). Непонятно, почему законодатель наделил правом проводить следственные действия путем ВКС только следователя и дознавателя. И это будет вызывать особые трудности при организации ВКС в труднодоступных местностях (а это может быть одним из наиболее частых оснований для использования

ВКС), где, как правило, штатная численность следователей и дознавателей незначительна.

Анализируя принятую редакцию ст. 189¹ УПК РФ, нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: законодатель предоставил следователю, дознавателю полномочия провести следственные действия – допрос, очную ставку, опознание – путем использования ВКС с любым участником уголовного процесса. Однако в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] было указано, что следователю предоставлено право допросить посредством ВКС только свидетеля по уголовному делу, т.к. это связано с его процессуальными правами. Действующая редакция закона о возможности проведения следственных действий с любым участником уголовного процесса представляется более правильной, однако создает ряд вопросов. Должен ли следователь давать участнику следственного действия возможность выбора проведения его лично или дистанционно? О.В. Овчинников утверждает, что Конституция Российской Федерации гарантирует гражданину возможность защищать свои права и свободы способами, не запрещенными законом, соответственно, следователь не может самостоятельно определить способ участия лица в уголовном процессе [8, с. 112]. По нашему мнению, в данном случае нарушение прав участников процесса может усматриваться только в том случае, если у лица не будет возможности обжаловать действия следователя, дознавателя в порядке ст. 125 УПК РФ о форме производства следственного действия.

В соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ свидетель имеет право являться на допрос с адвокатом, при этом адвокат присутствует при допросе и вправе давать свидетелю в присутствии дознавателя, следователя краткие консультации, задавать с разрешения следователя, дознавателя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия (ч. 2 ст. 53 УПК РФ). Реализуя свое право, свидетель может выбрать адвоката и прибыть с ним к месту проведения следственного действия в режиме ВКС, но в этом случае неясно, каким образом следователь, который проводит следственное действие, получит документы, удостоверяющие личность адвоката и подтверждающие основание его участия в деле, и проверит его подлинность, в какой документ адвокат будет вносить свои замечания, если протокол будет составлять следователь, ведущий расследование. В случае присутствия адвоката в месте нахождения следователя, ведущего расследование, существенно затруднится реализация права давать краткие консультации свидетелю.

Не уточнен алгоритм действий при уклонении свидетеля от явки по вызовам следователя, дознавателя. Может ли свидетель быть подвергнут в соответствии с ч. 1 ст. 113 УПК РФ приводу по решению следователя, обеспечивающего ВКС, или для этого требуется соответствующее постановление следователя, ведущего расследование? В то же время, если свидетель страдает каким-либо психическим заболеванием, имеет дефект речи, слуха, не владеет русским языком или является несовершеннолетним, кто будет обеспечивать участие и с какой стороны ВКС должны находиться защитник, переводчик, специалист, представители потерпевших, гражданских истцов, ответчиков, психолог, педагог и т.д.?

Аналогичные проблемы могут возникнуть и при проведении следственных действий с потерпевшим. При этом, исходя из трактовки закона, следователь, дознаватель не могут в онлайн-режиме признать лицо потерпевшим, ознакомить его с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта и тем более ознакомить с материалами уголовного дела, т.е. в любом случае для проведения некоторых следственных действий потерпевшему придется прибыть к месту расследования, в связи с этим теряется смысл использования ВКС исключительно для допроса потерпевшего. Также не установлен порядок участия педагога, психолога, законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, а также подписания ими процессуальных документов.

Не разрешенные законодателем затруднения могут возникнуть при проведении следственного действия с лицом, находящимся в местах лишения свободы, значительно удаленных от места расследования. При таких условиях следователь, дознаватель, которые проводят расследование, должны дать поручение об организации этапирования допрашиваемого лица к месту проведения следственного действия, где установлено оборудование ВКС. В судебном заседании для проведения при помощи ВКС допроса лиц, которые содержатся в учреждениях ФСИН, достаточно подключить установленное в учреждениях соответствующее оборудование ВКС в назначенное время. Присутствие другого судьи при этом не требуется. В ходе предварительного расследования организовать проведение следственных действий с использованием ВКС в таком же порядке не представляется возможным. Во-первых, следователь, дознаватель, производящие расследование, должны дать поручение следователю, дознавателю органа дознания, находящимся в месте организации допроса. Во-вторых, использовать средства ВКС для проведения дистанционных следственных действий, например, следователями МВД России невозможно ввиду того, что установленное в следственных изоляторах и исправительных учреждениях ФСИН России оборудова-

ние ВКС принадлежит Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации и подключено непосредственно к ведомственной сети передачи данных судебных органов Российской Федерации, доступ к которой у МВД России отсутствует.

Не регламентирован порядок допроса лица, имеющего заболевание, при котором доступ к нему возможен только лечащим персоналом. В таком случае проведение следственного действия в режиме ВКС в соответствии с законодательством невозможно, т.к. организовать его уполномочены лишь следователь, дознаватель или орган дознания. Трудность заключается в том, что удостовериться в личности больного может медицинский работник, а вот оформить подписку имеют право только следователь, дознаватель или орган дознания. Разработчиками проекта в пояснительной записке было указано на актуальность ВКС в период пандемии, однако не предусмотрено, каким образом организовывать проведение ВКС в описанных выше ситуациях. Лицо, находящееся в изоляции, не должно контактировать с кем-либо, кроме медицинских работников, а следователю, дознавателю, органу дознания, организующим ВКС, в любом случае придется контактировать с больным, и в этом случае утрачивается эффективность ВКС.

Подписание протокола следственного действия его участниками, которые находятся на значительном расстоянии друг от друга, тоже вызывает значительные вопросы. В соответствии с ч. 8 ст. 164 УПК РФ ход и результаты следственного действия должны отражаться в протоколе. При производстве следственных действий обязанность составления протокола следственного действия лежит на следователе, дознавателе, ведущих расследование, с соблюдением требований, предусмотренных ст. 166, 167, 170, 189, 190, 192, 193 УПК РФ. Запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также запись об оглашении им протокола следственного действия удостоверяются подписями участников данных следственных действий, о чем у них берется подписка следователем или дознавателем по месту нахождения участников следственного действия. В части 6 этой же статьи законодатель упоминает о подписке, указанной в ч. 3 ст. 189¹ УПК РФ, которая в течение 24 часов должна быть направлена следователю или дознавателю, ведущему расследование. Таким образом, лицо, с участием которого производится следственное действие, не подписывает протокол. Порядок, при котором протокол следственного действия составляется лицом, ведущим расследование, а участвующие лица вне места производства расследования дают только подписку о разъяснении им

прав, обязанностей, ответственности, порядка производства следственного действия, а также делают запись об оглашении протокола следственного действия, удостоверяемую подписями, вступает в противоречие с общим нормативным правилом о том, что «протокол подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии» (ч. 7 ст. 166 УПК РФ). Кроме того, создаются предпосылки нарушения права допрашиваемого лица лично ознакомиться с текстом протокола. После оглашения сведений, отраженных в протоколе, участвующее лицо может делать замечания, дополнения и уточнения, которые должны быть оговорены и также удостоверены подписями (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Это же правило распространяется на должностное лицо, организующее следственное действие в системе ВКС, которое, участвуя в следственном действии, не ставит свою подпись в протоколе. По сути, законодатель дает право не подписывать протокол следственного действия лицам, участвующим в его проведении.

В связи с этим положения ст. 167 УПК РФ несколько утрачивают свое назначение. Если лицо не должно подписывать протокол, то о каком отказе от подписи может идти речь? В то же время не определен порядок действий следователя в случае отказа лица подписывать подписку. Остается неясным, нужно ли пригласить понятых и с какой стороны ВКС они будут удостоверять отказ лица ставить подпись в подписке. Где именно – в протоколе или в подписке – будет сделана запись об отказе от подписи? Как вообще должна выглядеть подписка, какие графы содержать и как будет приобщаться к протоколу – в виде приложения к протоколу следственного действия или как часть протокола?

Значительный опыт в проведении допросов с помощью ВКС накоплен судами после введения в действие федеральным законом от 20.03.2011 № 39-ФЗ статьи 278¹ УПК РФ. Согласно Регламенту организации применения ВКС при подготовке и проведении судебных заседаний, утвержденному приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401, Инструкции по судебному делопроизводству, утвержденной приказом Судебного департамента от 29.04.2003 № 36, а также ст. 259 УПК РФ протокол судебного заседания составляется судом, в котором проводится непосредственное разбирательство, а документы, приобщаемые к делу в ходе судебного заседания в режиме ВКС (подписки свидетелей и иные документы), своевременно направляются судом, обеспечивающим ВКС, в суд, рассматривающий дело. В этой ситуации возникает вопрос, для чего подтверждать подписями разъяснение прав допрашиваемым лицам, нести расходы на пересылку документов, если показания даются в присутствии как минимум двух судей, прокурора,

защитника, при этом ведется видеозапись ВКС и аудиопроотоколирование. Недостаточно ли того, что допрашиваемое лицо назовет свои данные, устно подтвердит факт разъяснения ему прав и обязанностей, предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний? Полагаем, что на поставленный вопрос нужно ответить утвердительно, поскольку в этом проявляется устность процесса. Тем же путем пошел законодатель, употребив в ст. 189¹ слово «подписка», однако этим он не учел тот факт, что протокол допроса в суде не оформляется и не подписывается его участниками, результаты допроса фиксируются в протоколе судебного заседания, где подпись допрашиваемого лица не требуется.

В пояснительной записке закона говорилось о том, что протокол следственного действия составляет следователь, дознаватель в месте нахождения свидетеля, а следователь, дознаватель, допросивший лицо, должен подписать протокол при получении. При этом поручение дается только на «организацию участия лица в следственном действии». Организовать – значит основать, подготовить, объединить, упорядочить [9, с. 458]. Лексическое значение слова «организовать» не предполагает значения «провести самому». Организация участия лица предполагает его вызов к месту допроса, подготовку соответствующей техники, обеспечение безопасности допрашиваемого, разъяснение особенностей, в т.ч. технических, допроса с использованием ВКС. Подписать протокол должно «то должностное лицо, которое производило следственное действие, от имени которого протокол оформлен и которое своей подписью в конце протокола удостоверило правильность отражения закрепленной в нем информации» [10, с. 59]. Ни действующая редакция закона, ни пояснительная записка к законопроекту, на наш взгляд, не содержат процессуально верного порядка подписания и ведения протокола следственного действия.

Важным является определение времени начала и окончания следственного действия, а также указание места производства следственного действия. Так, началом производства следственного действия в юридической литературе считается момент удостоверения личности участников следственного действия, разъяснения им прав, обязанностей, ответственности и порядка проведения следственного действия; моментом окончания – составление протокола следственного действия. Протокол следственного действия считается составленным, когда он подписан участниками следственного действия и лицом, его производившим. В случае проведения следственного действия с применением ВКС возникает вопрос: какое время будет считаться окончанием следственного действия, должен ли быть момент подписания протокола следователем, в производстве которого

находится уголовное дело? Но если допрашиваемое лицо ограничилось подписанием подписки, значит, и само следственное действие не окончено. Если предположить возможность составления протокола следственного действия лицом, организовывающим его в режиме ВКС, то протокол следственного действия должен быть направлен специальной почтой, что требует определенных временных затрат, при этом дата и время окончания в протоколе должны быть указаны на момент подписания этого протокола следователем, ведущим расследование. А может ли следователь в этот период времени проводить другие следственные действия? В этом случае вообще нельзя будет говорить о разумных сроках расследования и об эффективности работы системы ВКС. Отсюда вытекает еще один очень важный вопрос. Если производится следственное действие в режиме ВКС и участники находятся в разных часовых поясах, какое время должно быть указано в протоколе следственного действия: в месте нахождения следователя, ведущего расследование, в месте нахождения следователя, организовывающего ВКС, или то и другое? Кроме того, разница во времени может быть велика (например, между Калининградом и Магаданом разница во времени 9 часов), а в соответствии с ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Соответственно, проведение следственных действий будет возможно только в определенные часы с учетом разницы во времени. Предметом обжалования участниками процесса может стать указание в протоколе места проведения следственного действия. Согласимся с мнением А.М. Мартынова, Е.Г. Кравец и Н.В. Шувалова о том, что при производстве следственного действия в режиме ВКС должны указываться два пункта: тот, в котором осуществляется расследование, и тот, куда прибыл участник для производства следственного действия в режиме ВКС.

Обращает на себя внимание тот факт, что проведение следственных действий в режиме ВКС допускается лишь путем использования систем ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности по правилам статьи 164 и главы 26 УПК РФ (ч. 1 ст. 189¹ УПК РФ). Законодатель не дает определения ни техническим возможностям, ни техническим средствам, ни видео-конференц-связи, что позволяет участникам уголовного процесса трактовать эти понятия произвольно. Однако законодатель уточняет, что система ВКС должна принадлежать государственным органам. Представляется, что сле-

дователь или дознаватель не может воспользоваться любыми средствами связи – WhatsApp, Viber, ZOOM и т.д. Использование в данном случае смартфона, с одной стороны, было бы удобно, но с другой – возникли бы сложности в обеспечении неразглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности. Кроме того, необходимым, по нашему мнению, является обеспечение стабильных технических условий проведения ВКС, поддерживающих высокое качество и надежность связи, достаточный угол обзора в целях исключения нахождения посторонних лиц в месте производства следственного действия.

Обязательным условием при проведении следственного действия в режиме ВКС является применение видеозаписи. И здесь потребуется уточнение, кем должна осуществляться видеозапись – лицом, которое производит следственное действие, или лицом, которое его организовывает, либо и тем и другим одновременно. Логичным представляется выполнение видеофиксации лицом, которое производит следственное действие. Видеозапись здесь приобретает особое значение, т.к. ее процессуальное оформление будет способствовать разрешению вопросов, поднятых в этой статье. Необходимо обратить внимание на суждения ученых-процессуалистов, которые предлагали придать юридическую силу видеозаписи следственных действий наравне с бумажным ведением протокола. По мнению В.Т. Томина, «продукты применения НТС» должны стать не факультативным приложением к протоколам, а самостоятельными (полноценными) источниками доказательств [11, с. 50]. А.П. Попов, И.А. Попова, И.А. Зинченко утверждают, что материалы, полученные одними и теми же субъектами, в одних и тех же целях, и главное, в рамках одних и тех же процессуальных форм, должны иметь равный правовой статус [12, с. 85].

Полагаем, целесообразно не только придать видеозаписи следственного действия юридическую силу, но и отказаться вовсе от бумажных протоколов. И как правильно заметил Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, «при аудиозаписи письменный протокол утрачивает свое значение, а поэтому его надо упразднить, внося в Госдуму соответствующий законопроект» [13].

Подводя итог изложенному, считаем, что расширение в досудебном производстве возможностей проведения следственных действий в режиме ВКС – еще один шаг к переходу к электронной форме производства по уголовному делу с последующим отказом от бумажного производства.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Булатов Б.Б., Баранов А.М. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 2019.
3. О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Законопроект № 764131-6 (отклонен в первом чтении). URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Проект Федерального закона № 1184595-7. URL <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 19.03.2022).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. на 25.05.2021). URL: <http://continent-online.com/Document> (дата обращения: 24.03.2022).
6. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с изм. и доп. по состоянию на 15.12.2021). URL: <http://continent-online.com/Document> (дата обращения: 21.03.2022).
7. Головки Л.В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2017.
8. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 108-116.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
10. Рыжаков А.П. Разъяснение обязательных требований к оформлению любого и каждого протокола следственного действия. Саратов, 2012.
11. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989.
12. Попов А.П., Попова И.А., Зинченко И.А. Уголовный процесс: проблемы доказательственного права современной России: монография. Москва-Берлин, 2014.
13. Выступление председателя Верховного суда В.М. Лебедева. URL: <https://legal.report/doloj-bumazhnye-protokoly-vseh-audio-i-videozapisat/> 24.06.2016 (дата обращения: 25.03.2022).

Научная статья
УДК 343.148

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПОМЕЩЕНИЕМ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Регина Рушановна Умярова

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, regina65765@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает значимость защиты прав и свобод обвиняемых, подозреваемых при их помещении в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы в рамках судебного контроля. Анализируются проблемные стороны указанного следственного действия, и предлагаются соответствующие решения для усовершенствования предварительного судебного контроля и эффективного его функционирования. Особое внимание уделено ряду вопросов по законодательному регулированию судебного санкционирования за обозначенным следственным действием.

Ключевые слова: судебный контроль, суд, судебная экспертиза, помещение (обвиняемого, подозреваемого) в медицинское учреждение, права и свободы

Для цитирования: Умярова Р.Р. Проблемные аспекты реализации судебного контроля за помещением подозреваемых, обвиняемых в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 152-155.

Original article

PROBLEM ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF JUDICIAL CONTROL OVER THE PLACEMENT OF SUSPECTS ACCUSED IN A MEDICAL ORGANIZATION FOR A FORENSIC INVESTIGATION

Regina R. Umyarova

Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
regina65765@mail.ru

Abstract. The author considers the importance of protecting the rights and freedoms of the accused, suspected of being placed in a medical organization for a forensic investigation as part of judicial control. The problematic aspects of this investigative action are analyzed and appropriate solutions are proposed to improve the preliminary judicial control and its effective functioning. Particular attention is paid to a number of issues on the legislative regulation of judicial authorization for the designated investigative action.

Keywords: judicial control, court, forensic investigation, placement (accused, suspected) in a medical organization, rights and freedoms

For citation: Umyarova R.R. Problem aspects of the implementation of judicial control over the placement of suspects accused in a medical organization for a forensic investigation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:152-155 (In Russ.).

Одним из направлений судебного контроля в уголовном судопроизводстве России является контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий (ст. 165 УПК РФ), являющийся основным средством получения (формирования) доказательств по делу. В УПК РФ нет отдельной нормы, которая бы раскрывала понятие и предусматривала конкретный перечень следственных действий. Поэтому в научной среде ведутся споры о принадлежности отдельных процессуальных действий к следственным. К таковым в том числе относится и помещение подозреваемого, обвиняемого, не содержащегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар, предназначенный для временного содержания этих лиц в целях производства судебной экспертизы (судебно-медицинской или судебно-психиатрической) (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Отдельные авторы утверждают, что указанное действие относится к мерам процессуального принуждения [1], которое носит обеспечительный характер для временного содержания лица с целью производства экспертного исследования. Однако, по нашему мнению, данное процессуальное действие является составной частью следственного действия «судебная экспертиза». Это объясняется тем, что любая экспертиза производится на основе постановления следователя / дознавателя, за исключением случаев стационарного помещения лица в специализированное учреждение, т.к. ограничивается его непосредственная свобода и могут быть нарушены основные конституционные права этих граждан. В такой ситуации субъекту расследования необходимо получить судебное решение в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Кроме того, в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о помещении подозреваемого (обвиняемого), не содержащегося под стражей, в медицинский (психиатрический) стационар для производства судебной экспертизы должностное лицо указывает основания назначения судебной экспертизы, данные эксперта или наименование экспертного учреждения (где планируется производство экспертизы), вопросы для эксперта и необходимые материалы для её производства (ч. 1 ст. 194 УПК РФ). Тем самым должностному лицу нет необходимости выносить отдельно постановление о назначении стационарной судебной экспертизы. Причем для исключения противоречий законодатель назвал ст. 195 УПК РФ как «Порядок назначения судебной экспертизы», что еще раз подтверждает собирательный характер следственного действия, включающего предварительную подготовку к производству экспертного исследования. Поэтому можно утверждать, что помещение подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей, в медицинский (психиатрический) стационар для производства судебной экспертизы

является составляющим элементом следственного действия, «имеющим промежуточный характер» [2], – судебная экспертиза с условиями ограничения свободы гражданина. Позицию об отнесении рассматриваемого действия к следственным поддерживают П.А. Луценко [3, с. 95], Н.Н. Ковтун [4, с. 248-261] и др. Субъектами принудительного воздействия могут быть только подозреваемый или обвиняемый.

В общем, действия по помещению указанных лиц в медицинский или психиатрический стационар регулируются ст. 203 и 435 УПК РФ. Последняя, напомним, была изменена 30 декабря 2021 г. ФЗ № 500-ФЗ. В настоящий момент ст. 435 УПК РФ именуется как «Временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях». Нормами данной статьи по факту регулируется процесс помещения обвиняемого, подозреваемого (при наличии факта психического расстройства, установленного по результатам судебно-психиатрической экспертизы) в медицинскую организацию для оказания временной психиатрической помощи в стационаре.

Для нас актуально только помещение подозреваемого / обвиняемого в специализированное учреждение для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (как следственного действия). А статья 435 УПК РФ имеет иное предназначение.

В пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» полностью урегулирован порядок помещения лица для производства экспертного исследования: «...для производства экспертизы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей, производится в порядке, предусмотренном статьями 108, 203 УПК РФ, а не содержащегося под стражей – в порядке, предусмотренном статьями 165, 203 УПК РФ» [5]. Однако остается вопрос – почему Верховный Суд отнес следственное действие (помещение в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей) к направлению контроля суда за мерами процессуального принуждения. Как нам представляется, в указанном Пленуме Верховный Суд опирается на то, что лицо содержится под стражей, т.е. к нему уже применена мера процессуального принуждения, и, соответственно, необходимо реализовывать контроль в рамках данного направления. Однако это в корне является неверным. Причем в уголовно-процессуальном законе процесс помещения лица, находящегося под стражей, вообще не установлен, а отдельные авторы утверждают, что такие лица переводятся в медицинское учреждение для производства экспертизы без судебного решения (лишь по поста-

новлению следователя о назначении экспертизы (ч. 1 ст. 195 УПК РФ)) [6, с. 17].

В данном случае следователь / дознаватель получает у суда разрешение не на применение меры пресечения, а на производство следственного действия. Поэтому считаем, что необходимо изменить п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ и изложить в следующем варианте: «о помещении подозреваемого, обвиняемого в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы».

То есть считаем целесообразным исключить из данной нормы формулу «не находящегося под стражей», чтобы это законодательное положение одновременно регулировало процесс помещения подозреваемого, обвиняемого, как находящегося под стражей, так и не находящегося под стражей, в медицинское учреждение для производства экспертизы. Это является более рациональным решением, чем внесение отдельного пункта в ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

В соответствии с этим требуется модифицировать ч. 2 ст. 203 УПК РФ (также с исключением из данной нормы формулы «не содержащийся под стражей»), которая будет изложена в следующей редакции: «Подозреваемый или обвиняемый помещается в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса».

При законодательном регулировании считаем возможным и рациональным полностью исключить п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», а не редактировать его (т.к. при указанных нами изменениях положение Пленума теряет свой смысл). Кроме того, для полного соответствия уголовно-процессуальных норм ч. 1 ст. 165 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «В случаях, предусмотренных пунктами 3, 4-9, 10.1, 11, 12 части второй статьи 29 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление». На сегодняшний день ст. 165 УПК РФ не содержит указаний на распространение своего влияния на рассматриваемое следственное действие.

Изучая поставленный вопрос, нельзя игнорировать проблемы, указанные Н.Н. Ковтуном, выведенные на основе анализа судебной практики. Автором было установлено, что при направлении лица на экспертное исследование к нему применяется «интенсивное психиатрическое лечение» с применением сильнодействующих лекарственных средств, что подтверждается реальными актами судебных экспертиз по уголовным делам [4, с. 253]. Это полностью противоречит уголовно-процессуальному закону и нарушает конституционные права граждан, т.к. на производство лечения требуется письменное согласие испытуемого.

Назначение и производство судебной экспертизы носят обязательный характер для определения психического состояния подозреваемого, обвиняемого при сомнениях в его вменяемости, возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве и др. (ст. 196 УПК РФ). Сомнениями для следователя могут выступать сведения о психиатрической помощи субъекту преступления в прошлом, травмы головного мозга, отклоняющееся поведение при производстве предварительного расследования и др. [5].

Следователь, дознаватель с согласия руководителя следственного органа и прокурора соответственно возбуждают перед судом ходатайство о помещении подозреваемого, обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар. К мотивированному постановлению должностному лицу необходимо прикрепить документы, свидетельствующие о психических нарушениях подозреваемого, обвиняемого, и иные документы. Кроме того, ходатайство должно сопровождаться заключением амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы о необходимости проведения экспертного исследования в стационарных условиях [7, с. 25; 2]. Постановление рассматривает судья районного суда единолично по месту производства предварительного следствия не позднее 24 часов с момента поступления этого ходатайства. После рассмотрения судья принимает решение о помещении лица в медицинский стационар или об отказе в этой процедуре.

Вопрос относительно участия стороны защиты в судебном заседании носит проблемный характер. В пункте 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ указывается, что обвиняемый имеет право участвовать в рассмотрении вопроса, в т.ч. о его помещении в специальное учреждение для оказания медицинской, психиатрической помощи, а также для производства судебной экспертизы. Проблемный аспект состоит в том, что в ст. 46 «Подозреваемый» такое право не предусмотрено. Однако имеется п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, в котором указано, что подозреваемый вправе «защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ».

Интересную позицию относительно этого вопроса занял Конституционный Суд РФ: «Нормы, содержащиеся в статьях 165 и 203 УПК РФ... не предполагают право суда первой инстанции принимать окончательное решение по ходатайству следователя о помещении подозреваемого в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы без предоставления ему и (или) его защитнику возможности ознакомиться с таким ходатайством и изложить свою позицию по этому вопросу» [8, 9].

Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» явно указано, что «лицу, в отношении которого решается вопрос о помещении в медицинский стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы либо о продлении срока его пребывания в медицинском стационаре, следует обеспечить возможность участия в судебном заседании и реализации предусмотренных уголовно-процессуальным законом прав...» [10]. Поэтому такое ходатайство под-

лежит рассмотрению в заседании по правилам составительного судопроизводства в открытом судебном заседании. Соответственно, следует урегулировать процесс уведомления подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых планируется производство стационарной судебной экспертизы, в ст. 165 УПК РФ и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 [11], регулирующем вопросы производства следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан.

Таким образом, обозначенные недостатки негативно влияют на эффективность функционирования судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственного действия по помещению обвиняемого, подозреваемого в медицинское учреждение для производства судебной экспертизы и способствуют нарушению прав и свобод указанных лиц. Полагаем, что последовательное их устранение, в т.ч. предложенными нами способами, окажет положительное влияние на соблюдение конституционных прав обвиняемых и подозреваемых.

Список источников

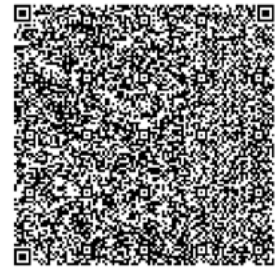
1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е изд. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2671-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Луценко П.А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 173 с.
4. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 520 с.
5. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Авдеев В.Н., Белоусова С.В. Помещение подозреваемых, обвиняемых в психиатрический стационар для производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы: вопросы теории и практики // Российский следователь. 2013. № 3. С. 16-18.
7. Цоколова О.И. Проблемы правового регулирования помещения подозреваемого, обвиняемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 24-27.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 № 194-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2004 г. № 206-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Р.Р. Умярова – адъюнкт Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

R.R. Umyarova – postgraduate student of Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Научная статья
УДК 343.98:004.9(476)

ОСМОТР ОНЛАЙН-КРИПТОКОШЕЛЬКА ЗАЯВИТЕЛЯ / ПОТЕРПЕВШЕГО (ПО МАТЕРИАЛАМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ): ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Дарья Игоревна Шнейдерова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Беларусь, galuzodi@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям тактики подготовки и проведения осмотра онлайн-криптокошельков по материалам проверки и уголовным делам о хищениях в сфере оборота криптовалют, представленных в Республике Беларусь мошенничеством, вымогательством, а также хищением путем модификации компьютерной информации. Обосновывается авторская позиция целесообразности осмотра криптовалютного онлайн-кошелька заявителя путем исследования компьютерной информации, анализируются особенности выбора места, времени, технических средств и участников следственного действия. Автор приводит алгоритм действий, составляющих подготовительный, рабочий и заключительный этапы осмотра компьютерной информации.

Ключевые слова: осмотр, компьютерная информация, криптовалюта, онлайн-криптокошелек, хищение, хэш, транзакция, идентификатор, обозреватель, электронная почта

Для цитирования: Шнейдерова Д.И. Осмотр онлайн-криптокошелька заявителя / потерпевшего (по материалам и уголовным делам о хищениях в сфере оборота криптовалют): процессуальный и криминалистический аспекты // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 156-162.

Original article

INSPECTION OF ONLINE CRYPTOCURRENCY WALLET OF THE APPLICANT / INVOLVED (ON MATERIALS AND CRIMINAL CASES ON THEFT IN THE SPHERE OF CRYPTOCURRENCY TRAFFIC): PROCEDURAL AND CRIMINALISTICS ASPECTS

Darya I. Shneiderova

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Belarus,
galuzodi@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the tactics of preparing and conducting an inspection of online crypto wallets based on the materials of the audit and criminal cases of theft in the sphere of cryptocurrency traffic, represented in the Republic of Belarus by fraud, extortion, and theft by modifying computer information. The author's position on the expediency of inspecting the applicant's cryptocurrency online wallet by examining computer information is substantiated, the features of the choice of place, time, technical means and participants in the investigative action are analyzed. The author provides an algorithm of actions that make up the preparatory, working and final stages of inspecting computer information, and also draws attention to the need to use additional means of fixing progress and results, and determines further ways and methods for studying the data obtained by means of their analysis through public Internet resources. It is based on example of a cryptocurrency online wallet of the Blockchain.com service.

Keywords: inspection, computer information, cryptocurrency, online crypto wallet, theft, hash, transaction, explorer, identifier, browser, e-mail

For citation: Shneiderova D.I. Inspection of the online cryptocurrency wallet of the applicant / involved (on materials and criminal cases on theft in the sphere of cryptocurrency traffic): procedural and criminalistics aspects. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2022;4:156-162 (In Russ.).

Развитие информационно-технологической сферы, сопряженное с внедрением новых цифровых продуктов в жизнь современного человека, прямо пропорционально отражается и на появлении новых способов и средств совершения устоявшихся видов хищений, которые из бытовой области большей своей частью переходят в компьютерно-информационную. На территории Республики Беларусь с момента легализации и придания имущественного статуса криптовалют положениями Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» последние стали признаваться предметом преступных посягательств, в частности хищений, среди которых выделяются такие составы, как вымогательство, мошенничество и хищение путем модификации компьютерной информации [1].

Одним из источников криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений, а соответственно, и тактики проведения по ним следственных действий выступает накопленный практический опыт, который в отношении хищений в сфере оборота криптовалют еще не имеет сформировавшейся и относительно устойчивой базы знаний ввиду отсутствия их систематизации и обобщения. В связи с этим выявляется необходимость в разработке тактических рекомендаций по проведению отдельных следственных действий с целью устранения разносторонности подходов и пробелов в их проведении сотрудниками правоохранительных органов на стадиях как рассмотрения заявления о совершенном преступлении, так и расследования возбужденного уголовного дела.

Криптокошелек – основной инструмент, позволяющий хранить открытые адреса, хэши транзакций, покупать, переводить и обменивать криптовалюты, непосредственный осмотр которого позволит сотруднику правоохранительных органов убедиться, во-первых, что кошелек действительно принадлежит заявителю (потерпевшему) ввиду его привязки к почтовому адресу и (или) мобильному номеру, сохраненных реквизитов банковских платежных карт, наличия данных об IP-адресах авторизированных устройств, обычно используемых владельцем, во-вторых, установить хэш (ID, идентификатор) неправомерной транзакции, сведения об отправителе и получателях, количестве криптовалют, времени ее проведения, статусе подтверждения (как правило, ввиду того, что хэш представляет собой сложную многосимвольную запись из букв и цифр, заявитель (потерпевший) не может воспроизвести его по памяти при получении у него объяснений (допросе) и представляет либо в виде записи на листке, либо в виде скриншота из кошелька, либо не предоставляет вообще, ссылаясь на возможность демонстрации при последующем осмотре кошелька).

Вся система функционирующих на сегодняшний день криптокошельков (как одновалютных, так и мультивалютных) представлена двумя группами – кошельки с «холодным» и «горячим» хранением, разница между которыми базируется на необходимости постоянного доступа к сети Интернет для работы с таким криптоинструментом, а также на виде материального носителя закрытых ключей для подтверждения транзакций. Так, к кошелькам с «горячим» хранением относятся онлайн-кошельки и локальные программные кошельки, к кошелькам с «холодным» хранением – аппаратные, программные без доступа к сети и бумажные. Из представленных разновидностей криптокошельков популярностью пользуются именно онлайн-кошельки, т.к. они просты в использовании, в т.ч. лицами с низким уровнем компьютерной грамотности, доступны с любого устройства, подключенного к сети Интернет (компьютер, планшет, смартфон). Однако за счет этих качеств такие кошельки более иных разновидностей подвержены преступным посягательствам ввиду низкой степени защиты личных данных владельцев, а также хакерских атак на сервер криптосервиса, где хранятся все приватные ключи, что вызывает необходимость отразить тактические особенности осмотра данного вида криптокошелька.

Криптокошелек потерпевшего – отправная точка в процессе работы по заявлению о совершенном хищении, поскольку он либо выступает средством совершения хищения в случае несанкционированного доступа к кошельку с последующим переводом криптовалют на счет преступника (в этом случае имеют место признаки хищения путем модификации компьютерной информации), либо используется его владельцем для перевода средств злоумышленнику под влиянием обмана (признаки мошенничества), либо выполнения установленного требования под угрозой совершения в отношении него, его семьи и близких родственников противоправных действий (признаки вымогательства). В связи с вышеизложенным возникает целесообразность обследования криптокошелька путем проведения одного из доступных на соответствующей стадии досудебного производства следственных действий, круг которых по материалам проверки ограничен положениями ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [2].

Выбор следственного действия зависит не только от стадии производства, но и от специфики объекта обследования. УПК предусматривает несколько видов следственного осмотра, классифицируемых в зависимости от объекта, среди которых применительно к рассматриваемой группе хищений можно выделить осмотр места происшествия, осмотр предметов и осмотр компьютерной информации. Доступность их

проведения распространяется на стадии проверки поступившего заявления о совершенном преступлении, а также расследования возбужденного уголовного дела.

Онлайн-криптокошелек как объект осмотра специфичен ввиду совокупности следующих характеризующих его признаков: является объектом цифровой среды, функционирующим только в сети Интернет; не имеет привычного человеческого восприятию материального выражения; привязан к своему носителю, без которого, как и любая иная компьютерная информация, существовать не может; имеет возможность связи с владельцем через удаленный доступ от сервера-хранителя (т.е. воспользоваться кошелеком можно с любого устройства, подключенного к глобальной сети, несмотря на то, что сам кошелек хранится на сервере обслуживающей его компании). Исходя из представленных признаков, исследование онлайн-криптокошелька целесообразно проводить путем осмотра компьютерной информации, т.к. центральным объектом выступают цифровые данные, а не место происшествия или материальный предмет. Однако анализ практической работы показывает, что возможна вариативность применения разных видов осмотра, в т.ч. в совокупности, в зависимости от сложившейся ситуации.

Так, если следственно-оперативная группа была по сообщению, поступившему через дежурную службу или по линии «102» к месту нахождения заявителя и, как следствие, пользовательского устройства, с которого осуществлялся доступ к онлайн-криптокошельку, то после получения объяснений и исходя из описанной заявителем ситуации, в которой усматриваются признаки одного из состава хищений, следует проводить осмотр места происшествия с описанием в протоколе помещения, где расположено пользовательское устройство (комната в жилом доме, квартире, офисное помещение, рабочий кабинет), характеристик такого устройства и возможности доступа с него к сети Интернет, а также результатов осмотра онлайн-криптокошелька на месте следственного действия.

Охват осмотром места происшествия указанных обстоятельств, в частности осмотр онлайн-кошелька, возможен благодаря его универсальности, позволяющей действовать оперативно и избежать излишнего документооборота. Кроме того, целесообразность проведения в данной ситуации осмотра места происшествия продиктована необходимостью зафиксировать не только данные о неправомерной транзакции онлайн-криптокошелька, но и иную информацию, подтверждающую осуществление заявителем каких-либо действий с онлайн-кошельком (история посещения браузера, сохраненные вкладки, пароли от аккаунта, иные файлы с входными данными) либо

указывающую на способ реализации хищения (наличие скачанных и установленных вирусных программ, электронных писем с угрозами, переписка в чатах с мошенниками и т.д.). Также следует помнить, что если возникнет необходимость изъятия пользовательского устройства для назначения компьютерно-технической экспертизы (ноутбуки, системные блоки) или экспертизы радиоэлектронных устройств (мобильные телефоны, планшеты) по материалам проверки, то произвести такое изъятие можно в рамках осмотра места происшествия, т.к. обыск и выемка – следственные действия, проводимые только по возбужденному уголовному делу.

В случае, когда заявитель сообщил о преступлении в правоохранительные органы путем личного обращения, вид осмотра онлайн-криптокошелька будет зависеть от нескольких критериев: наличия технической возможности доступа к криптокошельку с места нахождения правоохранительного органа, доступность сведений для входа в аккаунт онлайн-криптокошелька, обеспечение присутствия обладателя компьютерной информации и его согласия на осмотр. Если подразделение правоохранительного органа, в который обратился заявитель, оснащено выделенным для данных целей компьютерным устройством (стационарный компьютер, ноутбук, мобильный телефон), имеющим выход в сеть Интернет, заявитель согласен на проведение осмотра онлайн-криптокошелька и готов предоставить необходимые для авторизации данные, то после получения объяснений целесообразно незамедлительно произвести осмотр онлайн-криптокошелька путем осмотра компьютерной информации с указанием в протоколе характеристик рабочего устройства сотрудника. Если техническая возможность произвести вышеописанные действия отсутствует либо заявитель не может предоставить данные для доступа к кабинету кошелька (например, в случае, если не помнит, но такая информация сохранена на его пользовательском устройстве), то следует прибегнуть к осмотру места происшествия по месту нахождения устройства заявителя.

Однако когда устройство заявителя мобильно (планшет, мобильный телефон, ноутбук), имеет доступ к сети Интернет вне зависимости от места физического нахождения, может быть предоставлено сотруднику правоохранительных органов, его следует осмотреть по месту расположения подразделения правоохранительного органа путем комплексного осмотра предметов и компьютерной информации в присутствии заявителя (владельца криптокошелька), поскольку объектом выступает не только онлайн-криптокошелек, но и устройство заявителя с используемым им программным обеспечением. К такому же варианту действий необходимо прибегать и в том случае, если устройство было изъято в рамках осмо-

тра места происшествия, но осмотр онлайн-криптокошелька не производился, например, по причине отсутствия подключения к глобальной сети.

Вопросы определения места, времени и необходимых технических средств решаются в процессе подготовительного этапа по производству одного из указанных видов осмотра. Кроме того, сотрудником должен быть определен круг лиц, привлекаемых к участию в осмотре, который зависит от вышеописанных условий. При любых обстоятельствах присутствие заявителя является обязательным, что продиктовано нормами УПК по производству осмотра жилища, а также осмотра компьютерной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя либо которая содержит информацию о частной жизни лица (ст. 204-204¹ УПК). Если осмотр онлайн-криптокошелька планируется проводить в рамках осмотра места происшествия с устройства, расположенного в жилище заявителя, то должно быть обеспечено присутствие понятых согласно ч. 7 ст. 204 УПК. Участие специалиста, обладающего знаниями в сфере IT-технологий, программирования и функционирования криптовалют, является не обязательным, но целесообразным, поскольку последний может оказать лицу, производящему осмотр, квалифицированную помощь в получении доступа к кошельку, безопасной фиксации и изъятии необходимых данных.

Непосредственная работа с объектами осмотра производится в рамках рабочего этапа, который применительно к осмотру онлайн-криптокошелька со-

стоит из стадий получения доступа к рабочему кабинету кошелька и исследования представленной в нем информации. Рассмотрим организацию рабочего этапа на примере осмотра личного онлайн-криптокошелька автора на платформе Blockchain.com. Доступ к онлайн-кошельку осуществляется либо через браузер (вводится доменное имя ресурса, указанное заявителем, – <https://www.blockchain.com/>), либо через специализированное приложение на смартфоне и заключается в прохождении процедур идентификации и аутентификации пользователя. Одноступенчатая авторизация производится через ввод логина либо идентификатора кошелька – Wallet ID (присваивается каждому аккаунту при регистрации, идентифицирует владельца кошелька и не применяется для расчетов), а также пароля. Система ресурса Blockchain.com, как и многие другие, в целях безопасности до введения пароля запрашивает подтверждение используемого устройства через прикрепленную к онлайн-кошельку почту (может быть использован ввод пароля из СМС, направленного на прикрепленный к кошельку абонентский номер). Для такого подтверждения лицу, производящему осмотр, необходимо выполнить совместно с владельцем кошелька переход к ресурсу привязанного e-mail, чтобы обеспечить активацию предоставленной в письме ссылки для дальнейшей авторизации. При успешности произведенных процедур перед участниками осмотра должна появиться стартовая веб-страница аккаунта онлайн-кошелька, где размещаются ссылки к его доступным разделам (рис. 1).

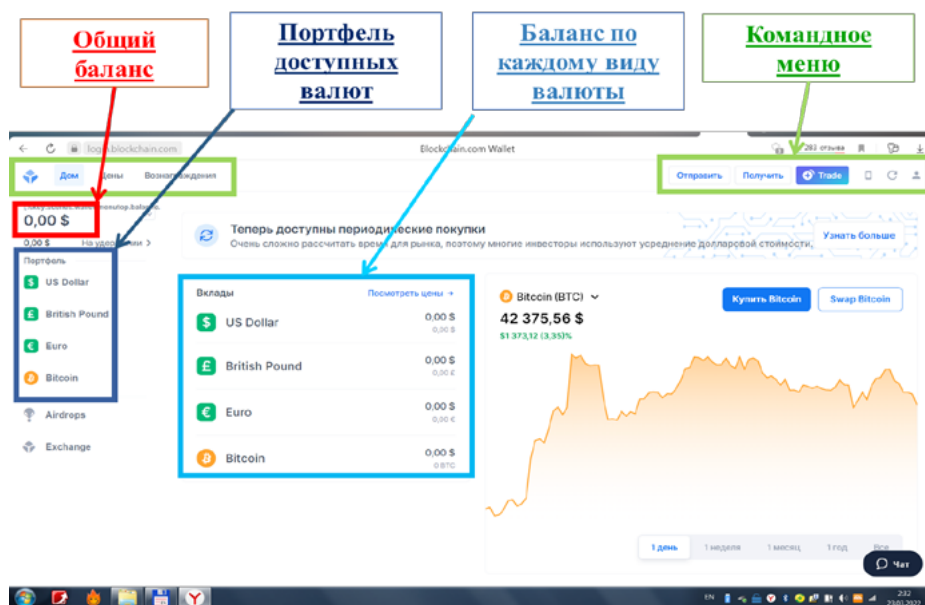

Рис. 1. Интерфейс аккаунта онлайн-криптокошелька Blockchain.com

Примечание: источник – личный аккаунт автора.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К примеру, стартовая страница онлайн-кошелька сервиса Blockchain.com содержит данные об общем балансе в одной из валют (по умолчанию в долларах), портфель с доступными к хранению видами валют, панель с данными о количестве на счету по каждой из них в отдельности, график курса выбранной криптовалюты за разные периоды времени, командное меню со ссылками для перехода к веб-страницам «Дом» (стартовая страница), «Цены» (актуальные курсы криптовалют, предлага-

емые биржей Blockchain.com), «Вознаграждения» (доход от депозитов), к функциональным страницам «Отправить», «Получить», «Обмен», «QR-код кошелька» для доступа с мобильного устройства, «Настройки профиля».

При выборе какой-либо из криптовалют пользователю открывается окно с отображением ее баланса на счету, а также история всех транзакций с указанием хэша, даты их проведения, адресов отправителя и получателя, суммы операции (рис. 2).

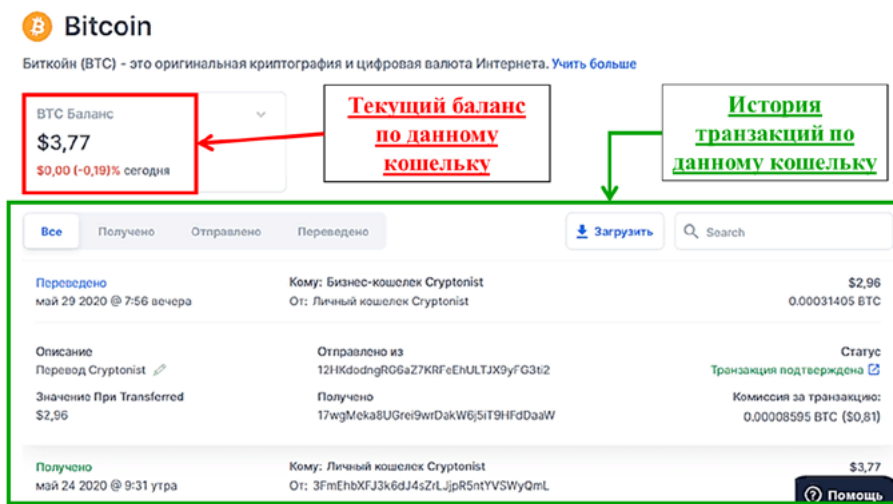

Рис. 2. Интерфейс веб-страницы вкладки «Bitcoin-кошелек» [3]

Переход по вкладкам командного меню «Настройки профиля» способствует получению следующих данных: вкладка «Общие сведения» содержит информацию о приватном ID кошелька, привязанных к данному аккаунту картах и банках; вкладка «Безопасность» позволяет выяснить, какой адрес электронной почты и номер мобильного телефона (его

же можно получить и по вкладке «Предпочтения») привязаны к кошельку (рис. 3); вкладка «Кошельки и адреса» отображает доступные к использованию для каждого вида криптовалюты публичные адреса (как ранее использованные, так и вновь созданные), которые владелец может передавать иным лицам для зачисления средств на свой кошелек.

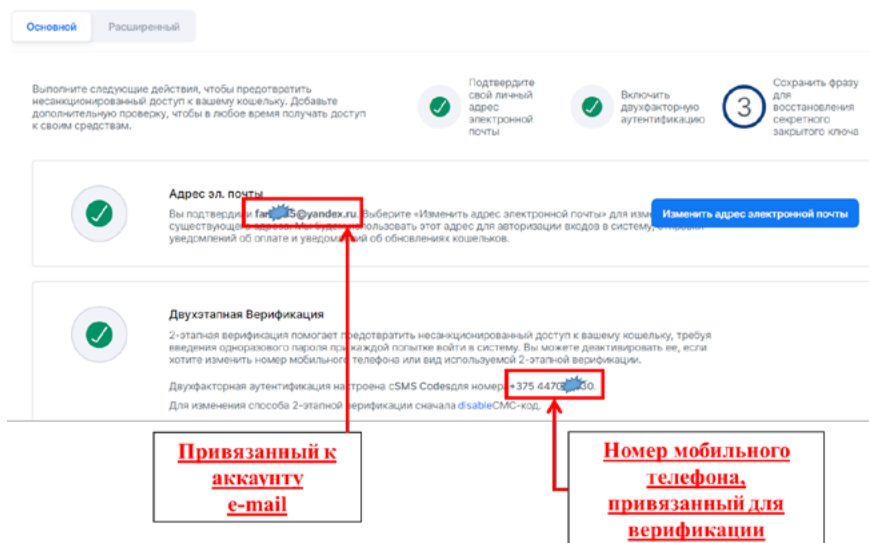

Рис. 3. Интерфейс веб-страницы вкладки «Безопасность»

Примечание: источник – личный аккаунт автора.

Получение вышеприведенной информации видится достаточным для определения дальнейших действий по материалам проверки или возбужденному уголовному делу. К примеру, целесообразно в рамках этого же осмотра с помощью онлайн-обозревателя блокчейна (такой сервис доступен и на платформе Blockchain.com – Explorer) провести анализ указанной заявителем как на неправомерную транзакции (через ввод хэша в поисковую строку), в рамках которой могут быть получены сведения об адресах всех входов и выходов данной транзакции (цепочка переходов по адресам выхода поможет установить конечный адрес нахождения криптовалют). Кроме того, обозреватели с расширенным функциональным набором способствуют установлению информации об основном адресе кошелька, к которому привязан анализируемый, и всех совершенных по нему транзакций (такая информация может иметь значение для установления взаимосвязей с иными возбужденными уголовными делами), наименований бирж, обменников, игровых платформ, с которыми он взаимодействовал когда-либо (например, обозреватель Wallet Explorer), что может привести к обнаружению реквизитов банковской карты преступника, если им когда-либо выводились денежные средства через обмен криптовалют, а в последующем и его личности. Обозреватель Crystal Explorer в большинстве случаев указывает, какой платформе принадлежит тот или иной адрес кошелька (такие сведения необходимы для направления запроса платформам с целью установления владельцев кошельков), а сервис Traseer.co отображает информацию о преступной активности с определенных адресов криптокошельков.

Дальнейшему исследованию следует подвергнуть и привязанный к аккаунту онлайн-криптокошелька заявителя почтовый ящик с целью обнаружения сообщений о входе с посторонних устройств (в них содержится информация об IP-адресе устройства, осуществляющего доступ, его местоположении) либо писем с активными ссылками для авторизации, в случаях хищений путем модификации компьютерной информации. Если такие сообщения отсутствуют или уже были прочитаны посторонним лицом, то следует предположить, что преступник мог иметь доступ и к электронной почте заявителя либо преступление могло быть совершено знакомым потерпевшему лицом с его устройства (в таком случае целесообразно направить компании-владельцу почтового сервиса запрос об установлении IP-адресов устройств, осуществлявших доступ к почте заявителя).

Если в мерах безопасности онлайн-криптокошелька установлена авторизация через код по СМС, то необходимо проверить мобильный телефон заявителя для выяснения наличия соответствующе-

го сообщения. При его отсутствии можно предположить, что имел место перехват либо на мобильном устройстве была установлена переадресация входящих сообщений, либо такое сообщение было удалено лицом, имевшим доступ к устройству потерпевшего.

Результаты проведенного осмотра должны быть подробно зафиксированы в соответствующем протоколе в рамках заключительного этапа следственного действия. Следует обратить внимание, что во вводной части протокола осмотра компьютерной информации или протокола осмотра предметов и компьютерной информации, кроме общеустановленных сведений (дата, время, место, участники, лицо, производящее осмотр) и граф с разъяснением прав и обязанностей участников, должно быть отражено согласие заявителя на осмотр его онлайн-криптокошелька или в целом содержимого устройства, технических характеристик использованных компьютерных устройств, наименований и версий программ для доступа к сети Интернет, операционной системы (в случае осмотра места происшествия такие сведения могут быть отражены в описательной части протокола). Последовательность действий, производимых в процессе получения доступа к аккаунту онлайн-криптокошелька, начиная с ввода доменного имени ресурса, а также все переходы по активным вкладкам кошелька с отражением имеющей значение для расследования информации в рамках непосредственного осмотра его содержимого должны найти отражение в описательной части протокола. К протоколу целесообразно прилагать диск или флеш-карту со скриншотами веб-страниц: стартовой страницы сервиса онлайн-криптокошелька, интерфейса кошелька, страницы с данными о балансе, транзакциях, привязанных к кошельку данных (адрес электронной почты, абонентский номер, публичные адреса), сообщениях из почтового ящика, результатами обозревателей и иные, которые могут иметь значение для расследуемого события. Также представляется целесообразным дублировать сохраненные скриншоты и на бумажном носителе в целях обеспечения наглядности для последующей работы по материалам проверки и уголовному делу.

Таким образом, при выборе вида осмотра в целях исследования онлайн-криптокошелька заявителя следует исходить из способа поступления сообщения о совершенном преступлении, наличия технической возможности проведения следственного действия в помещении правоохранительного органа или по месту нахождения пользовательского устройства, круга необходимых к привлечению участников, а также вопросов обеспечения оперативности и качественного получения необходимой информации, путей ее дальнейшего использования.

Список источников

1. О развитии цифровой экономики: декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 (ред. от 18.03.2021) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь «ЭТАЛОН». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008> (дата обращения: 15.05.2022).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3: принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. (ред. от 26.05.2021) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь «ЭТАЛОН». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 15.05.2022).
3. Обзор биткоин кошелька Blockchain. URL: <https://cryptonist.ru/blog/goryachie-koshelki/obzor-blockchain/> (дата обращения: 15.05.2022).

Гражданско-правовые отношения

Научная статья
УДК 347.1

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Виктория Владимировна Белозерцева

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, sarrav@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена роли правосубъектности в механизме осуществления субъективного гражданского права. Сделан вывод о том, что правосубъектность является предпосылкой осуществления субъективного права, соотнесены объемы правосубъектности и субъективного права, определено содержание и структура двух этих категорий. Определено, что правосубъектность в полном объеме обеспечивает механизм осуществления субъективного права и является предпосылкой такого осуществления. Основой всего механизма осуществления субъективного гражданского права является достижение его цели, при этом субъект может активно реализовать только одну из возможностей, этим правом предоставленных, однако это не означает, что две другие не были реализованы.

Ключевые слова: правосубъектность, субъективное право, правоотношение, правоспособность, дееспособность, осуществление субъективного права, деликтоспособность, сделкоспособность

Для цитирования: Белозерцева В.В. Правосубъектность как предпосылка осуществления субъективного гражданского права // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 163-167.

Original article

LEGAL PERSONALITY AS A PRECONDITION FOR IMPLEMENTATION SUBJECTIVE CIVIL LAW

Victoria V. Belozertseva

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, sarrav@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the role of legal personality in the mechanism of exercising subjective civil law. It is concluded that legal personality is a prerequisite for the exercise of subjective right, the volumes of legal personality and subjective right are correlated, the content and structure of these two categories are determined. The mechanism of exercising subjective civil law has been studied. It is determined that legal personality fully provides a mechanism for the implementation of a subjective right and is a prerequisite for such implementation. At the same time, the subjective right is exercised within the framework of legal relations, because it is impossible to exercise the right outside of interaction with obligated subjects, passive observance of the rights of another subject (not their violation) in itself is also interaction within the framework of legal relations. The basis of the entire mechanism for the exercise of subjective civil law is the achievement of its goal, while the subject can actively realize only one of the possibilities provided by this right, but this does not mean that the other two have not been realized.

Keywords: legal personality, subjective right, legal relationship, legal capacity, exercise of subjective right, tort capacity, bargainability

For citation: Belozertseva V.V. Legal personality as a precondition for implementation subjective civil law. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:163-167 (In Russ.).

© Белозерцева В.В., 2022

Осуществление гражданских прав представляет собой сложный механизм, в результате работы которого субъективное гражданское право достигает своей цели. Субъективное гражданское право осуществляется в рамках гражданского правоотношения, и, по мнению некоторых авторов, гражданское правоотношение существует именно для того, чтобы субъективное гражданское право возникло, изменилось, было осуществлено. Как только субъективное гражданское право достигает цели своего осуществления, то гражданское правоотношение прекращает свое существование. При этом ни субъективное гражданское право, ни гражданское правоотношение не могут возникнуть без определенных предпосылок. Вся совокупность правовых инструментов, которые задействованы в осуществлении субъективного гражданского права, называется механизмом осуществления субъективного права.

Предположим, что гражданское правоотношение существует для того, чтобы субъективное гражданское право было осуществлено, в таком случае оно должно возникнуть раньше субъективного права или одновременно с ним.

В качестве предпосылок возникновения гражданского правоотношения традиционно выделяют норму права, правосубъектность и юридический факт. Неотъемлемым инструментом осуществления субъективного гражданского права является правосубъектность. Выясним, какую именно роль играет правосубъектность в осуществлении субъективного гражданского права.

В свое время мы провели исследование, касающееся соотношения таких категорий, как правосубъектность и правоотношение [7, с. 66]. В результате этого нами был выделен ряд признаков и различий между этими категориями. Правосубъектность была нами определена как предпосылка возникновения правоотношения, именно этот признак был выделен в качестве конститутивного для правосубъектности (при соотношении двух правовых категорий: правосубъектности и правоотношения). Правосубъектность является тем качеством личности, которое позволяет субъекту участвовать в правоотношении, реализовывая предоставленные правом способности (возможности) в рамках все того же правоотношения.

Субъективное право осуществляется в правоотношении – это не аксиома, но все же в большинстве случаев это именно так. Одним из современных авторов, который всецело поддерживает именно эту теорию, является Е.В. Вавилин, он полагает, что правоотношение является той формой (правовой конструкцией), в рамках которой осуществляются субъективные права и обязанности, при этом правоотношение возникает вместе с наделением субъекта правами

и обязанностями, а прекращается, когда права и обязанности прекращены (осуществлены, реализованы). Субъективное право, с точки зрения Е.В. Вавилина, не может существовать вне его осуществления, а правоотношение является тем механизмом, в рамках которого осуществляется субъективное право [2, с. 151]. В связи с этим предполагается, что привычная нам структура правоотношения, состоящая из трех элементов, должна быть дополнена еще и такими составляющими, как осуществление субъективного права и исполнение субъективной обязанности.

Здесь необходимо обратить внимание на высказывание О.С. Иоффе, который совершенно справедливо отмечал, что поведение субъекта приобретает правовую суть только в том случае, если юридическую значимость этому поведению придает норма права [3, с. 327]. Однако норма права начинает воздействовать на поведение субъекта лишь в том случае, если воля и волеизъявление могут быть подвергнуты юридической оценке, а юридической оценке они могут быть подвергнуты, если достигли определенного уровня развития.

Все эти рассуждения позволяют сделать промежуточный вывод о том, что правосубъектность, безусловно, предшествует вступлению субъекта в правовые отношения, а в совокупности с утверждением о том, что субъективное право осуществляется в рамках правоотношений, которые возникают одновременно с наделением лица субъективным правом, можно также предположить, что правосубъектность является предпосылкой осуществления субъективного права. В данном утверждении на первый взгляд нет ничего нового и необычного, но все же уточним, что правосубъектность является предпосылкой именно осуществления права, тем самым выполняет и роль предпосылки правоотношения, в котором субъективное право осуществляется. Необходимость проводимого исследования обуславливается еще и тем, что в современной литературе стали появляться высказывания о необходимости сопоставления объемов правосубъектности и субъективного права, несовпадение которых может привести к невозможности или затруднительности осуществления субъективного права [4, с. 50].

Возникновению субъективного права предшествует правоспособность, которая является всего лишь одним из элементов правосубъектности. Правосубъектность же в целом – это тот механизм, совокупность элементов которого позволяет субъективному праву быть осуществленным в рамках правоотношений. Проследим порядок действия правосубъектности при осуществлении субъективного права, для этого необходимо дать анализ самой правосубъектности и субъективного права, определить их характеристики.

Структура правосубъектности состоит из двух элементов: правоспособности и дееспособности. Содержанием правоспособности является способность иметь права и нести обязанности. Дееспособность выступает в качестве способности самостоятельно приобретать и осуществлять права, создавать и исполнять обязанности. Причем, в отличие от правоспособности структура дееспособности двухэлементна и состоит из сделкоспособности и деликтоспособности. Сделкоспособность является способностью совершать сделки, а деликтоспособность – способностью нести ответственность. Отметим, что способность нести ответственность за неисполнение сделки относится к сделкоспособности, деликтоспособность – это способность нести ответственность за правонарушения (деликты).

Структура субъективного права, так же как и его понятие, всегда вызывала жаркие дискуссии. Мы будем придерживаться трехэлементной структуры субъективного права, которая включает: возможность на собственные действия, возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц, возможность защиты права [1, с. 397].

Предположим, что правосубъектность является предпосылкой субъективного права, следовательно, правосубъектность предоставляет все способности для того, чтобы данное субъективное право осуществить. Однако, прежде чем осуществить субъективное право, его необходимо для начала приобрести, оно должно возникнуть у субъекта, оказаться элементом его правового статуса.

Право- и дееспособность в составе правосубъектности, кажется, должны обеспечить каждому субъекту способности субъективное право приобрести и осуществить, номинально это, безусловно, так. Способности, заложенные в правосубъектности, являются неотъемлемым элементом механизма осуществления субъективного права. Правоспособность как способность иметь права и обязанности, возникающая с момента рождения, способствует приобретению субъективного права, правоспособность является своего рода гарантом того, что лицо может приобрести абсолютно любое субъективное право и лишиться его такой способности невозможно (за исключением некоторых случаев, которые прямо предусмотрены федеральным законом). Содержание правоспособности представляет собой совокупность различного рода гражданских прав и обязанностей, что и закреплено в ст. 18 ГК РФ.

Дееспособность как способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их также обеспечивает осуществление возможностей, заложенных в субъективном праве. Дееспособность (в совокупности с правоспособно-

стью) позволяет лицу совершить самостоятельные действия по осуществлению субъективного права, потребовать определенного поведения от обязанного лица, а также защитить свое нарушенное право.

В то же время в практической его реализации механизм осуществления субъективного права и действие в этом механизме правосубъектности гораздо сложнее.

Во-первых, на дееспособность лица влияет множество факторов, в отличие от правоспособности, для приобретения которой достаточно родиться. Во-вторых, такая возможность субъективного права, как возможность защиты, в большинстве случаев реализуется в процессуальных правоотношениях, потому как способов самозащиты не так много, кроме того, защита вне процессуальной процедуры не всегда достигает нужного результата. Например, невозможность привлечения механизма принудительного исполнения в большинстве случаев делает неактуальной и бесполезной защиту права вне процессуальной процедуры. При этом элементы процессуальной правоспособности и дееспособности никак не вписываются в рамки правосубъектности в гражданском праве. Эти два немаловажных фактора приводят к необходимости более детального исследования механизма осуществления субъективных гражданских прав и роли в этом механизме гражданской правосубъектности.

Дееспособность в полном объеме возникает с достижением возраста 18 лет, однако до достижения 18 лет несовершеннолетние не лишаются способностей осуществлять субъективные права. Кроме того, дееспособность зависит от волеиспособности и от того, насколько субъект способен управлять своими сознанием и волей, а также понимать значение своих действий и руководить ими. Институты ограничения дееспособности гражданина и признания гражданина недееспособным по различным основаниям влияют на объем дееспособности гражданина, но не всегда лишают его способности осуществлять субъективные права полностью. Ученые предпринимают попытки решить данную проблему различными способами. Самым распространенным и наиболее рациональным представляется тот, в соответствии с которым правосубъектность является некой абстрактной категорией, способности которой могут складываться из способностей, принадлежащих разным субъектам. Подобная «правосубъектность-конструктор» предоставляет тому или иному субъекту возможность осуществлять субъективное право в полном объеме. Учения о том, как именно элементы способностей складываются в правосубъектность, достаточно обширны, сложны для понимания и обросли немалым количеством различного рода теорий [6, с. 30; 8, с. 42].

Следует констатировать факт, что правосубъектность, принадлежащая тому или иному лицу и предоставляющая ему способность осуществлять субъективное право, не всегда складывается из элементов, которые также принадлежат данному лицу. Исходя из этого факта, появились утверждения о том, что объем дееспособности и субъективного права может и не совпадать. Очень хорошо это видно при осуществлении субъективных прав лицами, которые не обладают дееспособностью в полном объеме. Осуществление субъективного права лицами, не обладающими дееспособностью в полном объеме, происходит при помощи дееспособности опекуна или попечителя. Кроме того, осуществление ими субъективных прав может происходить при дополнительных условиях, например таких, как согласие органов опеки и попечительства или согласие самого опекуна или попечителя, самостоятельно такие лица могут осуществлять только ограниченный круг прав и обязанностей.

Возможность защиты нарушенного субъективного права как один из его структурных элементов также предполагает наличие дееспособности в полном объеме. Как мы уже отмечали, субъективное право может быть защищено разными способами и с помощью разных форм. Так называемая самозащита права, безусловно, вписывается в рамки гражданско-правовой правосубъектности (дееспособности). В то же время далеко не все субъективные права могут быть защищены с помощью способов самозащиты права (крайняя необходимость, необходимая оборона, оперативные санкции) [5, с. 101]. В большинстве случаев защита права происходит в рамках юрисдикционной формы защиты и осуществляется с помощью процессуальной право- и дееспособности. Правила возникновения процессуальной право- и дееспособности такие же, как и в материальном праве, однако гражданско-правовая правосубъектность не предполагает наличия процессуальной право- и дееспособности в своей структуре. Получается, что правосубъектность в гражданском праве не способна обеспечить осуществления субъективного права в полном объеме.

Механизм осуществления субъективного права сложен, правосубъектность играет в данном механизме определяющую роль предпосылки, запускает действие этого механизма и предоставляет способности, необходимые для достижения целей субъективного права. Практическое выражение данного механизма предполагает совершение определенного алгоритма действий, причем совершение этих действий в рамках правоотношений. Определенная часть совершаемых в целях осуществления субъективного права действий находится вне правового поля (так называемые фактические действия), способность соверше-

ния юридически значимых действий обеспечивается правосубъектностью.

Согласимся с мнением о том, что правосубъектность абстрактна, само обладание правосубъектностью предполагает наличие правоспособности и дееспособности, при этом не имеет значения, как сформировались эти элементы и что они принадлежат разным субъектам, главное, чтобы они сложились в правосубъектность и обеспечили осуществление субъективного права.

Остается непонятным, как гражданско-правовая правосубъектность обеспечит осуществление возможности защиты субъективного права (как его третьего элемента) в рамках установленной законом процедуры, которая осуществляется с помощью процессуальной правосубъектности. Самым очевидным было бы исключить из структуры субъективного гражданского права такой элемент, как возможность на защиту. Однако полагаем, что этого нельзя сделать, потому как целостность субъективного права без этой возможности будет нарушена, а цели субъективного права не будут достигнуты. Предположим, что возможность защиты как элемент субъективного гражданского права может быть реализована отдельно в рамках механизма процессуальной защиты права с помощью процессуальной правосубъектности. Структура субъективного гражданского права также может быть воплощена в жизнь с помощью различных отраслевых правосубъектностей, главное, чтобы цель осуществления субъективного гражданского права была достигнута (потребности субъекта были удовлетворены), а возможности субъективного права собрались в рамках единого механизма.

Стоит согласиться с Е.В. Вавилиным в том, что субъективное гражданское право должно достигнуть своей цели, при этом субъект может активно реализовать только одну из возможностей, этим правом предоставленных. Однако это не означает, что две другие не были реализованы, они реализовались тем, что ими не воспользовались [2, с. 311]. Пассивное осуществление права говорит о позитивности и созидательности правового механизма осуществления субъективного права, о том, что не всегда необходимы карательные меры для того, чтобы цели субъективного права были достигнуты.

Попытки идеальный теоретический механизм осуществления субъективного права наложить на практический механизм его осуществления далеко не всегда увенчиваются успехом. На наш взгляд, нет необходимости абстрактные целостные теоретические категории (в данном случае правосубъектность и субъективное право) пытаться уместить в рамках их практической реализации. Эти механизмы не совпадают, не могут и не должны совпасть, при этом практический алгоритм осуществления субъектив-

ного гражданского права никоим образом не нарушает теоретической целостности структуры этого субъективного права и цели его существования. На наш взгляд, также некорректно говорить о несовпадении объемов правосубъектности и субъективного права, потому как эти две абстрактные категории целиком и полностью по объему совпадают, и правосубъектность в полном объеме обеспечивает меха-

низм осуществления субъективного гражданского права и является предпосылкой такого осуществления. Субъективное право осуществляется в рамках правоотношений, потому что осуществить право вне взаимодействия с обязанными субъектами невозможно, само по себе пассивное соблюдение прав другого субъекта (их ненарушение) тоже является взаимодействием в рамках правоотношений.

Список источников

1. Белов В.А. Гражданское право: общая и особенная части: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 960 с.
2. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 416 с.
3. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 782 с.
4. Кононов В.С. Содержание и сущность публичной собственности: практика Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ // Администратор суда. 2022. № 1. С. 45-54.
5. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: сборник статей. Свердловск, 1978. 156 с.
6. Лексин И.В. Полномочие как категория отечественной юриспруденции: диалектика многозначности и унифицированности // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 28-37.
7. Скоробогатова В.В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 226 с.
8. Степин А.Б. Пределы защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Гражданское право. 2021. № 1. С. 39-47.

Информация об авторе

В.В. Белозерцева – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V.V. Belozertseva – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 340

ФАКТОРЫ ДЕСТРУКЦИИ ИМИДЖА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Мария Александровна Боржеева

Управление Росгвардии по Нижегородской области, Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maria2805@inbox.ru

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы, касающиеся такого особенно актуального в современных условиях сложного, многогранного феномена, как имидж правоохранительной системы. Подчеркивая значимость имиджа, выступающего в качестве многофункционального перспективного инструмента, способного существенным образом повысить эффективность правоохранительной деятельности, автор уделяет внимание очень важной проблеме, связанной с особенностями формирования положительного имиджа правоохранительных органов. Производится анализ факторов, ведущих к деструкции имиджа. Делается вывод о том, что правосознание, задающее особенности восприятия, которое, в свою очередь, продуцирует возможные искажения, является главной причиной, обуславливающей негативизацию имиджа правоохранительной системы.

Ключевые слова: правоохранительная система, правоохранительные органы, эффективность правоохранительной деятельности, имидж правоохранительной системы, имидж сотрудников правоохранительных органов, деформация профессионального правосознания

Для цитирования: Боржеева М.А. Факторы деструкции имиджа правоохранительной системы // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 168-174.

Original article

FACTORS OF DESTRUCTION OF THE IMAGE OF THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM

Maria A. Borzheeva

Department of Federal National Guard Troops Service for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, maria2805@inbox.ru

Abstract. The article touches upon issues concerning such a complex multifaceted phenomenon, especially relevant in modern conditions, as the image of the law enforcement system. Emphasizing the importance of the image acting as a “multifunctional” promising tool that can significantly increase the effectiveness of law enforcement, the author pays attention to a very important problem related to the peculiarities of the formation of a positive image of law enforcement agencies. The analysis of the factors leading to the destruction of the image is carried out. It is concluded that the sense of justice, which sets the features of perception, which, in turn, produces possible distortions, is the main reason for the negativization of the image of the law enforcement system.

Keywords: law enforcement system, law enforcement agencies, efficiency of law enforcement activities, image of the law enforcement system, image of law enforcement officers, deformation of professional legal awareness

For citation: M.A. Borzheeva Factors of destruction of the image of the law enforcement system. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2022;4:168-174 (In Russ.).

В настоящее время и, как полагаем, в ближайшем будущем поиск решения для оптимизации максимально возможного доверительного, открытого, основанного на демократических принципах, сбалансированного взаимодействия государства и общества позволит быстрее, а главное, в реальности обрести такие заветные, высокие статусы, как «правовое» для первого из названных субъектов, «гражданское» – для второго соответственно. Полагаем, что одним из таких решений может стать сформировавшийся и укрепившийся в сознании социума положительный имидж правоохранительной системы, выступающей гарантом безопасности и правопорядка, транслирующей толерантное, уважительное и чуткое отношение к населению страны. Это обуславливает необходимость выявления факторов, способных помешать созданию благоприятного имиджа правоохранительных органов, привести к его деструкции.

На наш взгляд, специфика имиджа правоохранительной системы, заключающаяся в мощи оказываемого им влияния как коммуникативно-манипулятивной технологии, в заложенном в нем как в особом средстве воздействия колоссальном потенциале, одновременно является как его бесспорной, удивительно сильной чертой, так и ахиллесовой пятой. Иными словами, имидж правоохранительной системы, выступая как весомый фактор, способный вызывать множество изменений, несущих и позитивные, и негативные последствия, в полной мере сам может становиться объектом интерференции, попадающим в эпицентр различных колебаний. То есть наибольшую опасность для имиджа правоохранительной системы представляет восприимчивость как его сущностная особенность.

При всем многообразии и многочисленности факторов, так или иначе оказывающих воздействие на исследуемый феномен в виде различных явлений, событий, обстоятельств, способных вызвать обратную ответную реакцию населения, в большинстве случаев нежелательную, приводящую к негативизации имиджа правоохранительной системы, первопричиной формирования стойкого отторжения граждан и отсутствия желаемого партнерства, сотрудничества, без которых, повторимся, не представляется возможным дальнейшее эффективное обоюдное развитие государства и общества, становится искажение правосознания.

В сочетании с другими подфакторами, связанными с элементами индивидуального (персонального) имиджа конкретного сотрудника правоохранительных органов, например, несоответствующие общепринятым стандартам внешние характеристики (неопрятная одежда, «телесная» специфика и т.п.), сложившиеся личностные черты, а точнее, их социокультурное проявление и последующая интерпрета-

ция воспринимаемыми субъектами, поступки и действия, совершаемые человеком, в т.ч., конечно же, в профессиональной сфере, определенные устоявшиеся стереотипы (эффекты стереотипизации) и ассоциации, включая возможные предубеждения (например, связанные с принадлежностью к определенной нации, роду, семейными узами и пр.), деформированное правосознание лиц, обеспечивающих законность и правопорядок, способны вызвать негативизацию общего имиджа правоохранительной системы.

Полагаем, здесь также следует выделить и обратить особое внимание на два, на наш взгляд, ключевых момента, непосредственно связанных с индивидуальным и массовым сознанием и правосознанием: первый заключается в выработке с учетом уже имеющегося исторического опыта при определенных социальных, экономических, политических и прочих условиях (как текущего контекста) и последующем закреплении ожидаемых «образцов», второй – в процессе сопоставления того или иного объекта-носителя (в данном случае правоохранительной системы как совокупности множества входящих в нее структурообразующих компонентов) с этими образцами или стандартами сквозь призму личностного восприятия, находящегося, в свою очередь, в зависимости от целого спектра факторов.

Так, на обозначенную «обязательную процедуру соответствия» могут оказывать влияние и индивидуальные психологические характеристики, общие закономерности формирования которых в настоящее время до сих пор не обнаружены и продолжают оставаться популярным предметом исследований, и средства массовой информации, выступающие особым внешним фактором-транслятором. Указанные моменты имеют принципиальное значение для понимания имиджа правоохранительной системы как совершенно особого комплексного социально-правового феномена.

Интересен и весьма важен тот факт, что имидж организации (под которой мы подразумеваем правоохранительную систему в целом) не имеет так называемой природной данности, присущей личности, и все факторы воздействия социально и культурно детерминированы [1, с. 46]. Из этого следует, что, с одной стороны, имидж организации как носителя определенной информации ввиду отсутствия характерных для индивидуумов уникальных психологических особенностей должен проще и быстрее поддаваться «корректировке», с другой – любая организация есть совокупность, объединение как минимум двух лиц (в нашем случае организационная численность штата только одного Министерства внутренних дел как важной структурной части правоохранительной системы составляет около 1 млн человек [2, 3]), обладающих неповторимыми характеристиками,

которые не могут не накладывать отпечаток на осуществляемую этой организацией деятельность и, соответственно, формируемый облик. Поэтому приоритетным в процессе достижения глобальной цели формирования благоприятного имиджа всей правоохранительной системы, по нашему мнению, должно стать обращение к имиджу личности, а именно к персональному имиджу сотрудника правоохранительных органов как первичному звену сложной многоуровневой правоохранительной структуры.

В связи с этим в данном контексте считаем необходимым уделить внимание именно персональному имиджу и признать возможность существования и полноценного использования термина «внутренний имидж личности» (в нашем случае с учетом объекта исследования речь будет идти о внутреннем имидже сотрудников правоохранительных органов как лиц, обеспечивающих функционирование правоохранительной системы). Несмотря на тот факт, что не существует однозначного ответа на вопрос, из чего же состоит так называемый внутренний мир человека в силу необъятного многообразия возможных образующих компонентов, представляется верным сделать акцент на его основе, на таких неосознанных, не поддающихся измерению в каких-либо единицах и системах исчисления состояниях, как нравственность и духовность.

Сложно отрицать значимость нравственных установок, моральных ценностей, их огромную роль в процессе формирования стереотипов поведения. Отмечается, что нормы нравственности характеризуются естественностью, выступают обязательными составляющими внутреннего мира, и обращение к духовным истокам поведения может принести большую пользу [4, с. 105]. Подчеркнем, что долгом каждого сотрудника органов внутренних дел является беззаветное служение родине, защита человека, его жизни и здоровья, чести и личного достоинства, неотъемлемых прав и свобод, а также обеспечение безопасности демократических принципов, законности и правопорядка [5, с. 166]. Видится важным, что Конституционным Судом РФ указывается необходимость комплектации кадрового состава правоохранительной службы «лицами, имеющими *высокие морально-нравственные качества*», способными надлежащим образом выполнять возложенные на них обязанности [6, 7] (курсив авт. – М. Б.).

Как известно, главным контролером нравственного поведения выступает совесть (в этом, по нашему мнению, и заключается одна из основных проблем внутреннего имиджа сотрудников правоохранительных органов – отсутствие эффективных инструментов внешнего контроля этого «глубокого», связанного с сознанием и правосознанием компонен-

та), а в сложных ситуациях, когда совесть не справляется, помощь ей может оказать общественное мнение, которое должно учитываться, находиться под пристальным вниманием тех, кому дороги доброе имя и репутация [8, с. 5].

С учетом того, что уровень притязаний, предъявляемых обществом к лицам, стоящим на страже закона, ввиду имеющихся у него представлений об идеальном слуге правоохранительных органов растет, каждый сотрудник, по сути, должен стремиться к тому, чтобы быть образцом дисциплинированности, собранности, профессионализма, демонстрировать высокую нравственность и культуру. Именно по этим показателям население оценивает не только самого сотрудника и его действия как отдельно взятую кадровую единицу, но также выносит обобщенное суждение о правоохранительной системе в целом [5, с. 166].

Из этого следует, что возможные отклонения от «безупречного стандарта», девиантные проявления являются одним из серьезных факторов негативизации общего имиджа правоохранительной системы. Иными словами, одним из «лежащих на поверхности» факторов деструкции имиджа правоохранительной системы является девиантность, которая, начиная свое выражение «вовне» с конкретного сотрудника, по цепочке (даже если ее форм как таковых и не наблюдалось, не было замечено, обнаружено в результате наступления какого-либо события, осуществления намеренных действий вроде служебной проверки или же просто случайного стечения обстоятельств) может переходить на следующие звенья, обеспечивающие функционирование правоохранительного механизма. Это в конечном итоге определяет зависимость имиджа как особого комплексного, многокомпонентного, многоуровневого феномена от особенностей восприятия, которое, в свою очередь, являясь одним из важнейших элементов сознания и правосознания как его значимой составляющей, способно транслировать и передавать определенную «обработанную» информацию, продуцировать «эффекты стереотипизации», что и приводит к формированию негативного имиджа правоохранительной системы.

Отмечается, что девиантзация правоохранительной системы, обладающая своей собственной спецификой в рамках ее существования в данной подсистеме общественной жизни, представляет собой одну из наиболее сложных социально-правовых проблем, требующих нетипичного, глубокого, конструктивного подхода для ее изучения и дальнейшего решения [9, с. 72]. Обобщенно термин «девиация» означает отклонение от заданного направления под влиянием каких-либо причин [10, с. 374]. Девиантное поведение сотрудников правоохранительной

системы есть какие-либо поступки, действия, которые не соответствуют официально признанным и установленным либо же фактически сложившимся в определенной среде нормам и ожиданиям.

Девиантность заключается в совершении обозначенной категорией лиц нарушений, отступлений от общепринятых социальных норм. Из этого следует, что ключевым для понимания сущности девиации как фактора, приводящего к негативизации имиджа правоохранительной системы, являются, во-первых, сами правила как пределы или интервалы допустимого, дозволенного поведения, распространяющиеся на индивидов и их группы (социальные нормы, действующие в данном обществе), во-вторых, специфика их конструирования с учетом совокупности сложившихся на том или ином историческом этапе развития условий жизнедеятельности, в-третьих, особенности интерпретации данных правил и соответствующего реагирования общества на нежелательные, неодобряемые проявления.

Нельзя не согласиться с тем, что девиантность, ее различные формы представляют из себя в некотором роде социальный продукт, возникший в результате поступающих от государства и общества в ответ на неприемлемые поступки реакции. Это некий порожденный за счет приписывания определенных значений тем или иным действиям социумом и в последующем контролируемый им конструктор. То есть те или иные «стандарты», образцы поведения признаются нормальными или девиантными исходя не из их природной сущности, а с учетом сложившегося «социального контекста» [9, с. 72]. И здесь явно прослеживается тесная связь девиантного поведения и имиджа правоохранительной системы как социальных продуктов, полностью находящихся в зоне контроля, созданной самим обществом, в пределах которой установлены конкретные требования (норма, правила), предъявляемые к сотрудникам правоохранительных органов.

В настоящее время наблюдаются количественный рост и качественная трансформация девиации и девиантности в структуре поведенческой активности лиц, на которых возложено выполнение правоохранительной функции. Наряду с такими внутренними деструктивными проявлениями девиантного поведения, как алкоголизм, наркомания, токсикомания, игромания, суицидальные наклонности, серьезную опасность представляют также и внешние криминальные формы девиации, различные конфликтные ситуации, возникающие в семьях сотрудников правоохранительных органов, в служебных коллективах (агрессия, насилие, злоупотребление служебным положением, коррупционность должностных лиц и др.). Очевидно, что все это наносит существенный урон имиджу правоохранительной системы в целом.

Более того, обозначенные негативные тенденции закономерно ведут к снижению эффективности реализуемой государством правоохранительной деятельности [11, с. 234].

Широкое распространение девиантных форм поведения сотрудников правоохранительных органов подтверждают не только внушительное количество сводок новостных информационных ресурсов с «кричащими», выделяющимися в общей ленте заголовками [12, 13], но также материалы судебной практики. Очевидно, что наиболее часто встречаются споры, связанные с увольнением лица по причине его нахождения в состоянии алкогольного опьянения [14, 15, 16]. Так, в одном из решений судом было справедливо отмечено, что сам факт управления сотрудником органов внутренних дел, к которому предъявляются особые требования ввиду специфики и общественной значимости профессиональной деятельности, транспортным средством в нетрезвом виде подрывает авторитет полиции [17].

Весьма интересна и значима позиция суда, заключающаяся в том, что недостойное поведение лица, состоящего на правоохранительной службе, выраженное в совершении им определенных действий, независимо от того, предусмотрена ли за такие действия административная или уголовная ответственность, создает «условия для негативной оценки полиции со стороны общественности и других правоохранительных органов», что в результате способно нанести ущерб репутации или авторитету органов внутренних дел [18] (курсив авт. – М. Б.).

Еще более глубокий подход к обозначенной проблеме деструкции имиджа блюстителей правопорядка демонстрирует содержание одного из решений Санкт-Петербургского городского суда, в котором недвусмысленно подчеркивается, что недостойное противоправное поведение сотрудников органов внутренних дел дискредитирует и умаляет в глазах общественности их статус, а поскольку они являются непосредственными представителями власти, то совершенные ими социально неодобряемые действия ведут к «подрыву авторитета государственной службы и формированию негативного отношения членов общества к государственной власти в целом» [19].

На наш взгляд, здесь прослеживается тесная связь имиджа правоохранительной системы с имиджем Российской Федерации, на всестороннее улучшение которого, как известно, в настоящее время направляются колоссальные ресурсы. Иными словами, имидж России, который можно считать территориальным, массовым имиджем, имеет прямую зависимость от имиджа личностного, персонального. По аналогии с картонным домиком, в котором повреждение, деформация, падение хотя бы одной из карт, выступающей его неотъемлемой составляющей, ве-

дет к последующему стремительному разрушению всей выстроенной композиции, деструкция имиджа отдельно взятого сотрудника правоохранительной службы создает предпосылки для негативизации имиджа правоохранительной системы и в дальнейшем обуславливает формирование неблагоприятного имиджа государства в целом. Именно поэтому, по нашему мнению, при решении глобальной задачи создания позитивного имиджа России необходимо прежде всего начинать с точечной проработки, уделять внимание персональному имиджу.

Что касается внешних девиантных форм поведения сотрудников правоохранительных органов, то при дальнейшем углубленном анализе можно говорить о том, что они в большинстве случаев вызваны профессиональной деформацией личности, под которой понимается негативное воздействие специфических факторов, возникающих в процессе выполнения профессиональных обязанностей и вызывающих отрицательные изменения, отражающиеся и на самой осуществляемой профессиональной деятельности как таковой, и на личности работника [20, с. 189]. В нашем случае более полно и правильно говорить о деформации профессионального правосознания лиц, обеспечивающих реализацию правоохранительной функции государства.

Сразу отметим, что мы не исключаем связь и возможное оказываемое влияние обозначенного явления и на рассмотренные выше внутренние разновидности девиации, распространенные среди лиц, состоящих на правоохранительной службе, поскольку невозможно отрицать существование принципа единства сознания, профессиональной деятельности, занимающей огромное место в жизни среднестатистического человека, и личности, в т.ч. потенциально возможных личностных нарушений. Это также подтверждается тем, что само профессиональное правосознание является особой формой правового сознания и представляет из себя систему идей, убеждений, взглядов, представлений, ценностей, нравственных ориентаций, традиций, стереотипов, присущих людям, получившим юридическое образование и практикующим в соответствующей сфере в качестве специалиста. В свою очередь, профессиональная деформация оказывает комплексное влияние, вызывая общую трансформацию человеческого сознания и изменение отдельных персональных качеств [21, с. 15]

Определенный режим, устоявшийся распорядок, предполагающий воспроизведение какого-либо набора повторяющихся в заданной последовательности и отграниченных конкретными временными интервалами действий, сложившиеся единообразные условия труда и отдыха задают соответствующий образ жизни, присущий для представителей той или иной профессии. В свою очередь, это становится основой

для развития и качественной трансформации внутреннего мира человека, обуславливает особенности его жизнедеятельности с учетом возникших в результате осуществления профессиональных обязанностей ценностей, интересов, установок, манер и т.д. [22, с. 121, 147].

Искажение профессионального правового сознания субъектов правоохранительной деятельности обусловлено рядом причин, детализация которых зависит от конкретных выполняемых в соответствии с определенными для той или иной должности обязанностями. Так, например, указывается, что деформация профессионального правосознания следователей и дознавателей вызвана «конвейерной» логикой судопроизводства, где оправдательные приговоры являются редкостью и, скорее, исключением из правил; неправильным соотношением приказа и закона, когда первый становится для сотрудников предпочтительнее, чем второй и др. [23, с. 39]. При этом основным деформационным фактором является провозглашенное верховенство закона и права и возникающее при этом как соответствующее отражение в правовом поле государства положение дел, что определяет особую, ведущую роль государственной правоохранительной службы во всех сферах общественной жизни.

Если быть еще точнее при определении первоисточника профессиональной деформации и деструкции имиджа правоохранительной системы как ее негативного последствия, то и здесь вновь следует обратить внимание на обозначенные ключевые моменты, связанные с особенностями восприятия, обработки и ретрансляции поступающей извне информации. Нельзя не согласиться с мнением А.Г. Сорокина, указывающего на то, что «деформация правового сознания вызвана качеством восприятия, дальнейшего воспроизведения и оперирования сквозь призму сознания правовыми понятиями отдельно взятым индивидом и находится в непосредственной зависимости от состояния "органики" как "матрицы" (наподобие сетчатки глаза), включающей в себя "впитанные" ранее индивидом определенные ценности, формирующие фундаментальную основу его сознания, и отражающей взаимодействие динамики и статики в сфере права» [24, с. 181].

Иными словами, деформацию профессионального правового сознания обуславливает то обстоятельство, что от высокой, истинной, первоизданной идеи права остается лишь некая схематичная конструкция, которая в результате неправильного, аномального преломления правовой действительности подвергается дальнейшему использованию по своему усмотрению лицами, состоящими на государственной правоохранительной службе, что и порождает злоупотребления, недостойные извращенные проявле-

ния, вызывающие возникновение «неправового права», продолжающего при этом называться правом. Таким образом, в сознании людей, в сознании общества происходят компрометация указанной идеи, утрата веры в нее [25, с. 186].

Безусловно, это приводит к негативизации имиджа правоохранительной системы. Так, например, на законодательном уровне отмечается, что коррупция, которая является одной из самых очевидных причин деструкции имиджа в сфере правоохраны, но при этом, на наш взгляд, имеет более глубинный исток в виде деформации профессионального сознания (т.е. выступает ее следствием), в настоящее время по-прежнему представляет крайне серьезное, трудно-преодолимое препятствие, мешающее полноценному функционированию всех общественных механизмов, проведению качественных социальных преобразований и экономической модернизации на национальном уровне, и, что особенно важно, «она усиливает тревожность российского общества, обуславливает недоверие к государственным институтам, создавая негативный имидж Российской Федерации на

международной арене, а значит, должна рассматриваться как одна из непосредственных угроз государственной безопасности» [26] (курсив авт. – М.Б.).

Таким образом, считаем, что сотрудники правоохранительных органов как непосредственные представители государства, занимающиеся обеспечением законности и правопорядка, в интересах социума, исходя из предъявляемых к ним требований, должны отодвигать на второй план свои личные интересы и желания, уметь брать контроль над неизбежно возникающими корыстными мотивами, в т.ч. порождаемыми искажениями профессионального правосознания. Все это еще раз подтверждает значимость нравственно-ценностного личностного компонента, особенно с учетом того, что «деятельность правоохранителей носит государственно-властный характер и профессиональная деформация их правового сознания характеризуется особой тяжестью последствий» [5, с. 149]. Надеемся, что указанные факторы деструкции имиджа правоохранительной системы будут учтены при дальнейшем развитии нашего государства и права.

Список источников

1. Беляева М.А., Самкова В.А. Азы имиджелогии: имидж личности, организации, территории: учебное пособие для вузов. Екатеринбург, 2016. 184 с.
2. Об изменениях штатной численности органов внутренних дел и структуры Центрального аппарата МВД России путем исключения ряда подразделений, передаваемых в Росгвардию. URL: <https://мвд.рф/news/item/8513345> (дата обращения: 27.06.2022).
3. Не много ли силы? За 15 лет число силовиков выросло более чем вдвое | Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/346301-ne-mnogo-li-%07sily-za-15-let-chislo-silovikov-vyroslo-bolee-chem-vdvoe> (дата обращения: 15.06.2022).
4. Воронов А.А. Вопросы обеспечения имиджа и престижа профессий представителей правоохранительной системы // Юристы-Правоведь. 2013. № 1 (56). С. 103-107.
5. Карпова А.В., Иванова Л.Л., Касаткина Н.В., Коновалов Е.А. Имидж сотрудника полиции как основа доверия россиян // Закон и право. 2021. № 12. С. 165-169.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Башкирова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 2 статьи 49 и пунктом 6 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 153-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 2 статьи 49 и пунктом 6 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 359-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Бойков А.Д., Мирзоев Г.Б. Этика адвоката. М.: Юрлитинформ, 2007. 591 с.
9. Комлев Ю.Ю., Комлев Н.Ю. Девиантность в правоохранительных органах // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2005. № 1 (23). С. 72-75.
10. Словарь русского языка: в 4 т. Том I: А-Й / гл. ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 703 с.
11. Ефимов А.А., Евдошенко В.В., Шумакова Е.В. Девиации среди сотрудников полиции как важнейшая причина ухудшения их имиджа // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 233-235.
12. В Омске пьяный полицейский подал в суд, чтобы его восстановили на службе – Город55. URL: <https://gorod55.ru/news/2020-01-22/v-omske-pyanyu-politseyskiy-podal-v-sud-chtoby-ego-vosstanovili-na-sluzhbe-62169> (дата обращения: 27.06.2022).

13. Суд признал законным увольнение брянского полицейского из-за пьяной драки // Новости Брянска. URL: https://newsbryansk.ru/fn_990438.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 27.06.2022).

14. Об отмене приказа об увольнении со службы в органах внутренних дел, восстановлении на службе, взыскании компенсации за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда [Электронный ресурс]: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2018 г. № 21-КГ18-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О признании приказа и увольнения незаконными, восстановлении на службе, взыскании оплаты за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда [Электронный ресурс]: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2020 г. № 88-357/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 29 сентября 2020 г. по делу № 88-6263/2020, 2-407/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Решение Благовещенского городского суда (Амурская область) № 2-6709/2017 2-6709/2017~М-6375/2017 М-6375/2017 от 8 августа 2017 г. по делу № 2-6709/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.06.2022).

18. Решение Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край) № 2-3052/2019 2-3052/2019~М-2750/2019 М-2750/2019 от 30 августа 2019 г. по делу № 2-3052/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.06.2022).

19. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10 октября 2019 г. № 33-22135/2019 по делу № 2-1117/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. V. Гражданское право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2021. 392 с.

21. Медведев В.С. Профессиональная деформация личности как проблема правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1997. № 1. С. 15-17.

22. Безносков С.П. Теоретические основы изучения профессиональной деформации личности. СПб.: Речь, 2004. 167 с.

23. Гранат Н.Л. Деформация профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики и проблемы действия права в новых исторических условиях // Труды Академии МВД РФ. М., 1993. С. 30-43.

24. Сорокин А.Г. Проблема правосознания в современном российском обществе и пути его возрождения // Право и образование. 2004. № 2. С. 181-191.

25. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2006. 510 с.

26. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы: Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 // Российская газета. 2010. 15 апреля. № 79.

27. Дадаева Р.Ш., Магдилов М.М. Особенности деформации профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 34. Вып. 4. С. 148-151.

Информация об авторе

М.А. Боржиева – адъюнкт Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

M.A. Borzheeva – postgraduate student of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 340:004

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Антон Александрович Васильев¹, Владислав Владимирович Архипов²,
Николай Юрьевич Андреев³, Юлия Вадимовна Печатнова⁴**

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, anton_vasiliev@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, v.arhipov@spbu.ru

³ Воронежский государственный университет, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Воронеж, Россия

⁴ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, jp_0707@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика компьютерных игр как предмета исследования гуманитарных наук в целом и юридических наук в частности. Авторы рассматривают компьютерные игры как вид виртуальных миров в широком смысле данного слова, являющихся одной из форм человеческого бытия; выделяют причины и последствия переосмысления феномена компьютерных игр в современном мире; отмечают подходы к пониманию сущности компьютерных игр (нарратология, людология, вариативность). Авторы предлагают выделять множество онтологических концепт-структур компьютерных игр, служащих предпосылками для понимания сущности исследуемого феномена.

Ключевые слова: компьютерные игры, видеоигры, виртуальный мир, онтологический статус, медиафилософия

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Индустрия компьютерных игр: в поисках правовой модели» № 22-28-00433, <https://rscf.ru/project/22-28-00433/>

Для цитирования: Васильев А.А., Архипов В.В., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В. Онтологический статус компьютерных игр в контексте правовых исследований // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 175-182.

Original article

ONTOLOGICAL STATUS OF COMPUTER GAMES IN THE CONTEXT OF LEGAL RESEARCH

Anton A. Vasiliev¹, Vladislav V. Arkhipov², Nikolay Yu. Andreev³, Yulia V. Pechatnova⁴

¹ Altai State University, Barnaul, Russia, anton_vasiliev@mail.ru

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, v.arhipov@spbu.ru

³ Voronezh State University, Lecturer at the Russian State Academy of Intellectual Property, Voronezh, Russia

⁴ Altai State University, Barnaul, Russia, jp_0707@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of computer games as a subject of study of the humanities in general and legal sciences in particular. The authors consider computer games as a kind of virtual worlds in the broad sense of the word, which are one of the forms of human existence; identify the causes and consequences of rethinking the phenomenon of computer games in the modern world; note approaches to understanding the essence of computer games (narratology, ludology, variability). In conclusion, the authors come to the conclusion that it is impossible to give an exhaustive description of computer games due to the many aspects of their interpretations. In this regard, it is proposed to single out a set of ontological concept structures of computer games that serve as prerequisites for understanding the essence of the phenomenon under study.

Keywords: computer games, video games, virtual world, ontological status, media philosophy

For citation: Vasiliev A.A., Arkhipov V.V., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. Ontological status of computer games in the context of legal research. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2022;4:175-182 (In Russ.).

В классическом понимании право ориентировано на регулирование общественных отношений, предметом которых являются объекты физической реальности (например, вещи) и специальные юридические конструкции (например, имущественные права).

Компьютерные игры¹ как объект общественных отношений представляют собой прежде всего интерактивный информационный феномен, что предопределяет «наследование» в данном дискурсе общих проблем информационного права, включая недостаточную определенность того, как следует рассматривать данный объект правоотношений – в частности, как объект гражданских прав или аналогичный ему в условиях, когда качества информации как ценности существенно отличаются от качеств иных известных объектов, и какие методы правового регулирования должны применяться в данной области.

Кроме того, предметы правовых отношений должны обладать определенной значимостью, чтобы быть таковыми. При этом в дихотомии «реальный мир – виртуальный мир», которая в этом специфическом смысле может быть интерпретирована как дихотомия «серьезное – несерьезное»², компьютерные игры часто и небезосновательно ассоциируются именно с миром виртуальным и деятельностью исключительно несерьезной. В то же время понятие «виртуальный мир» более многогранно, чем может показаться исходя из обыденного языка, а компьютерные игры в ряде своих аспектов все же обладают социальной значимостью.

Достаточно часто для правоведов правовая проблематика компьютерных игр исчерпывается их квалификацией как одного из объектов интеллектуальной собственности [1, с. 134] или информационного права [2, с. 58-74]. В междисциплинарных исследованиях можно встретить позиции, которые сосредоточены исключительно на негативных сторонах игровой зависимости, обусловленной прежде всего аддиктивностью (излишним психологическим

вовлечением в игру, привыканием) [3], не учитывающие принципиально важную квалификацию компьютерных игр как разновидности современного медиа, предопределяющего своего рода «игровой поворот» в актуальных коммуникативных практиках [4]. В то же время правовые исследования нуждаются именно в комплексном анализе компьютерных игр как сложного многоаспектного явления современной культуры, что необходимо для построения адекватной модели регулирования общественных отношений, предметом которых выступают компьютерные игры.

Следует отметить, что стратегия легитимации компьютерных игр как предмета исследования прежде всего в юридических науках может выстраиваться различным образом. Так, уже был отмечен подход, основанный на выявлении социально значимых аспектов компьютерных игр и сопутствующих игровых практик (в этом смысле и выделяются аспекты компьютерных игр как результатов интеллектуальной деятельности и информации). В то же время уже в самом игровом культурологическом дискурсе была заложена и еще одна стратегия. Так, еще Й. Хейзинга отмечал, что «формально функция такой отгороженности и ради священной цели, и ради чистой игры совершенно одна и та же. Ипподром, теннисный корт, площадка для игры в классики, шахматная доска функционально не отличаются от таких вещей, как храм или магический круг», и конкретно в отношении права: «Всякое место, где свершается правосудие, – это подлинное *теменос*, освященное место, отрезанное, отгороженное от обычного мира. Таким образом, сначала *выделяют* место для суда, а затем *созывают суд*. Это поистине магический круг, игровое пространство, внутри которого привычное деление людей по их рангу временно прекращается. На время они делаются неприкосновенными» [5]. В этом ракурсе вопрос об отношении «серьезного» права к «несерьезным» компьютерным играм предстает уже в ином ракурсе. Полагаем, что отмеченное еще Й. Хейзингой сходство права и игр, которое на актуальных примерах может быть раскрыто с еще большей убедительностью [6, с. 214-225], составляет необходимую часть междисциплинарного анализа компьютерных игр для целей построения модели, ориентированной на развитие правового регулирования в рассматриваемой области.

Отдельно следует отметить, что долгое время в гуманитарных науках и дискурсе общеправового знания можно было наблюдать в целом критическое или незаинтересованное отношение к компьютерным играм как предмету исследования. К слову, и в практическом плане отношение к играм по-прежнему остается неодинаковым: в некоторых странах компьютерные игры рассматриваются как предмет культурной политики государства, в неко-

¹ С точки зрения методологических задач данной статьи, если из контекста прямо не следует иное, авторы рассматривают феномен компьютерных игр в целом, без учета всего многообразия разновидностей данного феномена (однопользовательские и многопользовательские игры, киберспортивные и иммерсивные игры и т.п.). Термин «виртуальный мир» используется преимущественно в смысле информационной технологии. Концепции и исследования, на которые опирались авторы, приведены по принципу необходимости и достаточности с учетом концепции исследования, в связи с чем в некоторых частях статьи могло найти отражение не все многообразие дискурса игровых исследований.

² Термины «серьезное» и «несерьезное» в данном контексте используются в специальном смысле, предполагающем соотнесение качеств серьезности и социальной значимости.

торых – игнорируются, несмотря на тот очевидный факт, что всеобщее увлечение молодежи компьютерными играми и способность игр служить инструментом трансляции социально значимых смыслов делают их критически важным инструментом молодежной политики. Как верно отмечают исследователи, компьютерные игры с трудом завоевывали внимание ученых. Публичное пространство нередко связывает видеоигры преимущественно с крайне негативным воздействием на человека и чем-то несерьезным, недостойным исследовательского интереса [7, с. 5-6]. Однако в меньшей степени эти предварительные замечания относятся к исследованию игр как таковых, рассматриваемых в качестве особого социокультурного феномена, в целях изучения которого сложился корпус философской, исторической, экономической и иной литературы (здесь прежде всего стоит упомянуть уже ставшие классическими работы Й. Хейзинги, Р. Кайуа и других авторов) [5].

В современных условиях по разным причинам (как объективным экономическим причинам, так и в силу приоритетов государственной политики) складывается необходимость разрабатывать подходы к правовому регулированию отношений, связанных с использованием различных цифровых технологий, не исключая компьютерные игры, которые могут рассматриваться в общем контексте «сквозной цифровой технологии» виртуальной и дополненной реальности¹. В то же время юристы в целом часто скептически относятся к виртуализации самой общественной жизни – погружению человека в иную, несуществующую реальность – и к компьютерным играм в частности. Сомнения в данной области, по всей видимости, предопределены антропоцентричным подходом и теми опасениями, что цифровизация общественных отношений и тем более их виртуализация (выражающаяся прежде всего в переносе субъектов, ценностей и социально значимой коммуникации в изменчивую и подверженную манипуляциям цифровую среду) могут способствовать дегуманизации общественной жизни.

Разумеется, сложно отрицать определенные потенциальные риски, которые подразумевают цифровые и игровые технологии. Для последних при отсутствии культуры использования могут быть характерны и опасные последствия, связанные с деструктивным поведением, – например, кибербуллинг в усло-

¹ Так, например, технологии виртуальной и дополненной реальности были отнесены к сквозным цифровым технологиям в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (см. раздел I Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1631-р). На данный момент указанное распоряжение утратило силу в связи с принятием ряда правовых актов по «Национальной программе "Цифровая экономика..."».

виях анонимности, формирование аддиктивных паттернов поведения, использование игровых платформ для торговли ограниченных и запрещенных к обороту товаров и т.п. Уже здесь отметим, что некоторые игровые практики, будучи социально-негативными, тем не менее высвечивают те аспекты серьезности общественных отношений, опосредованных играми, которые вполне заслуживают внимания с точки зрения правового регулирования и правоприменения, тем самым предопределяя часть направлений формирования модели правового регулирования. В то же время сложно игнорировать как нейтральные аспекты социальной значимости компьютерных игр как феномена культуры, так и отдельные положительные качества данного объекта. Последний ракурс предопределил переосмысление феномена компьютерных игр в рамках общей концепции «медиального поворота». Хотя в научной литературе можно найти и более ранние изолированные примеры² [8], данный процесс начался ближе к середине 1990-х годов вследствие целого ряда факторов.

Во-первых, развитие и популяризация новых информационных технологий (или «новых медиа», если использовать терминологию Л. Мановича [9]) сопровождалась расширением и ростом игровой индустрии в новом цифровом формате. Значительное влияние на популярность компьютерных игр оказало появление технических решений, позволяющих объединять игроков в одной цифровой среде в многопользовательских играх. Количество игроков по сети стало достигать заметных показателей, и индустрия игр стала заметна в экономическом отношении с точки зрения прибыли разработчиков уже не только вследствие роста продаж копий игры, но и вследствие роста подписок на игровые сервисы и оборота «виртуальной собственности» как в «белой»³, так и в «серой»⁴ зонах. Рост популярности видеоигр

² В данной статье авторы анализируют социальные и правовые аспекты коммуникации пользователей одного из первых популярных развлекательных виртуальных миров с точки зрения тех внутренних ценностей, которые формируются в самом виртуальном мире. При своей краткости статья имеет историческую ценность для анализа дискурса «виртуального права».

³ Подразумевается приобретение «виртуальной собственности» у провайдера игры в соответствии с правилами использования и (или) лицензионным соглашением с конечным пользователем.

⁴ Подразумевается виртуальная торговля предметами «виртуальной собственности» между самими игроками, а также между игроками и третьими лицами, занимающимися этим на квазипрофессиональной основе, что нередко вступает в противоречие с правилами использования и (или) лицензионным соглашением с конечным пользователем, но может все же по-разному квалифицироваться с точки зрения гражданского права (например, как предмет услуг, которые одни игроки оказывают другим, которые

стало сложно отрицать, и он требовал научного объяснения, формирования общественной оценки и государственной политики. Более того, есть мнение, что во многом благодаря компьютерным играм информационные технологии, использование которых ранее было ограничено специфическими областями, связанными с двойным назначением, стали входить в социальный обиход и популярную культуру [10].

Во-вторых, цифровизация общества вызвала обособление в рамках философии новой области – медиафилософии, которая предприняла попытку осмыслить медиа и компьютерные игры как составную часть медиа в качестве новых феноменов нашей жизни [9, 11].

В-третьих, можно отметить влияние субкультур в философии, культурологии и искусстве, которые переместили компьютерные игры в центр своего внимания (представители Копенгагенского университета информационных технологий, разработки компьютерных игр и пр.). Для этой части интеллектуалов видеоигры всегда представляли нечто большее, чем сама игра: продолжение кино, форма искусства, настоящая реальность в противоположность искусственной действительности и т.п.

В конечном счете к началу 2000-х гг. в среде интеллектуалов сформировалось междисциплинарное направление игровых исследований (game studies), объединенное единым предметным полем исследования – компьютерными играми, но опирающееся на применение различных методов исследования и интеграцию знаний о компьютерных играх из самых разных областей, включая, среди прочего, философию, эстетику, социологию и юриспруденцию.

В философии компьютерные игры как вид виртуальных миров рассматриваются сквозь призму человеческого бытия с собственным онтологическим статусом. Для последующего юридического анализа крайне важно подчеркнуть, что сам факт реальности «виртуального мира» и компьютерных игр не оспаривается среди представителей медиафилософии. Подчеркнем, что термин «виртуальный мир» для целей настоящей статьи неслучайно используется в кавычках – авторы не претендуют на осмысление феномена компьютерных игр с точки зрения концепции виртуальных миров в своем непосредственном виде концепции из области логики и в большей степени используют данное словосочетание в закрепившемся в междисциплинарном дискурсе значении, более характерном для компьютерных наук¹.

не могут ограничиваться пользовательскими соглашениями, поскольку это означало бы ограничение гражданской правоспособности, что в целом по-прежнему остается дискуссионным вопросом).

¹ В контексте информационных технологий данный термин означает симулируемую компьютерными средствами

В литературе о компьютерных играх сложилось несколько подходов к пониманию сущности компьютерных игр. Первоначально сложились две основные традиции в объяснении компьютерных игр:

1. Компьютерные игры как текст, в котором рассказывается некая история (нарратология). Впервые текстологическое понимание компьютерных игр предложил Е. Аарсет, ссылаясь на эвристические потенции нарратологии в объяснении игр [12].

2. Компьютерные игры – это игры как способ взаимодействия, и сам игровой компонент делает компьютерную игру игрой (людология). Ярким представителем людологии является Г. Фраска, отмечавший ограниченность возможностей нарратологии и принципиальное свойство видеоигр – собственно игровой характер [13].

В последние годы противостояние между нарратологией и людологией в понимании компьютерных игр практически сошло на нет, поскольку оба подхода скорее дополняют друг друга, нежели имеют непреодолимые противоречия.

Так, и термин «текст», и термин «история» в данном контексте применительно к компьютерным играм необязательно означают последовательное вербальное повествование: игры интерактивны, и «повествование» может быть выражено в последовательности контролируемых игроком событий, которые не всегда имеют прямое вербальное выражение. Это обстоятельство позволяет применить нарративную концепцию и для объяснения многопользовательских игр без заранее определенного сюжета. Но при таком подходе, собственно, и устраняется видимое противоречие между нарративным и людологическим подходами.

С одной стороны, в компьютерных играх может быть заложен некий нарратив, и в отношении игр в принципе может быть применена методология нарратива. С другой стороны, компьютерные игры не исчерпываются текстом и несут в себе иные аспекты и значения: интерактивность в создании виртуальной реальности, отсутствие предначертанного результата, совпадение в одном лице игрока, меняющего игровую реальность и самого рассказчика/читателя и т.п. Верно отмечается разное положение читателя (откинувшегося назад и расслабленного) и геймера (наклонившегося вперед и пребывающего в постоянном возбуждении). Сами представители двух традиций в описании компьютерных игр не раз отмечали, что никакого серьезного конфликта людологии и нарратологии по существу никогда и не было.

В некотором отношении развитие двух традиций нашло выражение в концепции «процедурной рито-

относительно постоянную среду, в которой пользователи взаимодействуют друг с другом посредством обособленных виртуальных репрезентаций (аватар).

рики» как ведущего компонента компьютерных игр: в играх присутствует процедура и правила, но и сами правила несут некую текстуальную нагруженность.

Так, А. Ветушинский отмечает: «Видеоигры эксплуатируют сразу три риторических уровня: вербальной риторики (убеждение с помощью слов), визуальной риторики (убеждение с помощью образов), процедурной риторики (убеждение с помощью процедур, или геймплея). Дело в том, что видеоигры имеют довольно жесткую структуру:

- 1) игрок нажимает кнопку / совершает действие;
- 2) нажатие кнопки / действие ведет к определенным изменениям в игровой ситуации;
- 3) игровая ситуация провоцирует игрока нажать новую кнопку / совершить новое действие» [14, с. 56].

Современные исследователи компьютерных игр все чаще приходят к убеждению, что видеоигры обладают такой многоаспектностью и многообразием, что невозможно дать им исчерпывающую характеристику. Компьютерные игры относятся к медиа, кино, искусству, программному обеспечению.

Так, существенно отличаются друг от друга текстовые игры и классические ролевые многопользовательские игры с визуальным геймплеем. Более того, стали появляться такие игры, которые в принципе отличаются от традиционных игр и, скорее, относятся к форме искусства, и их объединяют теперь термином Notgames. Д.В. Галкин относит компьютерные игры к одной из современных форм культурной жизни, искусства и массовой поп-культуры [15, с. 62].

Существуют нетривиальные идеи в трактовке видеоигр. Например, производственно ориентированная концепция Д. Пинчбека, согласно которой для того, чтобы выяснить сущность игры, нужно ее изобрести, разработать ее в техническом плане на уровне кода и других характеристик. В ходе разработки проясняется сущность самой игры. Несмотря на определенные достоинства такого взгляда, все-таки заметна его ограниченность: исключение из сферы игры игрока, переоценка значения разработчика, снижение ценности теоретического знания.

Вариативность в толковании компьютерных игр была предложена Я. Богостом, который совместно с Н. Монтфортом указал на пять уровней в интерпретации видеоигр и соответствующих направлениях исследований:

- интерфейс игры (визуальный геймплей), обеспечивающий взаимодействие человека и машины;
- рецепция и операция, когда важно эмоциональное состояние игрока, его пользовательский опыт;
- форма и функционирование, включающие в себя правила игры, операцию и поведение игроков;
- игра как программный код;

- игра как цифровая, вычислительная платформа [16].

Близкой позиции относительно многослойности компьютерных игр придерживается У.П. Беляева: «Мы выделяем пять основных онтологических концепт-структур видеоигры – программист, игровой актер (геймер), программный код, виртуальный мир игры, аппаратная платформа. На основе контекстуальных аналогий с историко-философским дискурсом конструируется динамическая модель онтологического существа видеоигр. Видеоигру можно определить как виртуально-интерактивную и иммерсивно-мультимедийную практику, осуществляющуюся человеком в рамках программной системы правил, внешне заданной программистом, и аппаратных ограничений» [17, с. 9].

Интересно, что такой многовариантный подход в объяснении природы компьютерных игр оказывается полезным и вполне применимым в юридическом аспекте. Так, любая компьютерная игра может быть квалифицирована как объект интеллектуальной собственности со сложным составом: графика, музыка, исходный код, пользовательский контент и т.д.

Я. Богост вводит аппаратно-технические аспекты в интерпретацию видеоигр, указывая на их серьезное влияние на игровую реальность.

Мыслитель пишет: «Вместе с Монтфортом мы взяли очертить специфику видеоигр: видеоигры – это вычислительные артефакты, для понимания которых требуется по крайней мере частичное владение архитектурой компьютера. Заострю тезис: видеоигра – это определенная программа (софт), созданная и запущенная на базе определенного железа (харда) в определенный момент времени. Вместе и по отдельности эти программа и железо оказывают друг на друга давление, вплоть до – задним числом – вдохновения и влияния и – наперед – соглашения и определения жанра» [18, с. 88].

Концепция Я. Богоста основана на философии научного натурализма и теории Г. Хармана и Л. Брайнта с акцентом на объективность мира и плоскую онтологию, где важным становится установка на существование одинаковых отношений между любыми объектами мира (к которым может быть отнесен и субъект). Для Я. Богоста данная философская установка делает все уровни в понимании игр равнозначными и лишает необходимости определять какой-то из них в качестве универсального основания.

Признавая известную правоту нарратологии, людологии, вариативного подхода и иных подходов к интерпретации компьютерных игр, думается, что главное в самих играх остается недоступным для понимания. Почему компьютерные игры так популярны, каково их значение в антропологическом плане.

Полагаем, что прояснение сущности компьютерных игр должно исходить из нескольких предпосылок.

Во-первых, компьютерные игры как особая разновидность игр нуждаются в философско-антропологическом объяснении, и здесь, видимо, невозможно обойтись без концепции «человека играющего», игр как одной из ипостасей человеческой природы и феномена социокультурной жизни.

В творчестве Й. Хейзинги, Р. Кайуа, Ф. Юнгера обосновывается социокультурное значение игр в истории человечества. Через игры происходит социализация человека, сплочение человеческого общества. Игра признается постоянным спутником человеческого общества.

В философии игры Й. Хейзинга обосновал ряд существенных признаков игры:

- игра – всегда свободное действие (играть нельзя по принуждению), в каком-то смысле человек через игру реализует свободу, поскольку играет в свободное время. В некотором смысле игра даже избыточна для человека;
- игра есть выход из обыденной жизни, она некая ненастоящая жизнь;
- для игры характерно наличие особого пространства и времени (замкнутость, отграниченность игры от другой реальности);
- наличие игровых правил как бесспорных и обязательных для игроков;
- наличие тайны, секрета вокруг игр, ее инобытие;
- формирование сообществ по поводу игр.

Философ подытоживает: «Мы можем назвать игру с точки зрения формы некоей свободной деятельностью, которая осознается как ненастоящая, не связанная с обыденной жизнью и тем не менее могущая полностью захватить играющего; которая не обуславливается никакими ближайшими материальными интересами или доставляемой пользой; которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами и вызывает к жизни общественные объединения, стремящиеся окружать себя тайной или подчеркивать свою инаковость по отношению к обычному миру своеобразной одеждой и обликом» [5].

В суждениях Й. Хейзинги, пожалуй, одной из ключевых характеристик игр просматривается забавность, потеха, удовольствие в духовном плане, которое испытывает человек в игре. В этом аспекте и кроется глубинная притягательность игры, формируя страсть и полную отдачу человеком себя в игре.

Й. Хейзинга придавал серьезное значение в играх такому компоненту, как состязательность, отсутствие прямого материального интереса, наличие правил. Но Р. Кайуа обоснованно ставит эти свойства игр под сомнение. Вне всякого сомнения, состязательность

придают играм притягательность и то напряжение страстей и эмоций, которые мы наблюдаем в спорте. Но не для всех игр характерна состязательность: театр, игры головокружения и т.п.

Отсутствие материального интереса в играх игнорирует такую категорию игр, как азартные игры. Скорее, как пишет Р. Кайуа, в играх не создаются новые материальные блага, но выгода вполне возможна – по сути, может происходить перераспределение материальных благ между участниками игры (пари, лотереи, тотализаторы, ставки, игорный бизнес и т.п.) [19, с. 45]. Данное замечание имеет важную роль в части экономической системы компьютерных игр и правовой природы внутриигрового имущества, оборота виртуальной валюты и монетизации.

Наконец, далеко не все игры имеют четкие правила, например игры в подражание (игра в куклы, самолет и пр.). В таких играх создается иллюзорная реальность – «понарошку». Соответственно, французский мыслитель выделяет регулярные игры (основаны на правилах) и фиктивные игры (основаны на создании фиктивной реальности).

Как следствие, Р. Кайуа предложил несколько иной набор признаков игр с учетом их многообразия и особенностей:

- свободная деятельность;
- обособленность с точки зрения времени и пространства;
- неопределенный исход в играх, оставляющий некую свободу и инициативу для игроков;
- непроизводительный характер в том смысле, что игры не связаны с производством материальных благ, но не исключающих игры на получение материального выигрыша за счет других участников игры или перераспределение имущества между игроками;
- регулярность игры, поскольку во время игры приостанавливается действие обычных законов и формируется корпус собственных правил;
- фиктивность игр, сопровождаемая осознанием наличия вторичной реальности или ирреальности происходящего [19, с. 48].

Важным для юриспруденции замечанием выступает ссылка Р. Кайуа на фиктивность, ирреальность игр, которые близки к использованию в правовой науке условности и правовых фикций. Интересным в творчестве Р. Кайуа выступает классификация игр, которая охватывает многообразие игровых практик:

- agon – игры, основанные на состязательности и равных шансах участников – игроков (спортивные игры);
- alea – игры, предполагающие расчет на судьбу, случай и отсутствие влияния игроков на исход игры (пари, ставки и пр.);
- mimicry – игры, связанные с симуляцией (разного рода театральные и иные игры);

- iInx – игры, предполагающие использование фактора восприятия от головокружения (качели, аттракционы и иные игры) [19, с. 50-60].

Во-вторых, особая притягательность компьютерных игр может быть объяснена тем, что она удовлетворяет глубинный человеческий запрос на самопознание в столкновении с внешним миром. Практически во всех исследованиях отмечается ряд уникальных свойств компьютерных игр: удовольствие от самой игры, отсутствие прагматичных оснований для участия в игре, способность через игру прожить и прочувствовать недоступные в действительности роли и эмоции и, наконец, отрешение от реальности как ответ на онтологическое противоречие мира и сознания [20, с. 98-103]. Все чаще в философии отмечается то, что игры удовлетворяют запрос человека на самореализацию в иной реальности при ощущении пустоты от физической реальности – неудовлетворенности человека наличным бытием.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что компьютерные игры представляют собой разновидность виртуальных миров как пространства воображения человеческого сознания, созданного с помощью технических средств (кода и программного обеспечения). Виртуальный мир компьютерных игр имеет культурную обусловленность и является одной из форм человеческого бытия. В виртуальном мире компьютерных игр складываются социально значимые отношения: распространение информации, пользовательский контент, отношения по обороту хотя и виртуальных, но социально и экономически значимых объектов, симулируются реальные социальные институты и многие другие отношения. В противовес упрощенному взгляду следует заключить, что отношения, которые складываются между пользователями виртуальных миров компьютерных игр, нередко характеризуются той социальной значимостью, которая предполагает возможность и необходимость правового регулирования.

Список источников

1. Архипов В.В. Правила игры и нормы права в контексте социального конструкционизма // Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / под ред. В.В. Савчука. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016.
2. Архипов В.В. Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований // Закон. 2022. № 3. С. 58-74.
3. Никитина Е.М. Как уберечь наших детей от негативного влияния СМИ? // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Raessens J. Homo Ludens 2.0. The Ludic Turn in Media Theory / Lecture. 2012 // Utrecht University Repository. URL: <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/255181> (дата обращения: 13.09.2022).
5. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
6. Архипов В.В. Правила игры как нормативная система, или что общего между юриспруденцией и гейм-дизайном // Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 214-225.
7. Савчук В.В. Становление дискурса исследований компьютерных игр // Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / под ред. В.В. Савчука. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016.
8. Morningstar C., F. Randall F. The Lessons of Lucasfilm's Habitat // Stanford University. URL: https://web.stanford.edu/class/history34q/readings/Virtual_Worlds/LucasfilmHabitat.html (дата обращения: 13.09.2022).
9. Manovich L. The language of New Media. Cambridge: MIT Press, 2001.
10. McLuhan M. Understanding Media. The Extension of man. Cambridge: MIT Press, 2001.
11. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб., 2014.
12. Aarseth E. Computer Game Studies, Year One // Game Studies. 2001. Vol. 1. Iss. 1. URL: <http://www.gamestudies.org/0101/editorial.html> (дата обращения: 13.09.2022).
13. Frasca G. Ludology Meets Narratology: Similitude and Differences Between (Video) Games and Narrative. URL: <http://www.ludology.org/articles/ludology.htm> (дата обращения: 13.09.2022).
14. Ветушинский А. To Play Game Studies Press the START Button // Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 56.
15. Галкин Д.В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования // Гуманитарная информатика. 2007. № 3. С. 62.
16. Montfort N., Bogost I. Racing the Beam: The Atari Video Computer System. Cambridge: MIT Press, 2009.
17. Беляева У.П. Культурно-антропологическая феноменология игр: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2020.
18. Богост Я. Бардак в видеоиграх // Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 88.
19. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007.
20. Шевцов К.П. Компьютерные игры как предмет философского анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. № 32 (1). С. 98-103.

Информация об авторах

A.A. Васильев – доктор юридических наук, профессор;

B.B. Архипов – доктор юридических наук;

H.Yu. Андреев – кандидат юридических наук.

Information about the authors

A.A. Vasiliev – Doctor of Science (Law), Professor;

V.V. Arkhipov – Doctor of Science (Law);

N.Yu. Andreev – Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 347.9

ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРЕБОВАНИЙ К ЮРИДИЧЕСКИМ ДОВОДАМ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Константин Васильевич Каргин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
konstantinkargin1979@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются пробелы правового регулирования требований к юридическим доводам. Суды в своих решениях часто отклоняют те или иные доводы лиц, участвующих в рассмотрении дела. Доводы признаются несостоятельными, необоснованными, недостоверными, надуманными, противоречивыми. Следовательно, в юридической практике выработаны требования к юридическим доводам. Однако гражданское и арбитражное процессуальное законодательство не фиксирует требований к юридическим доводам.

Автор приходит к выводу, что необходимо на уровне процессуальных кодексов закрепить не только систему требований к аргументам, но и основания для отклонения судом юридических доводов.

Ключевые слова: пробелы, юридическая аргументация, юридический аргумент, требование, несостоятельный довод, необоснованный довод, недостоверный довод, гражданское процессуальное законодательство

Для цитирования: Каргин К.В. Пробелы в правовом регулировании требований к юридическим доводам в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 183-186.

Original article

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF REQUIREMENTS FOR JURIDICAL ARGUMENTS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEDURAL LEGISLATION

Konstantin V. Kargin

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, konstantinkargin1979@mail.ru

Abstract. This article analyzes the gaps in the legal regulation of requirements for juridical arguments. Courts in their decisions often reject certain arguments of persons participating in the consideration of the case. The arguments are recognized as untenable, unfounded, unreliable, far-fetched and contradictory. Consequently, legal practice has developed requirements for juridical arguments. However, civil and arbitration procedural legislation does not fix the requirements for juridical arguments.

The author concludes that it is necessary at the level of procedural codes not only to fix the system of requirements for arguments, but also the grounds for rejecting juridical arguments by the court. This will contribute to the uniformity of understanding of the requirements themselves, the unity of law enforcement practice, the adoption of legal and reasonable decisions by the courts of the Russian Federation.

Keywords: gaps, juridical argumentation, juridical argument, requirement, an untenable argument, an unsubstantiated argument, an unreliable argument, civil procedural legislation

For citation: Kargin K.V. Gaps in the legal regulation of requirements for juridical arguments in civil and arbitration procedural legislation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2022;4:183-186 (In Russ.).

© Каргин К.В., 2022

Часть 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [1] и ч. 1 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) [2] устанавливают право лиц, участвующих в деле, приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, возражать против доводов других лиц, участвующих в деле. Безусловно, истцы, ответчики, третьи лица, иные участники судебного разбирательства активно используют право на представление юридических доводов.

В свою очередь, суды оценивают представленные доводы и принимают одни из них и отклоняют другие. Вместе с тем ни ГПК РФ, ни АПК РФ не содержат положений, регламентирующих требования к представлению юридических доводов, что позволяет говорить о пробеле в правовом регулировании. Более того, не регламентированы и основания, по которым суды могут принять или отклонить те или иные юридические доводы. Таким образом, суды самостоятельно формируют практику понимания требований к доводам, которую, на наш взгляд, стоило бы изучить и положить в основу для совершенствования законодательства в вопросах правового регулирования юридической аргументации. Фактически же назрела необходимость устранения целого ряда пробелов в правовом регулировании представления юридических доводов.

Под юридическим доводом мы понимаем имеющее юридическое основание высказывание субъекта юридической аргументации, сформулированное юридическим языком в виде суждения или умозаключения как формах правового мышления, несущее правовую информацию, сделанное для подтверждения обосновываемого им правового положения (тезиса) или для опровержения правового положения, обосновываемого другим соаргументатором (анти-тезиса) [3, с. 51].

Анализ отдельных судебных постановлений и судебных актов показывает, что суды придают существенное значение оценке доводов, представляемых лицами, участвующими в рассмотрении дела. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда в своем Апелляционном определении от 12 мая 2014 г. по делу № 33-7729 [4] указала, что судом обоснованно признан несостоятельным довод истца о том, что его обучение в магистратуре не является получением второго высшего образования. Суд счел, что истец не относится к категории лиц, получающих впервые высшее профессиональное образование, т.к. обучается в магистратуре по направлению «Юриспруденция», а до этого получил высшее образование по специальности «Менеджмент организации». Далее апелляционная инстанция указала, что доводы апелляционной жалобы истца сводятся к неправильному толкованию

норм законодательства и по вышеизложенным мотивам не могут быть признаны обоснованными.

Как видно из апелляционного определения, несостоятельный довод понимается судом апелляционной инстанции как сводящийся к неправильному толкованию. Но можно ли говорить о том, что данный довод является необоснованным, если истец его обосновал, но сделал это неверно?

Большой интерес в плане анализа доводов представляет Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29 января 2020 г. по делу № А40-234815/2019 [5]. В нем содержится ряд формулировок, показывающих несоответствие доводов и предъявляемых к ним требований.

Во-первых, суд указал, что «доводы истца о невозможности выполнения работ в срок не подтверждаются материалами дела». Здесь можно говорить о недостоверности довода, т.к. довод не соответствует доказательствам.

Во-вторых, признан несостоятельным довод истца об обязанности ответчика предоставить дополнительный льготный срок на основании ст. 1289 ГК РФ, т.к. истец не создает новое программное обеспечение, а лишь дорабатывает уже существующее, а значит по данному контракту не применимы нормы ГК РФ о договоре авторского заказа. Данный довод суд называет необоснованным в силу того, что ответчик не обязан предоставлять дополнительный льготный срок истцу для выполнения работ согласно ст. 1289 ГК РФ.

В-третьих, был признан не соответствующим действительности довод истца о том, что обязательство по контракту было исполнено им надлежащим образом, а ответчиком принято от истца доработанное программное обеспечение (далее – ПО). Суд отмечает, что этот довод истца является необоснованным и не должен быть принят судом во внимание. При этом истец обосновывал довод тем, что подрядчик принял доработанное ПО с письмом от 21.01.2019 и ответчик замечаний к доработанному ПО не имел. Суд, в свою очередь, указал, что срок действия контракта истек 31.12.2018, а это, исходя из контракта, повлекло прекращение обязательств по нему. На наш взгляд, не следует называть довод, не соответствующий действительности, необоснованным доводом.

Если более широко взглянуть на практику оценки доводов, то становится видно, что суды признают доводы несостоятельными, необоснованными, недостоверными, не соответствующими действительности, надуманными, голословными, противоречивыми и др. При этом они используют собственную интерпретацию тех или иных требований к доводам: состоятельности, обоснованности, достоверности и т.д.

Попробуем предложить свое видение понимания требований к юридическим доводам в целях формирования единой практики оснований отклонения доводов, не соответствующих данным требованиям и правильности поименования таких доводов.

Требования к юридическим доводам – это правила формирования и представления доводов, имеющих юридическое основание, они обусловлены нормативно-правовыми предписаниями или выработаны юридической практикой, позволяют обеспечить поддержку правовой позиции, соответствующей действительности. Из данного определения видно, что соблюдение требований к юридическим доводам может обернуться поражением лица, чья правовая позиция не соответствует действительности.

Требование достоверности правового довода. Основополагающее правило формирования и изложения довода путем его подкрепления достоверными данными – сведениями, соответствующими действительности. Именно недостоверный довод может именоваться аргументом, не соответствующим действительности. Достоверными данными могут являться доказательства по делу, действующие редакции норм права, актуальные разъяснения норм права, сделанные высшими судебными инстанциями и т.д. Стоит заметить, что в случае признания довода недостоверным он не должен учитываться судом.

Требование обоснованности правового довода. Необоснованный довод также называют голословным, бездоказательным, неподтвержденным. Это также фундаментальное требование, сущность которого состоит в обеспечении выдвинутого тезиса подтверждающими его юридическими основаниями – нормами права, разъяснениями норм права, доказательствами. Обоснованным доводом мы будем называть довод, в котором вывод, полученный по итогам процесса обоснования, имеет надлежащую юридическую основу и соответствует выдвинутому тезису. Довод, в котором вывод, полученный по итогам обоснования, не соответствует выдвинутому тезису, следует именовать неверно обоснованным доводом. Как мы наблюдаем в примерах судебной практики, такой довод иногда называют необоснованным.

На наш взгляд, необоснованный довод – это такой довод, который не подкреплен подтверждающей его юридической основой. То есть он сформулирован без ссылок на доказательства, нормы права и т.д. Именно поэтому и является голословным в буквальном смысле этого слова. Если суд признает довод голословным, это не значит, что суд не принимает данный довод. Во-первых, суд сам может проверить верность довода, скажем, когда у лиц, участвующих в рассмотрении дела отсутствуют возможности подтвердить высказанный довод. Такое возможно, например, когда без содействия суда нет возможности получить тот

или иной документ, а его истребование может подтвердить действительность довода. Во-вторых, суд может рекомендовать лицам, участвующим в рассмотрении дела, обосновать высказанный довод.

Требование состоятельности довода. Как нам кажется, данное требование не следует смешивать с требованием обоснованности и признавать несостоятельным доводом довод, являющийся необоснованным. В Решении Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 01.08.2017 по делу № 2-2279/2017 [6] указано: «...оценивая довод ответчика о том, что бюллетени голосования не могут быть представлены для ознакомления по причине нахождения в них персональных данных собственников, принявших участие в голосовании, и отсутствия их согласия на ознакомление с ними, суд находит указанный довод несостоятельным, основанным на неверном толковании норм права».

Требование состоятельности довода – это правило изложения довода с учетом действительного смысла нормы права, являющейся основанием довода. Соблюдение именно этого требования является весьма сложным, т.к. действительный смысл нормы права можно установить, осуществив её истолкование. Полагаем, возможно понимать под несостоятельным доводом такой довод, изложение которого нарушает заложенный в норму права смысл. По логике несостоятельный довод является обоснованным доводом, но с допущенной правоинтерпретационной ошибкой, следствием которой стал неверный вывод.

Требование ненадуманности довода – также фундаментальное правило, согласно которому недопустимо использовать выдуманные или интерпретированные под правовую позицию, занимаемую аргументатором, юридические доводы. Например, призывник выдумывает в качестве обоснования для уклонения от призыва на военную службу приверженность пацифистским взглядам.

Требование относимости правового довода. Оно предполагает необходимость соответствия юридического довода теме юридической аргументации и аргументируемому тезису. Тема юридической аргументации – это предмет спора, например определение места жительства ребенка. Тезис юридической аргументации – обосновываемая или защищаемая правовая позиция, например позиция о проживании ребенка с матерью.

Иногда участник спора предпринимает попытку уйти от обсуждаемого предмета спора. В своем Постановлении от 27 февраля 2017 г. № 18АП-16364/2016 по делу № А76-25358/2015 Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд [7] указал: «Доводы Богуща К.Л. и Дарьина Э.Б. о том, что банк не выполнил условия генерального кредитного договора № 652 от 08.04.2013 о том, что фактически кре-

дит был предоставлен не на пополнение оборотных средств и приобретение основных средств... подлежат отклонению. Данные доводы не имеют отношения к существу рассматриваемого спора с учетом предмета и основания заявленных требований, кредитный договор предметом оспаривания не являлся». Таким образом, суд отводит доводы, не относимые к делу.

Требование непротиворечивости юридических доводов – важное правило, согласно которому представляемые доводы не должны противоречить друг другу. Доводы должны быть взаимосогласованными. Расхождение доводов, их несоответствие в обосновании одной и той же правовой позиции может существенно дискредитировать лицо, представляющее эти доводы. Кроме того, определив наличие противоречий в доводах субъекта аргументации, суд может прийти к выводу о недостоверности какого-либо довода.

Требование последовательного изложения юридических доводов. Исходя из этого правила, субъект юридической аргументации, представляя доводы, должен выстраивать их логично друг за другом. Очередность расположения доводов в процессе юридической аргументации может стать важным фактором убеждающего воздействия. Нарушение данного требования не может повлечь за собой отказ в принятии

того или иного довода. Его выполнение важно для самого аргументатора, чтобы не сбиться и поочередно привести все необходимые аргументы.

Требование проверенности юридического довода – это правило, в соответствии с которым лицо, представляющее аргумент, должно проверить его правильность, исходя из требования достоверности. Нужно учитывать, что непроверенный довод все же может являться достоверным. Проверка направлена на исключение недостоверных доводов и ослабление собственной правовой позиции. Что же касается суда, то мы уже выяснили, что, по сути, он оценивает все юридические аргументы, представленные сторонами. Отсутствие проверки довода может привести к правоприменительной или правоинтерпретационной ошибке суда по рассматриваемому делу.

Можно говорить и об иных требованиях, которые предъявляются к юридическим доводам. Среди них требование допустимости, достаточности, убедительности, ясности и иные. Полагаем, возможно ввести в ГПК РФ и АПК РФ, как в принципе и в иные процессуальные кодексы, отдельную статью, которая бы закрепляла требования к юридическим доводам при рассмотрении дела в суде, а также основания, по которым суд может отклонить тот или иной довод. Такими основаниями должны стать нарушения требований представления доводов.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 11.06.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Каргин К.В. Юридический довод // Государство и право. 2020. № 6. С. 43-53.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 12 мая 2014 г. по делу № 33-7729. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/124706276/> (дата обращения: 25.09.2022).
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29 января 2020 г. по делу № А40-234815/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zXZvzXUoC9xh/> (дата обращения: 25.09.2022).
6. Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 01.08.2017 по делу № 2-2279/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/369208.html> (дата обращения: 25.09.2022).
7. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2017 г. № 18АП-16364/2016 по делу № А76-25358/2015. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAP S018&n=110782&dst=100079#YLkXRITJSktvJipH> (дата обращения: 25.09.2022).

Информация об авторе

К.В. Каргин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

K. V. Kargin – Candidate of Science (Law), Associate Professor.